

Е.В. Грезе

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
ГРЕЗЕ**

Институт морских биологических исследований
им. А.О. Ковалевского РАН

Е.В. Грезе

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
ГРЕЗЕ
1915 - 1988
Биографический очерк, дневники**

Ответственный редактор
доктор биологических наук, профессор
Г.В. Зув

Севастополь
2016

УДК 001:574.583(091)

ББК 28.082

Г 79

Ответственный редактор: доктор биологических наук, профессор Г.В. Зуев.

Грезе Е.В.

Г 79 Владимир Николаевич Грезе, 1915–1988 : Биографический очерк, дневники / Е.В. Грезе; отв ред. Г.В. Зуев. – Севастополь : ООО «КИА», 2016. - 288 с. : ил.
ISBN 978-5-9907362-3-8

Книга – первый полный научно-биографический обзор – посвящена жизни и деятельности крупного отечественного ученого, члена-корреспондента АН УССР, доктора биологических наук, профессора Владимира Николаевича Грезе, заслуги которого в развитии гидробиологии широко известны. Он автор капитальных трудов, обогативших теорию и практику гидробиологии, определяющих в значительной степени перспективы развития отечественной планктологии. Книга написана на основе обширных документальных и семейных архивных материалов, воспоминаний коллег и учеников, приведена полная библиография его работ.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей науки.

Издание приурочено к 100-летию со дня рождения В.Н. Грезе и 145-летию Института морских биологических исследований им. А.О. Ковалевского РАН (ранее Севастопольская биологическая станция и Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского).

УДК 001:574.583(091)

ББК 28.082

Greze E.V.

Vladimir Nikolaevich Greze, 1915–1988 : Biographical essay, diaries / E.V. Greze ; G.V. Zuev Eds.). – Sevastopol : KIA , 2016. – 288 p. : ill.

The book — the first complete scientific and biographical review — is dedicated to life and activity of outstanding soviet scientist, correspondent member of the National Academy of Sciences of USSR, professor Vladimir Nikolaevich Greze, whose merits in the development of hydrobiology are widely known. His major works have enriched theory and practice of hydrobiology, and these works determine to a great extent the perspectives of the development of native planktonology. The book is based on extensive documentary and family archives and on memories of colleagues and students. The book contains a complete bibliography of Greze's works.

The book is designated for a wide range of readers, who are interested in the history of science.

The publication is timed with the 100th birth anniversary of V.N. Greze and the 145th anniversary of Kovalevsky Institute of Marine Biological Research of RAS (former Sevastopol Biological Station and Kovalevsky Institute of Biology of the Southern Seas).

ISBN 978-5-9907362-3-8

© Е.В. Грезе, 2016

© ИМБИ РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Детские и юношеские годы	5
Студенчество. Значимые люди и события.	12
Красноярск. Сибирское отделение ВНИОРХ.	20
Севастополь. СБС – ИнБЮМ АН УССР	56
Ираида Ивановна Грезе – супруга, друг и соратница	137
Воспоминания коллег	165
Таймыр (Экспедиционная повесть)	194
Библиографический список научных работ В.Н. Грезе	265
Использованные источники	286

От автора

В 2015 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного ученого-гидробиолога — Владимира Николаевича Грезе. По глубине, размаху, оригинальности его работы и в настоящее время служат основными источниками при изучении биологии пресных и морских водоёмов, особенно продукционных процессов в экосистемах.

Его труды оказали значительное влияние на развитие отечественной гидробиологии в середине XX века, успехи которой были заметны и оказывали влияние на международном уровне.

В.Н. Грезе родился на территории дореволюционной России, в Москве, специальное образование получил в Харьковском университете, его научное становление прошло в Сибирском отделении Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), творческий профессиональный расцвет пришёлся на Севастопольский период жизни, когда В.Н. Грезе возглавлял Институт биологии южных морей НАН УССР. Его страстная любовь к путешествиям совпала с научной потребностью, он совершил множество научных экспедиций, от озера Таймыр до Карибского моря. В.Н. Грезе, свободно изъясняясь на английском и французском языках, представлял интересы СССР в Консультативном комитете ЮНЕСКО, обладал огромной работоспособностью, добротой, душевной чуткостью и тонким чувством юмора.

Автор выражает благодарность коллегам и ученикам В.Н. Грезе, в разные годы работавшим с ним и предоставившим свои воспоминания, которые вошли в содержание книги. Выражаю большую благодарность всем, кто принимал участие в подготовке и организации издания: Г.В. Зуеву за ценные советы и тщательную редакторскую и корректорскую правку, внукам В.Н. Грезе — Д.О. Лосю и А.О. Лосю — за помощь в наборе текста дневников и обработке фотографий, Е.Л. Невровой за помощь в подготовке фотоматериалов, Н.А. Мильчаковой за помощь в организационно-финансовых вопросах, О.А. Акимовой за помощь в оформлении библиографических данных, Ю.Г. Шкорбатову за предоставленные архивные материалы по харьковскому периоду жизни В.Н. Грезе.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

...Зимнее солнышко греет шубу, сверкает разноцветными искрами на снегу, размеренный легкий хруст снега убаюкивает и погружает в блаженство. Папа тащит меня на санках вдоль лесной опушки. Абсолютное счастье...

*Красноярск, январь 1957 г.,
Елена Грезе, первые воспоминания*

О фамилии Грезе известно немного. Мемуаров папа не оставил, домашние архивы скромные, изустные воспоминания о своей семье если и были, то в силу моего малого возраста и осознания не фиксировались, а в семейном общении в дальнейшем не проговаривались. Всё это сегодня вызывает большое сожаление о невосполнимости драгоценных знаний о жизни родного человека.

Родился Владимир Николаевич Грезе 9 декабря (26 ноября ст. стиля) 1915 г. в г. Москве, Замоскворечье. Проживала семья на школьной квартире дедушки (по материнской линии) Сергея Ивановича Соколова, 1859 г. рождения, учителя, заведующего Народным училищем, и бабушки Серафимы Дмитриевны Соколовой 1859 г. рождения, тоже учительницы.

У четы Соколовых росли три дочери – Антонина, Вера и Надежда – близких по возрасту и очень дружных между собой.

Бабушка (по материнской линии) Серафима Дмитриевна Соколова и дедушка Сергей Иванович Соколов. Москва

Судьбы их сложились непросто, много тревог и горя было пережито в гражданскую и Великую Отечественную войны, выжить посчастливилось только Антонине Сергеевне.

Одна из сестер, Надежда Сергеевна Соколова, 1889 г. рождения, позже станет матерью Владимира Николаевича Грезе и посвятит жизнь мужу и сыну.

Предки Владимира Николаевича по отцу тоже жили в Москве, его дедушка Самуил Федорович Грезе, преподаватель Московского коммерческого училища, был женат на Марии Александровне (к сожалению, фамилия неизвестна). В конце 1880-х у них родились два сына: Николай (будущий отец Владимира) и Борис. Неисповедимы пути Господни. Молодые люди из среды педагогической интеллигенции нашли друг друга. Братья Грезе сосватали себе в жёны двух сестер Соколовых, связав обе фамилии родством по крови и духу.

Дедушка (по отцовской линии) Самуил Федорович Грезе, бабушка Мария Александровна и сыновья Борис (слева) и Николай

Отец, Грезе Николай Самойлович, 1886 г. рождения, учился, а затем работал в Московском университете ассистентом. Его научные интересы были связаны с паукообразными. Он изучал систематику пауков, собранных в разных регионах Российской Империи – от Украины до южного Ямала [1].

Так, в его работе 1909г. содержатся первые сведения о пауках разнотравно-типчачково-ковыльных степей Левобережной Украины [2]. В 1910-е годы он являлся куратором коллекции паукообразных университетского музея.

Весной 1918 г. семья Николая Самойловича переехала в Киев, обустроилась на казенной квартире в бывшем Владимирском Киевском кадетском корпусе. В 1919 г. Николай Самойлович преподавал «гражданские» предметы на 4-х Советских пехотных киевских командных курсах, которые открылись на территории бывшего кадетского корпуса.

Что же представляли собой эти курсы? Как пишет О.И. Щусь, всего на курсах обучалось 262 человека, 148 курсантов были добровольцами, а 114 — призванными в Красную Армию по мобилизации. Выходцев из рабочих было значительно меньше, чем из крестьян. Среди преподавательского состава преобладали бывшие офицеры, закончившие академию Генштаба, и старые преподаватели, строевые отделения возглавляли кадровые офицеры бывших военных училищ [3].

В 1922 г. семья переселится в городскую квартиру на улице Большой подвальной, которая сегодня называется Ярославов Вал, а уже весной 1923 г. маленький Володя на всё лето отправляется вместе с родителями в Дарницкое опытное лесничество, где отец занимается научной работой.

Дарницкое лесничество станет родным летним местом обитания семьи вплоть до мая 1931 г. В ходе Первой мировой войны и революции лесное хозяйство страны сильно пострадало. Лесонасаждения оказались в расстроеном состоянии, что, в свою очередь, приводило к массовым размножениям вредителей, которые наносили громадные убытки народному хозяйству. В первые дни существования советской власти пришлось принимать решительные меры для защиты лесных насаждений.

Вначале изучение насекомых носило эпизодический характер. Плановые работы в этой области начались в 1924 г., когда была создана Дарницкая лесная опытная станция. Эта станция была организована З.С. Головянко в поселке Бортнички под Киевом близ села Дарница. Ее основателю посчастливилось создать коллектив работников, которые стали известными специалистами в области лесной энтомологии — А.И. Ильинский, Н.С. Грезе, В.Л. Циопкало, И.И. Жихарев, В.Ю. Пархоменко, Д.Ф. Руднев, М.А. Анфинников и другие. За 1924—1925 гг. сотрудниками станции было

опубликовано более 30 работ [4]. Николай Самойлович Грезе изучает биологию жуков-короедов, в частности, дубового усача. В этот период в специальной литературе дискутируется вопрос, является ли дубовый усач первичным или вторичным вредителем, то есть нападает ли он на совершенно здоровые или на ослабленные деревья.

В материалах Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (МСХА) цитируется работа Н.С. Грезе (1928), в которой он формулирует свои наблюдения по этому вопросу следующим образом: «Усач обычно откладывает яйца на старых дубах, которые по какой-либо причине выставлены на свет». В доказательство этого положения Н.С. Грезе приводит хотя и многочисленные, но убедительные данные о сильной зараженности опушечных дубов по сравнению с дубами, растущими в насаждении. Однако, из этих данных еще не ясно, что именно благоприятствует заражению дерева усачом: возраст деревьев, их открытое положение или резкое изменение условий роста, связанное с внезапным осветлением в старом возрасте и в той или иной мере ослабляющее дерево [5]. В Дарницком лесничестве в Киеве Н.С. Грезе проработал научным сотрудником с 1919 по 1931 год, где защитил кандидатскую диссертацию по дубовым усачам.

Первого сентября 1924 г. Володя пошел в первый класс 52-й трудовой школы г. Киева. Закончив семилетку в мае 1931 г., осенью он 2 месяца проучился в ФЗУ (фабрично-заводское училище) № 4 Укрполиграфобъединения. Причиной такой краткости учебы стал переезд семьи в конце октября 1931 г. в Харьков. Семья Грезе поселилась в центре Харькова в одноэтажном особняке по улице Ольминского, 3а. Этот особняк и адрес сохранились и по сегодняшний день. Есть сведения, что улица названа псевдонимом народовольца и литератора Михаила Александрова, известного как Ольминский. Улица буквально «нашпигована» зданиями с интересной архитектурой. Например, есть история «родившейся в рубашке» одноэтажки дореволюционной постройки (дом № 3а). Она примыкает к многоквартирному жилому дому под № 5, который начали возводить в конце 1930-х годов. Грянула Великая Отечественная война, и о планах сноса одноэтажки, как и достраивания первого подъезда дома на Ольминского, 5, забыли. Теперь

квартиры первого подъезда советского «недостроя» располагаются только с одной стороны [6]. Кстати, в своих последних письмах к сыну Надежда Сергеевна упоминала о хлопотах отца по поводу их переселения в новую пятиэтажку, на верхний этаж, где будет горячая вода и газ. Но всё тянули со строительством.

В Харькове Николай Самойлович поступил в Институт защиты леса, где работал заведующим сектором до последних дней, занимался вредной черепашкой лесополос, писал докторскую диссертацию.

*Дом по адресу ул. Ольминского, 3а,
где жила семья Грезе с 1931 по 1942 г.*

Володя после переезда стал студентом 1-го курса Харьковского садово-декоративного техникума. Ярким событием июля 1932 г. была поездка по туристической путевке в Крым. Маршрут охватывал Бахчисарай, Южный берег Крыма и Севастополь. Судьба улыбнулась и наметила пунктиром будущий путь на юг.

Семейные корни, воспитание и традиции сформировали необходимый для активной практической и теоретической научной деятельности склад характера юного Владимира, упорство в достижении цели, скромность, доброту и радостный фон восприятия жизни. А сколько на этой стезе ещё предстояло дорог, событий и переживаний?!

*Грезе Николай Самойлович
с сыном Володией.
Январь 1916 г.*

*Надежда Сергеевна Грезе
(Соколова) с сыном
Володей. Лето 1916 г.*

Володя Грезе в Дарницком лесничестве. 1925 г.

Семья Грезе в Киеве, ул.Большая подвальная. 20-е годы.

*Володя с отцом. Киев.
Май 1930 г.*

*Мать Грезе Надежда Сергеевна, бабушка Серафима Дмитриевна Соколова.
Стоят: Владимир Николаевич и дядя Борис Самойлович Грезе. Харьков. 1931 г.*

СТУДЕНЧЕСТВО. ЗНАЧИМЫЕ ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

Володя с самого раннего детства рос в атмосфере научной мысли, самоотверженного служения и большого уважения к науке, наблюдая «изнутри» жизнь учёных на примере отца и дяди Бори. Поэтому осенью 1932 г. он без колебаний и с радостью поступил на 4-й курс Рабфака при Харьковском пединституте, который уже в 1933 г. был восстановлен как Университет.

Будучи студентом, Владимир активно путешествовал, просился в исследовательские экспедиции, с энтузиазмом работал на практике на Донецкой биостанции университета, изучая водоёмы поймы Северского Донца. Летом 1934 г. он провел практику в Карадаге, в 1935 г. был на Кавказе, где совершил путешествие по Военно-Сухумской дороге по маршруту ст. Невинномысская – Баталпашинск – Теберда – Домбай – Сухуми. Зимой 1936 г. участвовал в научной экспедиции на Донбасс: Луганск – Кадиевка – Ворошиловск и др. с целью обследования санитарно-биологического состояния водоёмов области. В июле-августе 1937 г. Владимир проводил работу на Змиевской малярийной станции по изучению лярвифагности гамбузии по заданию Харьковского протозойного института. Такая увлеченность и погруженность в науку поглощала всё время и мысли. В свободное от научных занятий время Владимир общался со студентами-сверстниками, приятелями со своего курса, встречались у кого-то дома, пили чай, вели дискуссии на разные темы, иногда выезжали на природу в район биостанции, Коробова хутора и ребята, имеющие охотничьи ружья, тренировались в стрельбе.

Принимая во внимание сходный характер направленности научных интересов Владимира Грезе и Бориса Самойловича, с большой вероятностью можно предположить, что определяющую роль в становлении научных интересов Владимира Николаевича сыграл его дядя. Это большая поддержка и творческий стимул при наличии собственного потенциала развития и научного энтузиазма. Увы, к сожалению, нет сведений о контактах дяди и племянника, но, вероятно, Володя следил за научной деятельностью дяди, возможно, переписывался, обсуждал с отцом.

Борис Самойлович Грезе, блестящий учёный, преданный науке гидробиолог. Научные интересы Б.С. Грезе довольно широки и представлены гидробиологическими исследованиями водоёмов Волжского бассейна, многочисленных озёр и рек. Его научная деятельность сопровождалась активным сотрудничеством с коллегами, множеством поездок в экспедиции, на конференции и симпозиумы, в том числе и в зарубежные страны. Известно, что он в течение многих лет работал на кафедре зоологии Ярославского педагогического института, которая существует с 1918 г. История кафедры неразрывно связана с именами известных ученых, в разное время работавших на кафедре или возглавлявших ее. Неоценим вклад в развитие кафедры профессоров А.В. Шестакова, Б.С. Грезе, Л.И. Мурского, А.Я. Бирштейна, А.Г. Андреса, доцента И.И. Макковеевой, Н.В. Кузнецова и многих других. Они же определяли и направление научных исследований. Так, возглавлявшая кафедру в 1920 г. С.К. Лепнева, ставшая впоследствии доктором биологических наук, положила начало гидробиологическому направлению работы кафедры. Особо значимый вклад в развитие этой области исследований внесли профессор Б.С. Грезе, его ученик доцент А.А. Кулемин и профессор Я.А. Бирштейн, в разное время возглавлявшие кафедру и руководившие научными исследованиями. В 1922 г. профессор Б.С. Грезе организовал на биолого-географическом отделении педфака вторую кафедру зоологического цикла - общей биологии и сравнительной анатомии, – которую возглавлял до 1931 г. Вместе с ним и под его руководством исследованием местных водоемов занимались С.Н. Уломский, впоследствии известный гидробиолог, и А.А. Кулемин – будущий заведующий кафедрой зоологии Ярославского пединститута. Основное внимание уделялось изучению биологии пресных вод как с теоретической, так и с хозяйственной точек зрения.

В 1924 г. в Московском университете была организована кафедра гидробиологии, а постоянной базой летней практики студентов стала Косинская биологическая станция. На её базе был организован научный семинар, который посещали многие видные гидробиологи – Л.А. Зенкевич (будущий акаде-

мик), С.А. Зернов (академик), проф. В.В. Алпатов, Г.Ф. Гаузе (его именем назван НИИ по изысканию новых антибиотиков РАМН), проф. Б.С. Грезе, проф. С.Д. Муравейский, проф. Б.С. Скопинцев, проф. С.В. Бруевич и многие другие. Большинство перечисленных лиц вошли в учебники, как классики лимнологии и экологии [7]. До 1928 г. исследовались главным образом мелкие временные водоемы и водоемы окрестностей Ярославля, водоемы Крайнего Севера в районе Мурманской биостанции, а также озера Молого-Шекснинского междуречья. С 1928 г. началось изучение озера Неро и водоемов Некрасовского и Петровского районов Ярославской области. Именно под руководством профессора Б.С. Грезе на факультете была создана специальная лаборатория для обслуживания гидробиологических исследований. Им был описан один из видов коловраток *Brachionus forficula reducta* Grese, 1926, высокая жизнеспособность которого была объяснена автором как приспособление к необычным для нее условиям обитания в умеренных широтах [8].

В обработке собранных гидробиологических материалов кроме членов кафедры принимали участие сотрудники Зоологического музея АН СССР и Государственного гидрологического института. В результате проведенных исследований была дана биологическая и хозяйственная оценка водоемов и рекомендованы планы их рациональной эксплуатации.

В 1931 г. Б.С. Грезе перешёл во Всесоюзный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства, где продолжал исследования зоопланктона и продуктивности водоемов [9]. Б.С. Грезе несколько лет возглавлял гидробиологическую станцию «Глубокое озеро», расположенную в Рузском районе Московской области, примерно в 90 км к западу от Москвы, на берегу одноименного водоема. Эта старейшая в нашей стране, и одна из старейших в мире, пресноводная биологическая станция была основана в 1891 г. по инициативе председателя отдела ихтиологии Русского Императорского общества акклиматизации животных и растений, профессора Московского университета Н.Ю. Зографа. Первым ее заведующим стал будущий академик С.А. Зернов. В последующие годы станцию возглавляли

известные биологи Н.В. Воронков, Б.С. Грезе, А.В. Румянцев, Г.С. Карзинкин, А.П. Щербаков [10].

Привожу далеко неполный библиографический список работ Б.С. Грезе, чтобы можно было составить представление о его научной деятельности.

1. Грезе Б.С. 1910. К вопросу о генезисе речного планктона. - Тр. Гидробиол. ст. на Глубоком оз. 3: 18с.
2. Грезе Б.С., Румянцев А.В. 1910. О зимней микрофауне и микрофлоре Глубокого озера и других водоемов окрестностей г. Москвы. - Тр. Гидробиол. ст. на Глубоком оз. 3: 23-24.
3. Грезе Б.С. 1911. Ueber eine blinde Nemastoma – Art aus einer Hohle der Krim (Nemastoma caecum). - Zool. Anz. -- Bd. 37. – S. 54–61.
4. Грезе Б.С. 1912. Отчет о экскурсиях на Сенежское озеро. - Тр. Гидробиол. ст. на Глубоком оз. – Москва: тип. Моск. ун-та, - 14 с.: 7-20.
5. Грезе Б.С. 1922. Микроскопическая фауна Волги под г. Костромой. - Тр. Костромск. научн. общ. по изуч. местн. края. 27: 73-82.
6. Грезе Б.С. 1922. К биологии мелких периодических водоемов. - Русский гидробиол. журн., - т. VIII, №1-3.
7. Грезе Б.С. 1928. О планктоне Шексны, Мологи и Сити. - Тр. Ярославск. естеств. инст. и краев. общ. 4(2): 11-18
8. Грезе Б.С. 1929. Исследования оз. Неро в гидробиологическом и рыбохозяйственном отношении. Ч.1. Гидрология. - Ростовский краевед. Вып.1, С.9-36.
9. Грезе Б.С. 1929. К биологии пойменных озер. I. Зоопланктон озер р.Костромы. - Тр. Костромск. научн. общ. по изуч. мест. края. 43: 1-20.
10. Грезе Б.С. 1930. Исследования оз. Неро в гидробиологическом и рыбохозяйственном отношении. Ч.2. Бентос. - Ростовский краевед. Вып.2, С.3-27.
11. Грезе Б.С. 1933. Лимнологический очерк Валдайских озер и их предварительная рыбохозяйственная оценка. - Изв. ВНИОРХ. - Т. 16. - Стр. 66-128.

Борис Самойлович Грезе

12. Грезе Б.С. 1941. Определение возможной рыбопродукции. — В кн.: Рыбные богатства Ленинградской области, М.-Л.; С.85-89.

13. Грезе Б.С., Карпова К.И. 1941.- О планктоне озера Тургояк. - Тр. Уральск. отд. ВНИИОРХ. - Т. 3. С. 175-205.

14. Грезе Б.С. 1943. Материалы по продуктивности зоопланктона в Валдайском озере. - Изв. ВНИОРХ.- Т. 26 (2): 25-88.

Борис Самойлович был женат на второй из сестер Соколовых, Вере. Детей у них не было. Вера Сергеевна посвятила свою жизнь интересам мужа, имела отношение к гидробиологическим исследованиям как его помощница (подробной информации нет).

Б.С. Грезе (в центре), Л.С. Берг (справа). Ярославль. 30-е годы

Во время войны супруги находились с институтом в эвакуации в Тобольске, где Борис Самойлович Грезе умер 19 ноября 1942 года.

Однако, вернемся к студенческим годам. В автобиографии Владимир Николаевич упоминал в шести-семи строках драматические события 1937-1938 гг., связанные с его арестом с группой товарищей. 18 ноября 1937 г. НКВД был произведен обыск у четверых студентов биологического факультета Страхова Вадима, Шкорбатова Юрия, Грезе Владимира и Ревы Бориса, за которым последовал арест.

На основании статьи 126 УПК и, руководствуясь статьёй 127 УПК УССР 3 декабря 1937 года, НКВД вынесло постановление привлечь этих студентов в качестве обвиняемых по статьям 54⁸, 54¹⁰ и 54¹¹ УК УССР. Им предъявлялось обвинение в участии в антисоветской организации. Мерой пресечения было избрано содержание под стражей в следственном изоляторе Харьковского областного НКВД, а затем на Холодной Горе. Следствие тянулось больше года.

В конечном счёте, свидетельских показаний, которые уличали бы этих студентов в антисоветской деятельности, в деле не оказалось. Постановлением Помощника Военного Прокурора Харьковского военного округа дело в отношении Шкорбатова Ю.Л., Страхова В.Т., Грезе В.Н. и Ревы Б.А. дальнейшим производством прекращено за недостаточностью доказательств для предания суду, а избранная мера пресечения – содержание под стражей – отменена. В ходе расследования выяснилось, что они были оклеветаны студентом их же факультета, являвшимся организатором антиправительственной пропаганды в среде студенческой интеллигенции. Провокатор и его товарищи были осуждены.

Новый, 1939 год, узники встречали ещё в тюрьме, но 3 января они вышли на свободу, потом были реабилитированы и восстановлены в правах студентов биологического факультета Харьковского университета. Со времени тех событий Владимир Грезе близко сошелся с Юрием (Георгием) Леонидовичем Шкорбатовым. Общие научные интересы и сердечная дружба связывали их всю жизнь.

Интересно и живо написал о Георгии Леонидовиче в своей книге «Леонид Андреевич Шкорбатов» (издательство «Наука», 2005 г.) А.Е. Овечкин, опираясь на семейные архивы семьи Шкорбатовых. Георгий Леонидович специализировался по гидробиологии при кафедре зоологии беспозвоночных у проф. В.Л. Паули, а затем по альгологии на кафедре низших растений у проф. А.А. Коршикова. С августа 1942 по ноябрь 1945 года был призван в ряды Красной армии и участвовал в боевых действиях в составе стрелковых формирований. За боевые заслуги в годы войны награждён орденом Красной звезды [11, с.185].

В 1951 г. Георгий Леонидович защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Эколого-физиологические особенности близких форм пресноводных животных, обитающих в разной среде” и продолжал научную деятельность. В последующие годы он освоил новые объекты исследований – пресноводных рыб и практически ежегодно организовывал экспедиции в различные климатические зоны, расширяя географию ихтиологических исследований от озёр Карелии до озера Севан. Его научные интересы касались проблем акклиматизации пресноводных рыб,

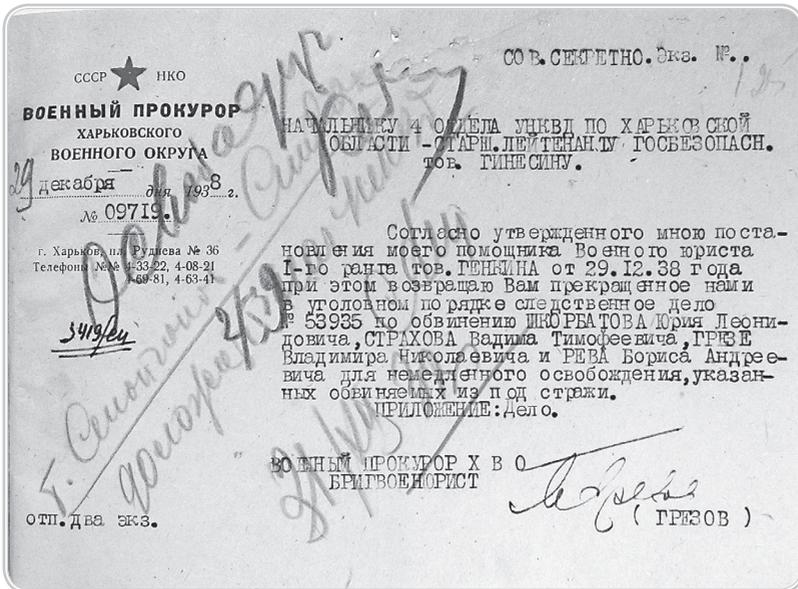

Г.Л. Шкорбатов. 1947 г.

**(Фото из книги
А.Е. Овечкина)**

выживания их личинок. Обширный цикл проведенных работ лёг в основу докторской диссертации «Эколого-физиологическая активность и вопросы акклиматизации пресноводных рыб», которую он защитил в 1965 г. В 1968 г. был избран деканом биологического факультета. Он организует международное сотрудничество с коллегами из Познанского университета, налаживает обмен визитами учёных. Обладая широкими взглядами и, будучи воспитан в семье с традициями старой профессорской школы, ему становится всё труднее контактировать с партийными органами. Как он говорил: «В моём парт-

билете уже нет места, куда можно ставить выговоры» [11, с.186]. Проявляя творческое воображение и способности к глубокому обобщению фактического материала, он предложил оригинальный принцип «эволюционного квантования», изложенный в монографии «Эколого-физиологические аспекты микроэволюции водных животных» (Харьков, изд. ХГУ, 1973). Он вновь и вновь возвращался к понятию биологического вида, этому загадочному объекту эволюционной теории. В 1976 г. была опубликована монография «Вид в природе и науке» (Харьков, изд. «Вища школа», 1976), которую он впоследствии дополнил и издал под названием «Вид и видообразование» (Иваново, изд. ИВГУ, 1979). 5 декабря 1985 г. Георгий Леонидович скончался. Он оставил после себя, кроме научных трудов и учебных пособий, десятки пейзажных акварелей, размышлений в стихотворной форме, фронтовые дневники и рукопись «Автобиографические заметки» [11]. Владимир Николаевич тяжело переживал утрату близкого друга.

**Распоряжение об освобождении студентов из-под стражи
 29.12.1938 г.**

КРАСНОЯРСК. СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВНИОРХ

Окончив с отличием биофак ХГУ, Владимир Николаевич в июле 1939 г. прибыл в Красноярск, где был принят на работу по специальности гидробиолога в Сибирское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), которое в это время нуждалось в профессионалах. Вероятно, социально-психологическая обстановка и внутривластные тенденции в стране обусловили выбор молодого специалиста уехать из Харькова на восток, за Урал, в Сибирь. Начинался долгий, сколь интересный, столь и трудный этап в жизни В.Н. Грезе длиной в 18 лет. В эти годы он принимал активнейшее участие в научно-промысловых исследованиях на водоёмах Алтайского и Красноярского краёв, на Енисее и Енисейском заливе Карского моря.

Красноярск – один из старейших городов Сибири. Основан в 1628 г. отрядом казаков во главе с Андреем Дубенским как военный острог. Первоначально поселение называлось Красный Яр, что означает «Красивый берег» (по красному цвету мергеля, составляющего толщу левого высокого берега реки Качи, ниже Красноярска). Статус города Красноярск получил в 1690 г., когда Сибирь была окончательно присоединена к России. В 1822 г. царским указом была создана Енисейская губерния, и Красноярск стал ее центром [12]. Антон Павлович Чехов в путевых очерках «О Сибири» в 1890 г. писал: «На этом берегу Красноярск – самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том – горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные».

Подробное описание событий красноярского периода жизни В.Н. Грезе стало возможным благодаря богатейшей антологии Сибирского отделения ВНИОРХ, воплощённой в Очерках истории рыбохозяйственных исследований Сибири (1908–1968), составленных большим коллективом людей, любящих свой край, так или иначе причастных к разным этапам истории родного института.

Основные задачи Сибирского отделения ВНИОРХ сводились к организации рыбного хозяйства в регионе, в первую очередь, рыболовства, созданию и укреплению сырьевой базы рыбной промышленности, приданию ей устойчивости. Инвентаризация рыбохозяйственных водоемов Сибири к этому времени была, в основном, закончена. Необходимо было приступать к их освоению. Возникла необходимость разрабатывать методику исследования и использования их для рыбохозяйственных целей. В результате, в СО ВНИОРХ определилось биологическое направление (1938-1939 гг.), ставшее основным на долгие годы [13, с. 190].

К середине лета 1939 г. в Красноярск начали прибывать молодые научные сотрудники. Из Пермского университета – Антонина Викторовна Сычова и Ираида Ивановна Тарасова (будущая супруга В.Н. Грезе). Тогда же прибыли Евгений Михайлович Набоких и Иван Михайлович Микрюков. Из Харькова приехал Владимир Николаевич Грезе, из Ленинграда – Нина Никитична Боброва, из Иркутского университета – Ольга Александровна Толстихина. Вновь прибывшие молодые сотрудники составили основное ядро научных кадров по ихтиологии и гидробиологии, связав свою жизнь с судьбами рыбного хозяйства. Вскоре они были распределены по темам и экспедициям и начали уезжать на полевые работы. Отделение начало нормально функционировать [13, с. 192].

Уже во второй половине 1939 г., едва устроившись на месте, Владимир Николаевич посещает города Тайгу и Томск, отправляется в научную экспедицию по маршруту Новосибирск – Бийск – Барнаул – Алейск. Работает на озерах Уткульской и Боровской групп, собирает пробы зоопланктона для оценки кормовой базы этих водоёмов. Однако, уже в следующем, 1940 г., начавшиеся регулярные исследования начали испытывать затруднения. Были сокращены расходы на улучшение организации научной работы, повышение квалификации сотрудников и приобретение спецодежды, которой Сибирскому отделению, работавшему за Полярным кругом (и в любое время года), требовалось больше, чем аналогичным учреждениям из других районов страны. В результате, из-за отсутствия сапог не удалось отправить на Север студентов-практикантов Казанского университета [13, с. 194].

*В.Н. Грезе.
1940 г.*

*И.И. Тарасова.
1940 г.*

*Коллектив Сиб. Отд. ВНИОРХ. Красноярск.
Июнь 1941 г.*

Слева направо: Гудовская, Богданович Людмила Гавриловна (бухгалтер), Лабецкий Иван Калистратович (директор), Сычова Антонина Викторовна, мл.научн.р., Настя Почекутова, Белов Николай Николаевич, ст.н.р., Толстихина Ольга Александровна, мл.н.р., Кравчук Владислав Антонович м.н.р., Тарасова Ираида Ивановна мл.н.р., Лобовикова Анна Алексеевна мл.н.р., Грезе Владимир Николаевич мл.н.р., Лобовиков Лев Николаевич ст.н.р., крайний справа Вовк Федор Игатьевич ст.н.р.

Слева – лаборатория гидробиологии, правее – квартира А.В. Сычовой, в пристройке справа – мастерская, 50-е годы

С началом 1940-х гг. важным направлением работ отделения являлось составление рыбопромысловой карты Енисея от р. Курейки до Енисейского залива, изучение сырьевой базы рыбной промышленности низовьев р. Енисея, в частности, размножения проходных сиговых рыб р. Енисея (муksуна, ряпушки, чира и нельмы). Молодые научные работники охотно и без усталости отправлялись в труднейшие экспедиции, привозя из них уникальные по ценности, объемам и разнообразию материалы. В 1940 г. В.Н. Грезе принимает участие в гидробиологической экспедиции на Левинские пески.

Левинские пески – посёлок в Таймырском районе Красноярского края. Возник в 1939 г., расположен в 20 км от города Дудинка, на левом берегу реки Енисей. Современный вид Левинских песков мало чем отличается от вида 1940-х. Только в 1952 г. Сибирское отделение ВНИОРХ организовало здесь свой научный пункт. Тогда и было начато комплексное изучение рыбы и рыбного хозяйства реки Енисей [15]. Конечно, в такие экспедиции отправлялись не в одиночку. В состав экспедиции на Левинские пески входили 6 сотрудников отделения.

Летом этого же года гидробиологические исследования проводятся на Енисее в районе Кокуйского песка и Мироедихи, на

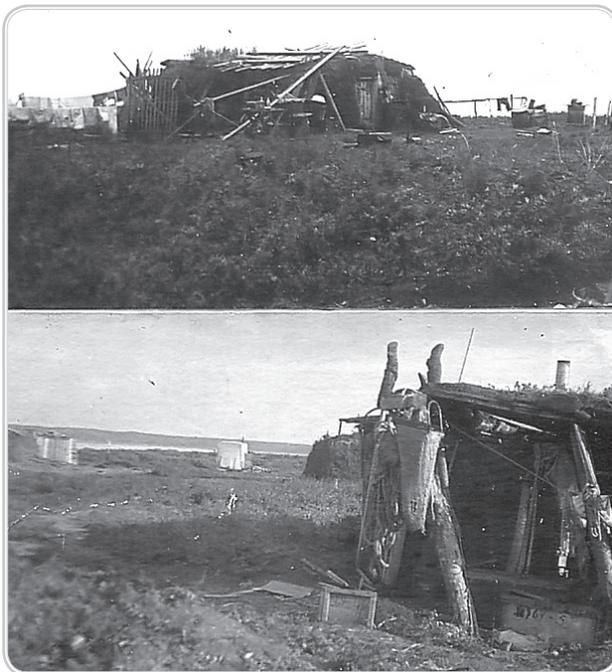
Среднем течении, на реках Подкаменная Тунгуска и Мана. Работы производились с помощью бота «Академик Берг». Енисей – одна из величайших рек мира и России, впадает в Карское море Северного Ледовитого океана, её длина 3487 км. Название реки происходит от древнекиргизского «Эне-Сай» – мать-река, или от эвенкийского «Ионэсси» – большая вода [14] .

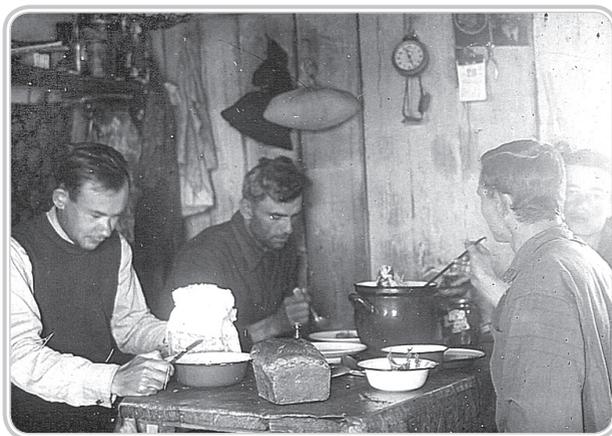
Экспедиция на Левинские пески. 1940 г. Слева направо: В.Н. Грезе, Яша-паразитолог, Е.А. Коряков, О.Н. Бауер, Лёня-ихтиолог, Ф.И. Вовк

О.Н. Бауер и Ф.И. Вовк проводят биологический анализ нельмы. Левинские пески. 1940 г.

*«Балаган» (жильё и лаборатория) на Левинских песках.
На переднем плане – сушится планктонная сеть*

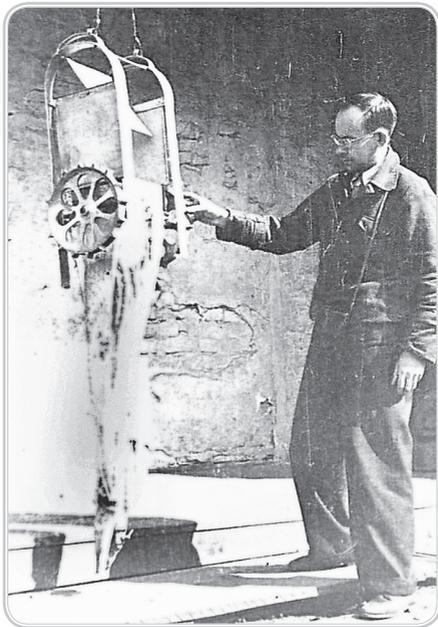
*Экспедиция обедает в своём «балагане». Слева – В.Н. Грезе.
Левинские пески. 1940 г.*

Франц Адамович Коморовский за изготовлением драги. 1940 г.

Бот «Ак. Берг» у Мироедихи. Правый приток Енисея. 1940 г.

В.Н. Грезе около драги

Семья карасинских самоедов. Станок Лузино (Средний Енисей)

По своим способностям и стремлению к постановке научных исследований по широко охватывающему плану начал выдвигаться В.Н. Грезе. Вдвоем с Францем Адамовичем Коморовским (судомеханик катера «Омуль») они принялись изготавливать по чертежам Владимира Николаевича драгу для взятия проб на плотных грунтах. Такого прибора, необходимого для полноты гидробиологических исследований, в отделении остро не доставало. В феврале 1941 г. опытный образец отправили в Ленинград во ВНИОРХ для экспертизы, где он получил положительную оценку. После этого драга широко применялась во всех гидробиологических исследованиях [13, с. 195]. В 1941 г. Владимир Николаевич собирает большой биологический материал в районе Игарки – Усть-Порта – Толстого Носа – Мининских островов. В их распоряжении был моторный бот «Диксон».

В довоенном феврале 1941 г. люди жили обычными заботами мирной жизни, строили планы на будущее. В семейных бумагах, благодаря сыновней любви В.Н., сохранились три письма. Надежда Сергеевна писала сыну в Красноярск обычные письма с материнскими заботами и любовью. Привожу эти письма почти полностью.

Адрес родителей: Харьков 2. Ул. Ольминского, 3а, кв.1

Харьков 23/II-41

Дорогой, милый мой Володя!

Наконец-то ты обрадовал меня своим предполагаемым решением, мне давно этого хотелось, чтобы ты не был одинок. Завести своё гнездышко, свою семью, иметь около себя родного, самого близкого человека, это дает полноту и цель жизни. От всей души желаю тебе полного счастья. Очень хорошо, что у вас одна специальность, значит будут одни интересы, а совместная работа ещё больше сближает вас. Теперь начинаю вопросник, на который ты обещал ответить полностью.

1) Как её отчество и фамилия, 2) какого она рода и племени, 3) где живут её родители и кто они, ведь это тоже будет наша родня, 4) где она кончила образование 5) кем теперь работает 6) давно ли ты с ней познакомился и давно ли она тебе нравится, 7) как вы думаете устроиться, 8) когда будете записываться (что-

бы я могла поздравить Вас, жаль, что так далеко и я не могу быть с Вами в этот день), 9) есть ли у Ирочки сестры и братья. 10) Как глава будущей семьи, сколько же ты теперь получаешь? 11) Как думаете провести свой отпуск. Не рассчитываете ли приехать к нам. Мне так бы этого хотелось. 12) Что Вам будет нужно на Ваше новое хозяйство. Я ведь совершенно не представляю условия Вашей жизни, а по этому не знаю, что Вам нужно в первую очередь, напиши, не стесняйся, этим ты меня облегчишь. У нас сейчас из мануфактуры можно достать почти всё, есть в магазинах.

Я задержала тебя с ответом, потому что папа с 15 -22/02 был в Киеве, а твоё письмо я получила 19/02. Вот и ждала папу, чтобы порадоваться вместе.

Мы же живем сейчас в ожидании нашего переселения и в борьбе за нашу будущую квартиру. Так как строители, что сносят наш дом и накладывают пятый этаж в д. № 3 рядом с нами, хотят урезать площадь, т.е. из 4-комнатной квартиры за счет ванны и части нашей комнаты сделать пятую комнату. Горсовет же на нашей стороне, сейчас дело пошло в арбитражную комиссию, думаю, что это кончится в нашу пользу. Предполагают к маю уже переселить нас туда. Тяжеловато, что будет пятый этаж без лифта, но зато будет центральное отопление, газ и балкон на юг из одной комнаты, а другая комната на север. На днях я сдала экзамен на инструктора П.В.Х.О (домохозяйки массово сдавали нормы на значок Осоавиахима «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» – прим. авт.) и начинаю работать с группой, наконец-то расхрабрюсь. А то сидеть дома уже очень скучно.... Милые мои детеныши, как мне хочется посмотреть на Вас, хотя бы издали. Вот уже мой Вави стал большим, и даже будет уже и женатым. Передай Ире, что я очень рада видеть её твоей женой и надеюсь, что мы будем с ней большими друзьями, что она будет писать мне более подробные описания вашей жизни. Обязательно вышли ваши фотографии немедленно. Это моя первая и главная просьба к тебе.

Ну будь счастлив, здоров и весел, мой дорогой. Целую тебя и Иру. Твоя Н.Г.

P.S. У нас уже тепло, тает снег, чувствуется весна.

Письмо отца.

Дорогой Вавик!

Весть о скором появлении «новой родственницы» – дочки Иры дошла до меня только сейчас, после моего возвращения из Киева. Что эта весть была для меня очень радостной, ты поймешь без лишних слов. Поздравляю и шлю пожелание: совет да любовь!

Ты, конечно, понимаешь, насколько и мне и маме хочется увидеть вас обоих, если не в натуре, то хотя бы на фотографии. Извести, когда станешь семейным человеком.

Мы живем в общем по-прежнему. За последнее время сильно посокращали штаты институтов, сильно урезали и наши:...У меня работы становится всё больше и больше. Кроме проработки темы, сочиняю докторскую диссертацию, в виде нагрузки должен возиться со свекловичным долгоносиком и вредной черепашкой, да готовлю ещё, по предложению Волчанецкого, работу по экологии насекомых ползающих по дорожкам. Чувствую себя плохо.

Как ты, вероятно, знаешь, в ноябре происходила в Киеве экологическая конференция, посвященная проблеме массовых размножений животных и вопросам прогноза. Поехать в Киев в то время я не смог, но сейчас я достал отпечатанные в виде двух выпусков тезисы докладов. Там есть кое-что и из области гидробиологии. Если у тебя этого издания нет, я тебе смогу его выслать для просмотра.

*Пойманный тобой на Таймыре жук – малый черный еловый усач, *Monochamus sutor* L. Он развивается на стволах ели, пихты, лиственницы, летает в июне-августе. Распространение его: Европа, Сибирь с Сахалином, Манчжурия, Монголия.*

Большое спасибо тебе за чай! Не нужно ли тебе выслать конфет, сахару? У нас сейчас этих продуктов сколько угодно.

Пока посылаю тебе своё родительское благословение, которое навеки нерушимо. Кланяются тебе Василий Лаврентьевич, Ульяна Ивановна, Михаил Александрович, ещё кланяются Дора Самойловна и Вадя, а ещё кланяется тебе Анна Николаевна Тульчинская.

Твой папа.

23/II -41г.

А вот письмо за 2 дня до объявления войны

Харьков 20/VI – 41 г.

Дорогой Вави!

Я очень жалею, что мы не списались с тобой о твоём отпуске и ты его провел один. Если бы я знала, что Вы решили его проводить не вместе, то я настояла бы, чтобы ты приехал к нам, оплатить твою дорогу мы бы могли. Мне очень хочется тебя повидать, ведь уже 2 года, как ты там. Надеюсь, что будущий твой отпуск мы повидаемся. Надо будет заранее списаться и подготавливать возможности.

Ирочка мне писала, что ты оказался хорошим хозяином и всё умеешь покупать, это меня порадовало. Мне же всё-таки интересно знать, чего Вам не хватает в Вашем хозяйстве.

Что же твоя драга, сделана ли она и будешь ли ты с ней работать и ловить своих морских тараканов. ... Пиши куда тебе можно будет писать летом. А все-таки посылочку я вам послала, ешь-те мои дорогие на здоровье, да вспоминайте свою старушку. Папу как-то в июне мобилизовали на черепашку на 10 дней, наловили они этой дряни 2 тонны, да куры пожрали неизвестно сколько. У нас всё стоит очень холодная погода, утрами +10+12 и дожди.

Ну, будь здоров, счастливого пути и плавания. Целую крепко, крепко, папа тоже не прочь тебя поцеловать.

Твоя Н.Г.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА CARTE POSTALE

Харьков 10/X 41 г.

Дорогой Володя!

Получили твою телеграмму 9/X. Очень рада, что Вы уже в Игарке, значит скоро будете дома. С тобой ли Ира, как она провела лето? Что у Вас в ин-те? Работаешь ли?

Я тебе писала, что папа ищет новую профессию, но пока ещё ничего подходящего не нашлось, в таком же положении и Цопкало, а также и Кость Федорович, он писал из Москвы. Конечно, повидаться с тобой теперь скоро не придется, т.к. проехать очень трудно. Надеюсь, что коль будем живы и здоровы и переживем

всё, снова увидимся. От Лёвы всё нет известия с мая. Нина очень беспокоится. Буду писать по мере возможности чаще и ты пиши открыточки.

Целуем Вас обоих крепко, горячо. Будьте счастливы.

Твоя Н.Г.

P.S. Авансом поздравляю тебя с днём рождения, очень жаль, что посылочку не пришлось выслать.

Последняя почтовая открытка от родителей. 1941 г.

Это была последняя ниточка, связующая близких людей. Родители никогда не увидят сына и через год погибнут в оккупированном Харькове. Так и всплывают строки стихов А. Вознесенского из «Юноны и Авось», вызывая пронзительный резонанс:

«И качнутся бессмысленной высью

Пара фраз залетевших отсюда:

Я тебя никогда не увижу,

Я тебя никогда не забуду»...

26 июня 1941 г., через 4 дня после объявления войны, Ираида Тарасова и Владимир Грезе зарегистрировали брак в ЗАГСе Усть-Порта. Мало ли что, впереди тревожная неизвестность... Медовый месяц проходил в суровой экспедиционной экзотике Сибири. Такая проверка на прочность стала началом долгой и крепкой семейной жизни.

**«Свадебное путешествие и апартаменты» счастливых молодожёнов.
Усть-Порт. Июль 1941 г.**

Усть-Порт – одно из старейших поселений с/п Караул в Таймырском районе Красноярского края, образованное в 1916 г. как база будущего порта в низовьях Енисея. К концу 1939 г. Усть-Порт представлял собой рабочий посёлок с рыбозаводом, где работали поселенцы. В предвоенные и военные годы (1940–1943) на Таймыр были сосланы тысячи прибалтийских граждан – латышей, эстонцев, литовцев, финнов, а потом и поволжских немцев и калмыков [16].

Первое упоминание о бедствиях, принесенных войной, встречается в приказе № 81 от 7 августа 1941 г., в котором говорится: «Согласно постановлению Красноярского крайсовета Депутатов трудящихся и крайкома ВКП(б) от__ о переселении Сибирско-

го отделения ВНИОРХ из г. Красноярск в __ приказываю...». Далее следовало распоряжение хозяйственному персоналу и не уехавшим в экспедиции сотрудникам приступить к сбору и упаковке вещей для перевозки имущества отделения – лабораторного оборудования, библиотеки и прочего, а также личного имущества сотрудников. Упаковку следовало закончить к 12 августа. Такое решение было вызвано необходимостью освобождения части жилой и служебной площади в связи с прибытием в город большого числа эвакуированных с Запада, из зоны фронтовых действий и прифронтовой полосы, промышленных предприятий, учреждений и отдельных граждан. Их надо было разместить в Красноярске. Трудности в работе увеличивались [13; с.202].

6 января 1942 г. вышло постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Постановление обязывало организовать добычу рыбы на рр. Оби, Иртыше, оз. Байкал и прилегающих водах Сахалина и Камчатки. Ставилась задача увеличить добычу рыбы в 5 раз (вместо 520 тыс. ц добывать 1550 тыс. ц в 1942 г., а в 1943 г. довести добычу до 2500 тыс. ц). В числе первоочередных объектов исследования предстало Таймырское озеро, которое еще никем не изучалось с рыбохозяйственными целями. Началась интенсивная работа по освоению доселе не используемых промысловых объектов. От отделения потребовалось много больше, чем оно давало до этого. В это время штат сотрудников насчитывал 7 ихтиологов, 9 гидробиологов (в том числе мл. науч. работники В.Н. Грезе и И.И. Тарасова) и 6 человек административно-хозяйственного персонала [13; с.205-207].

В 1942 г. с марта по август Владимир Николаевич со Львом Николаевичем Лобовиковым (ихтиологом) находятся в экспедиции по Енисею по маршруту Красноярск – Туруханск – Красноселькупск (р.Таз) – бухта Широкая.

В Красноселькупске их, как не имеющих брони, призвали в армию. Отделению пришлось немедленно возбуждать ходатайство об отсрочке и бронировании обоих сотрудников, так как предполагалось их дальнейшее использование на Таймырском озере. Покуда всё это продолжалось, ехать на р. Таз при начав-

шемся бездорожье стало невозможным, и поэтому оба сотрудника были направлены в Енисейский залив для укрепления работавшего там отряда [13; с.208].

Из полевого дневника Владимира Николаевича Грезе:

«...28.06.1942, Туруханск

Пришел «Маяковский», привез переселенцев – немцы Поволжья, эстонцы, латыши, главным образом женщины – здоровенные девки. Довольно много подростков-мальчишек. Мужчин почти нет. На берегу горят костры – жарят свинину, сало. Селькупы меняют и продают переселенцам барахлишко. Изумляются цене сала – 350 руб. У магазина объявление «Ввиду прибытия парохода местное население мыть не будут». Вечером с оставленной у острова одной баржи слышны песни. – Ишь, сала наелись!

...2.07.1942 Туруханск

Человек 70 эвакуированных женщин из немцев Поволжья и из Латвии оставлены здесь на рыбзаводе. Их будут рассылать по пескам на рыбалку. Латышки в большинстве буржуазки. – У моего мужа было 2 текстильных фабрики. У меня законченное музыкальное образование и до последнего года я не знала, как растапливать печь, а вы посылаете меня пилить дрова – разговор со Штейман – она сейчас здесь зав. по кадрам. Большинство этих женщин из Риги, их отправляют на Казанский песок.

От собственного авто и особняка в Риге до пилки дров в Туруханске. Дистанция огромного размера. Но латышки берут пилы, лопаты, чистят конный двор. Просят не посылать их на рыбалку – этого не знают, не умеют и боятся. Немки с Поволжья строптивее: – Пуска этот турок рапотает. Я не пугу. – Скоро ждут еще 200 человек...»

Тем временем жизнь идет своим чередом, 14 апреля 1942 в г. Красноярске Ираида Ивановна Грезе родила дочь Татьяну.

Что же происходило в жизни путешественника в этот день?

Дневник В.Н. Грезе от 14 апреля 1942 г.: «Утром приехали в Фарково. Довольно большой станок на высоком берегу Турухана.

Станок – название мелких селений Туруханского края, расположенных на берегу Енисея; почтовая ямская станция. Происхождение названия объясняется тем, что на жителях лежала обязанность возить почту [17].

Новый, построен недавно. Всюду свежие стены, желтая древесина. Здесь нет ни одного дома, похожего на старотуруханские. Здесь в домах, в которых пришлось бывать, нет ни одной иконы, но есть мачты рации, больница, школа, новые дома. Много националов с оленями, приезжающих с соседних тундр. Один в платке с лицом старой еврейки: безбородое морщинистое лицо, крючковатый нос. Гребень в волосах. В магазин привезли ящик спирта и, хотя он ещё не продается, продавец пьян в стельку. Нам стоит больших трудов получить полагающийся нам месячный паек. Предлагает выдать нам однодневный паёк – 10 грамм конфет. Выручает его жена. Видимо, женщина с характером и глава семейства. Не обращает внимания на болезненное состояние повелителя, отвешивает нам, сколько следует. Остановились у зав. складом сельпо Гаврилы Михайловича Гавриленко. Рассказывает, что продавцу недавно дали год принудительных работ за то, что он упал в бочку с грибами – пьяный был».

Таким способом Всевышний послал Владимиру огненной воды, дабы отметить рождение дочки и обретение статуса родителя. Но молодой отец об этом узнает не скоро.

С 18 по 27 августа 1942 г. Владимир Николаевич находился в экспедиции на моторном боте «Бурный» от б. Широкая на север до о. Диксон. В октябре 1942 г. была подобная экспедиция на юг до Игарки. В январе 1943 г., в Игарке, Грезе с Лобовиковым получили телеграмму. В ней сообщалось, что Норильский металлургический комбинат организывает экспедицию на озеро Таймыр и нарком рыбной промышленности, по просьбе Комбината, предлагает направить их в Норильск, о чем, оказалось, молодые учёные мечтали уже давно. Вскоре поступило приглашение из Норильска и началась теоретическая разработка плана экспедиции, предполагавшая зимовку до весны 1944 г. Тем не менее, в феврале-марте 1943 г. осуществлялись также плановые экспедиционные выезды по маршруту Игарка – Дудинка – Норильск – Валёк – р. Горбита.

Полуостров Таймыр находится на Севере Красноярского края. К концу XVI века Таймыр заселяется русскими. Кроме Мангазеи существовали поселения с оседлым зимующим населением: Ту-

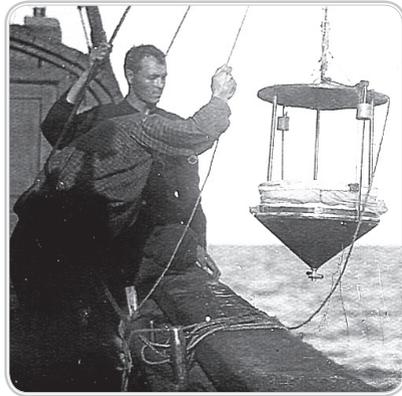
руханск, Хантайка, Дудинка, Хатанга, Волочанка и другие. Самое крупное озеро края – Таймыр – расположено в средней части полуострова, вдоль южного подножия гор Бырранга. Его протяженность с запада на восток более 200 километров. Местность вокруг озера Таймыр была исследована в 1740 г. Х.П. Лаптевым. В начале XX в. до озера добралась экспедиция Н.Н. Урванцева [18].

В начале апреля 1943 г. Л.Н. Лобовиков (зав. ихтиологической лабораторией) вместе с В.Н. Грезе занимались разработкой плана и подготовкой к выезду в экспедицию, предполагавшей зимовку до весны 1944 г. Норильский комбинат снабдил их материальными средствами, необходимыми для проведения экспедиционных работ: моторной лодкой, радиостанцией, орудиями лова, теплой одеждой и обувью, запасом продовольствия и выделил в состав экспедиции четырех человек подсобной рабочей силы. Отряд, таким образом, состоял из шести человек: ихтиолога и начальника отряда – Лобовикова Л.Н., гидробиолога – Грезе В.Н., завхоза – Казнеделова И.Я., радиста и моториста Вавилова М. Т. и двух рабочих и рыбаков Фарифонова И.Ф. и Петлицина Н. В.

Экспедиция должна была решать задачи: 1) общего знакомства с районом озера, с его климатическими, строительными и топливными условиями; 2) изучения возможностей судоходства в системе озера и рек Верхней и Нижней Таймыры и, наконец, 3) изучения возможностей рыболовства в этих водоёмах, определения их рыбных богатств.

Бот «Диксон». 1941 г.

В.Н. Грезе готовит к погружению планктонную сеть. 1941 г.

В.Н. Грезе за фотографированием. Туруханские озёра. Лето 1942 г.

Живое, подробное описание будней этой трудной, занявшей почти полтора года, экспедиции на Крайний Север, приводит В.Н.Грезе в своей повести «Таймыр», написанной на основе полевых дневников уже после возвращения с фронта. Повесть публикуется впервые в конце книги.

Домой из экспедиции исследователи вернулись 15 октября 1944 г. На другой же день они были призваны в армию. Оформленная на них бронь (воинская отсрочка) для работ на Крайнем Севере, оказалась недействительной для Красноярска.

Вернувшиеся из полуторагодовой тяжёлой экспедиции путешественники располагали четырьмя днями для встречи с семьями и сборов на войну, которые спрессовались в краткий миг перед новой разлукой с близкими и полной неизвестностью. По оз. Таймыр по материалам Л.Н. Лобовикова и В.Н. Грезе директором отделения А.В. Подлесным был составлен предварительный отчет. Норильский комбинат, узнав, что оз. Таймыр не обещает в перспективе большой добычи рыбы, вполне отчетом удовлетворился и в дальнейшем исследовательских задач не ставил [13, с. 112].

19 октября 1944 г. В.Н. Грезе выехал из Красноярска в Омск, а потом в г. Лугу, где был зачислен в 1242-ой Гаубичный артиллерийский полк, входивший в состав 25-й артиллерийской Берлинской ордена Богдана Хмельницкого дивизии прорыва Резерва Верховного Главного Командования. Учебные занятия артиллеристов проходили на луговском артполигоне до конца

марта 1945 г. 23 марта полк выдвинулся по маршруту Луга – Ратисбор – Форст – Берлин. В Берлинской наступательной операции 25 дивизия участвовала в составе 1-го Украинского фронта. 25 апреля войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов соединились западнее Берлина, завершив окружение всей Берлинской группировки немцев.

Военно-учетная специальность Владимира Грезе называлась «старший вычислитель», он же командир отделения управления огневого взвода. В его обязанности входило находиться на огневой позиции батареи, определять установки для стрельбы, рассчитывать корректуры и поправки, работать с ПУО (прибор управления огнём). Из скупых воспоминаний отца всплывает в памяти фраза «так в расчёте одни пацаны были, я самый старший, 29 лет, они и звали меня дядя Вова». Один из бойцов, называвший себя «военным племянником» дяди Вовы, подарил В.Н. после Победы фотокарточку на память.

*Боевой расчёт. Второй слева –
В.Н. Грезе («дядя Вова», командир отделения). 1945 г.*

Подпись на её обороте говорит о большой теплоте отношений: «Пусть память обо мне недолго в жизни будет длиться! Но пусть она назло судьбе хоть на бумаге сохранится! На память Вам, несравненный мой дядя Вова, от Вашего военного племянника, много Вам хлопот причинившего и немало крови испортившего, но, в конце концов, раскаявшегося и частично исправившегося. Эрих Штейнер».

Можно догадываться о воспитательной роли командира отделения даже в армии в условиях войны. А может быть, в таких экстремальных условиях всё видится проще, ближе к сути истинных ценностей, поэтому и не нуждается в особых «педагогических воздействиях», просто одна личность своей экзистенцией влияет на другую. Кстати, о воспитательном мастерстве Владимира Николаевича, которого судьба подарила мне в отцы. Помню, что на мои проделки он никогда не повышал голоса, а самое тяжелое педагогическое воздействие, после чего хотелось провалиться сквозь пол к нижним соседям, это нахмуренные брови и минута молчания. Было страшно.

Владимир Николаевич встретил Победу в Берлине. Великая Победа! Великие Дни! После расформирования полка домой он попал не сразу. В дневниковых заметках В.Н. Грезе есть такая строка: «май – 28 октября – лагерь под Секешфехерваром, район оз. Балатон». Что происходило в это время в этом месте? Нет сведений. Лишь в конце октября Владимир Николаевич начинает свой путь домой. Долгий месяц он добирается из Венгрии в Красноярск, на сибирском этапе пути в эшелоне «Означенная (после 1975 г. – Саяногорск, прим. авт.) – Красноярск».

После возвращения из армии в конце ноября В.Н. Грезе сразу же был восстановлен на работе в отделении. Трудно передать радость и ликование всего советского народа, в том числе и маленького коллектива Сибирского отделения ВНИОРХ, по поводу Победы. В коллективе минутой молчания почтили память погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Из семи сотрудников отделения, мобилизованных на фронт, живыми возвратились только трое. Не избежал трагических потерь близких людей и Владимир Николаевич. Погиб его друг и соратник

Лев Николаевич Лобовиков, с которым они плечом к плечу исходили сотни миль Заполярья, совершали долгую экспедицию на Таймыр. Л.Н. Лобовиков при мобилизации был направлен в бронетанковое училище, после окончания которого попал на фронт. Он погиб под Прагой, похоронен в братской могиле. Л.Н. Лобовиков и В.Н. Грезе были не только ведущими специалистами молодого коллектива научных работников Сибирского отделения ВНИОРХ, но и добрыми друзьями [13, с. 216].

Жизнь начала понемногу наполняться заботами мирных дней. В 1946 г. вышло постановление об увеличении заработной платы научным работникам, что и произошло 1 апреля 1946 г. Например, директор СО ВНИОРХ, профессор А.В. Подлесный имел оклад 4000 руб., ст. науч. сотрудник гидробиолог В.Н. Грезе – 1000 руб., мл. науч. сотрудник гидробиолог И.И. Грезе – 600 руб., инженер по рыбодобыче В.А. Кравчук – 800 руб., уборщица А.И. Гудовская – 120 руб. [13, с. 221].

Значительно изменилась и послевоенная научная тематика отделения. Как ни странно, но именно в трудные военные годы были стерты три огромных «белых пятна» на гидробиологической карте Красноярского края: составлены рыбопромысловые карты рр. Хатанги и Чулыма, исследована гидрофауна оз. Таймыр. Основным направлением исследований стало изучение биологической продуктивности Енисея и определение размеров его рыбных ресурсов. Наряду с инженерно-геологическими изысканиями, необходимыми для строительства ГЭС, крайне важными являлись и гидробиологические исследования, на основании которых можно было бы строить прогнозы формирования гидрофауны будущих водохранилищ и их рыбохозяйственного использования.

Исследования Енисея осуществлялись силами трех отрядов – плавучего и двух стационарных. Красноярский рыбтрест передал отделению на время катер «Академик Берг», на нем в составе плавучего отряда работал В.Н. Грезе. На одном из стационарных на р. Сисим (село Даурское) работала И.И. Грезе. С июля по сентябрь 1946 г. В. Грезе участвует в экспедиции по Енисею между населёнными пунктами Шушенское – Сорокино – Дербино.

Зимовка проходит в гидрологических наблюдениях и сборах на р. Ангаре (с. Рыбное). Первый послевоенный год привел в движение научную активность молодых ученых. В мае 1946 г. при Красноярском педагогическом институте сдали экзамены по кандидатскому минимуму В.Н. Грезе, И.И. Грезе и Н.Л. Громова. В межэкспедиционный период Владимир Николаевич обрабатывал материалы, писал статьи и кандидатскую диссертацию на тему «Основные черты гидробиологии озера Таймыр», которую защитил в Томском университете 2 апреля 1947 года. Это была первая диссертация послевоенного времени, защищенная по материалам Сибирского отделения ВНИОРХ.

В последующие годы география гидробиологических исследований Отделения расширяется. В апреле 1947 г. на Ангару и её притоки выехала экспедиция в составе В.Н. Грезе, И.И. Грезе и Н.Н. Боброва. Позже летом в экспедицию включились две выпускницы Казанского университета, которые работали в с. Рыбное на Ангаре до конца зимы. Исследования на Енисее велись между устьями рек Ангары и Курейки. Они все более приобретали экологическое направление. Начальником экспедиций и ответственным за выполнение исследований был назначен В.Н. Грезе. За два послевоенных года Енисей был, наконец, охвачен научными исследованиями на всем его протяжении. Полевые материалы продолжали поступать, и их накапливалось изрядное количество. Гидробиологические материалы поступали в гидробиологическую лабораторию, где тогда работали В.Н. Грезе, И.И. Грезе, А.В. Сычева и Е.Н. Шнейдер [13, с. 226].

В 1947 г. техсовет Министерства рыбной промышленности СССР поручил Сибирскому отделению восстановить научные исследования рыб Байкала. В связи с этим было принято решение вновь открыть на Байкале стационарный наблюдательный пункт, который стал бы опорной точкой для рыбопромысловых исследований в этом водоёме. Тем самым, гидробиологические и ихтиологические исследования Байкала получили мощный импульс развития и поддержку. Тем временем, выполнение тематики исследований Красноярского края, как плановой, так и внеплановой, заключающейся главным образом в обслуживании

текущих нужд рыбного хозяйства края, шло своим чередом. Отдельно разрабатывалась тема по исследованию биологической продуктивности Енисея под руководством В.Н. Грезе. В марте 1952 г. В.Н. Грезе выступил с докладом на рыбохозяйственном совещании в Томском университете, кроме него выступили с докладами также И.И. Грезе и Л.В. Хохлова. К этому времени В.Н. Грезе опубликовал шесть статей в различных изданиях, подготовил семь статей для собственного сборника, который так и не удалось издать. Он продолжал исследования биологической продуктивности Енисея, проводя работы на неводных песках Дудинского и Усть-Портовского рыбозаводов.

Можно говорить о высоком научном качестве статей Владимира Николаевича, поскольку в анализе литературных источников зарубежных авторов ему помогало знание европейских языков: он читал и мог изъясняться по-английски и по-французски, мог читать и переводить тексты с немецкого языка.

В июне 1953 г. в Томском университете защитила кандидатскую диссертацию И.И. Грезе. Теперь уже в составе коллектива сотрудников Сибирского отделения три человека имели ученые степени: А.В. Подлесный, обладатель ученой степени кандидата биологических наук и звания профессора, и защитившие кандидатские диссертации В.Н. и И.И. Грезе. Среди остальных сотрудников особого стремления к квалификационному росту не наблюдалось. В значительной мере это объяснялось неудовлетворительным руководством со стороны Центрального института, отсутствием информации о новостях в науке и научных методах, а также специальных обзоров деятельности отдельных ведущих ученых и их школ. Полностью отсутствовали инспекторские приезды. Работа коллектива, состоящего преимущественно из женщин, характеризовалась выполнением исследований по заданным темам, по завершении которых составлялись научные отчеты. На этом всё и заканчивалось. Исключение составляли исследования В.Н. Грезе, который продолжал накапливать материалы теперь уже для докторской диссертации [13, с. 235].

Возобновление байкальских исследований привело к восстановлению былых связей с научными и хозяйственными учреж-

дениями Иркутской области и Бурятской АССР. В Иркутском университете и Биолого-географическом научно-исследовательском институте (БГИ) при нём получило широкое развитие преподавание гидробиологических и рыбохозяйственных наук, велись практические исследования по ним. Было создано отделение Всесоюзного гидробиологического общества (ВГБО), которого, к сожалению, не было в Красноярске. В Улан-Удэ продолжал свою деятельность Научно-исследовательский институт культуры и экономики. Байкальская лимнологическая станция Академии наук превратилась в крупное научное учреждение, имеющее мировую известность.

Бот «Ак. Берг» в Туруханске на ремонте. 1942 г.

В.Н. Грезе вернулся с фронта. 1945 г.

Л.Н. Лобовиков, начальник таймырской экспедиции

Со всеми перечисленными учреждениями, а также с Иркутским и Байкальским рыбтрестами Сибирское отделение ВНИОРХ начало обмениваться информацией. А.В. Подлесный и В.Н. Грезе выезжали в Иркутск с сообщениями на пленумы Восточно-Сибирского отделения Ихтиологической комиссии, на собрания Гидробиологического общества [13, с. 240].

В 1954 г. в отделении приняли к исполнению две новые темы: «Акклиматизация рыб и кормовых беспозвоночных в озерах Красноярского края» и «Пути развития прудового рыбоводства в южных районах края». Их выполнение начали с обследования и инвентаризации рыбоводных водоёмов, для чего были созданы два научных отряда из четверых сотрудников, среди которых была И.И. Грезе. За лето 1954 г. были обследованы 58 колхозных и совхозных водоёмов в Ужурском, Ачинском, Ширинском, Емельяновском, Минусинском, Каратузском и Усть-Абаканском районах. Акклиматизацией кормовых беспозвоночных в озерах Красноярского края занимался В.Н. Грезе. В частности, с целью акклиматизации он и В.А. Кравчук отловили в Енисее в районе Дудинки и перевезли в оз. Большое Шарыповского района разновозрастных понтопорей и мизид (кормовые организмы). Предполагалось, что озеро может стать «маточным» для распространения на юге края этих ценных кормовых организмов для рыб [13, с. 245-246].

В 1955 г. были приняты ещё три новые темы:

- оценка состояния нерестового стада стерляди на Енисее на Ярцевском рыбопромысловом угодье и пути увеличения её промысловых запасов;

- состояние запасов бычков оз. Байкал и способы их лова (по предложению Иркутского рыбтреста);

- кормовая база для рыб р. Енисея и возможности её улучшения.

Наладить же издание Трудов Сибирского отделения ВНИОРХ не представлялось возможности. С 1948 г. печатать что-либо удавалось лишь в изданиях других научных учреждений и журналах общесоюзного значения. С 1949 по 1954 гг. в разных изданиях супруги Грезе опубликовали полтора десятка научных работ.

Грезе В.Н.

- Экологические основания рыбного промысла на неводных тонях Енисея // Рыбное хозяйство;
- Биологическая продуктивность р. Енисея и её рыбохозяйственное значение // Труды ВГБО;
- Байкальские элементы фауны как фактор повышения биологической продуктивности водоёмов // Труды ВГБО;
- Зоопланктон бассейна р. Чулыма // Труды ТГУ. Т. III.
- Придонный планктон, его роль в питании рыб и методика учета // Зоологический журнал. Т. XXX. Вып. 1;
- К обнаружению паразитирующей копеподы на Байкале // ДАН СССР. Т. 50. № 2;
- Вихревой трал В.Н. Грезе // Зоологический журнал;
- Паразитофауна европейских сигов, акклиматизируемых в Сибири // Труды ВГБО. Т. V;
- Количественная драга нового типа // Зоологический журнал.

Грезе И.И.

- Тендипедиды Таймырского озера // Труды БГИ при Иркутском ун-те;
- Питание рыб Таймырского озера // Труды ВГБО;
- Новый представитель семейства тендипедид из р. Ангары // Труды ТГУ. Т. 116;
- Гидробиология низовьев р. Ангары // Труды ВГБО. Т. 5;
- Питание рыб Таймырского озера // Труды ИГУ. Т. 7. Вып. 1-2;
- О некоторых закономерностях в питании сибирской плотвы // Труды ТГУ. Т. 125. Сер. биологическая [13, с. 242].

4 ноября 1955 г. В.Н. Грезе защитил в Ленинграде в Зоологическом институте АН СССР докторскую диссертацию на тему «Водная фауна реки Енисея». В основу работы легли материалы многолетних исследований лаборатории гидробиологии. В итоге работ 1940–1953 гг. было собрано и обработано 934 пробы планктона, 1225 проб бентоса, 4485 проб на питание рыб. Всего на протяжении 2990 км течения Енисея (от выхода его из Саян

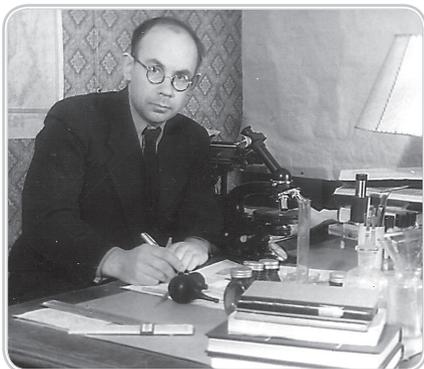
до устья) было сделано 126 биогидрологических разрезов с определениями грунтов, скоростей течения, температуры воды, пробами бентоса и планктона (в условиях вечной мерзлоты и сурового климата с борта лодки, иногда катера!). Для количественного учета бентоса на твердых грунтах и течении с успехом использовалась специальная авторская конструкция драги (В.Н. Грезе, 1944) [13, с. 249].

В диссертации В.Н. Грезе освещает историю гидробиологического изучения р. Енисей со времени путешествия академика П.С. Палласа по Сибири, описывает условия обитания и приводит эколого-систематический список водной фауны реки, анализирует зоогеографический и палеонтологический аспекты формирования гидрофауны Енисея.

*Коллектив СО ВНИОРХ на ноябрьской демонстрации.
Красноярск. 1953 г.*

Важнейшими разделами диссертации являются главы, посвященные продуктивности зоопланктона, зообентоса и ихтиофауны. Было выявлено, что высокопродуктивные биоценозы привязаны к низовьям реки с нижним течением, что многие реликтовые организмы Енисея могут быть объектами акклиматизации в олиготрофных водоёмах с целью повышения их продуктивности.

*В. Н. Грезе в рабочем кабинете.
Красноярск. 1954 г.*

*Работа с драгой модели
В.Н. Грезе. 1950-е годы*

Изучение потребления кормовых ресурсов рыбами показало значительное недоиспользование кормовых резервов. Увеличение численности стада рыб должно достигаться рыбоводными мероприятиями и охраной их естественного воспроизводства. Так, на основе кормовых предпочтений в верхнем течении это должна быть стерлядь, в дельте и губе – осетр и сиговые, которые являются потребителями бентосных организмов.

Среди сотрудников всё чаще возникали разговоры о работе над диссертациями. О необходимости этого часто писали из Центрального института. Но никто не знал, как к этому приступить. Никаких облегчающих условий для работающих над диссертациями не планировалось. Например, поездку В.Н. Грезе в Ленинград для защиты докторской диссертации директор отделения отнес за счет отпуска 1955 г., всего 20 рабочих дней [13, с. 249].

Весь 1956 г. прошел под знаком повышения уровня рыбохозяйственной науки. Налаживались связи и знакомства с коллегами из различных научных учреждений страны. Научные сотрудники В.Н. Грезе, С.И. Краснощеков, А.А. Нейман, Л.В. Хохлова и О.Л. Ольшанская приняли участие в работе Всесоюзного со-

вещания по биологическим основам рыбного хозяйства (18-22 сентября 1956г., г. Томск), где они выступили с докладами. Это был первый случай широкого выступления научных сотрудников Отделения на столь представительном форуме. Их доклады были опубликованы в Трудах совещания, и этим был открыт широкий путь в науку.

Однако, не уменьшились и трудности в профессиональном росте научных работников и их деятельности. Это, прежде всего, жилищные проблемы. Сотрудники отделения продолжали ютиться по одному или по два человека в комнатухах, ещё в годы войны переделанных из бывшего каретного сарая со стенами из бутового камня. Большинство из них были люди одинокие, не имеющие семьи и детей. В.Н. Грезе занимал с женой и двумя дочками небольшую, менее 20 кв. метров, комнату в деревянном доме, где ещё в довоенные годы начинал свою научную карьеру. Тем не менее, в этой комнате царил теплая атмосфера дружной семьи, проверенная многими трудностями, расставаниями и волнениями.

Присвоение степени доктора биологических наук принесло В.Н. Грезе заслуженную известность, расширились его научные возможности. Из Зоологического института Академии наук СССР в Ленинграде пришло приглашение занять должность заведующего лабораторией пресноводного планктона, правда, без предоставления жилья, в результате чего Владимир Николаевич вынужден был отказаться. Вместе с тем, исчерпав для докторской диссертации все имевшиеся в его распоряжении материалы, он рассматривал свою деятельность на Енисее как пройденный этап. Начинать же новый круг исследований на более высоком научном уровне не было необходимых предпосылок. Отделение не располагало достаточной для этого материально-технической базой. И здесь вновь в его жизнь вмешалась судьба. Центральный институт в Ленинграде не прочь был подкрепить имевшиеся у него кадры свежими силами и – выбор пал на Владимира Николаевича. По просьбе руководства ВНИОРХ он был откомандирован в Ленинград, а спустя полтора месяца зачислен в штат Центрального института. Ниже приводятся два документа.

Приказ № 32 от 2 апреля 1957 г.:

«Научного сотрудника Грезе В.Н. откомандировать в распоряжение ВНИОРХ с 3 апреля с.г. Основание: телеграмма директора ВНИОРХ тов. Грачевой № 97 от 26 марта с.г. и заявление тов. Грезе от 2 апреля 1957 г. Директор О. Толстихина».

Приказ по Сибирскому отделению от 27 мая 1957 г.: «В.Н. Грезе полагать переведенным в Центральный институт в Ленинграде с 16 мая 1957 г. согласно приказу № 55, § 9, от 17 мая 1957 г. по Центральному институту ВНИОРХ» [13, с. 262].

Так завершился богатейший Сибирский период научного становления и расцвета как учёного В.Н. Грезе. За долгие 18 лет жизни в Красноярске Владимир Николаевич побывал во множестве мест нашей страны, повидал большое количество очень разных людей, судьба забрасывала его и в дикую безлюдную глушь, и в гущу событий во время Великой Отечественной войны. И хранила. Почему? Очевидно, у неё не было претензий к ведомому. Доброта к людям, интерес к миру, преданность своему делу, понимание слабостей человеческих, весёлый нрав и юмористическое восприятие многих явлений социума делали жизненный путь Владимира Николаевича Грезе самоценным, радостным и успешным.

ЛЕНИНГРАД

В Ленинграде семья Грезе прожила два года. Квартира располагалась в Петродворце, на ул. Садовой, д.12/7, кв.1. Это был деревянный одноэтажный дом на две семьи. Ираида Ивановна вела хозяйство и занималась дочерьми.

Владимир Николаевич с мая 1957 по ноябрь 1959 г. занимал должность старшего научного сотрудника, позже заведовал лабораторией гидробиологии. Об этом периоде известно, что он активно проводит полевые исследования, осуществляет сбор гидробиологических данных на Финском заливе, в Зеленогорске, в Таллине. Летом 1958 г. проводит исследования по приглашению рыбозавода «Пелчи» в Латвии (Рига – Кулдига). В декабре 1958 г.

В.Н. Грезе с ностальгической радостью совершает поездку в родной Красноярск на 50-летний юбилей Сибирского отделения ВНИОРХ. Встреча прошла очень хорошо, на официальной части празднования Владимир Николаевич сделал научный доклад, а после было множество дружеских посиделок и воспоминаний.

Летом 1959 г. жизнь супругов омрачило ухудшение состояния здоровья Ираиды Ивановны; ей была сделана полостная операция, после которой последовал период восстановления. Обнаружилось, что ленинградский климат мало подходит для реабилитации здоровья. Поэтому, когда появилась возможность переезда В.Н. Грезе на Севастопольскую биологическую станцию, он ею воспользовался.

20 октября 1959 г. два доктора биологических наук, В.Н. Грезе и В.С. Ивлев (также сотрудник ГосНИОРХа), постановлением Бюро отделения биологических наук АН СССР были утверждены старшими научными сотрудниками Севастополь-

*В.Н. Грезе за разбором проб
в Ленинграде*

ской биологической станции по специальности «гидробиология». Семья Грезе вышла из поезда на севастопольскую землю 6 декабря 1959 г. Зимний пейзаж чужой, малоприятной на первый взгляд местности, хозяйственных сооружений в низине у вокзала омрачил уставших путешественников. Но когда они поднялись на горку в центр города и подъехали к гостинице «Севастополь», были очарованы красотой архитектуры и моря. В душе поселилась радость! Так начался севастопольский период в жизни Владимира Николаевича Грезе длиной 28 лет.

Директору Севастопольской
Биологической Станции АН СССР
г.л.-корр. АН УССР, проф. В.А. Водяницкому

Зав. лабораторией гидробиологии ГСНШОР,
доктора биол. наук Грезе
Владимир Николаевича

Заявление

Настоящим прошу рассмотреть прилагаемые
мои документы на конкурсе на замещение
должности старшего научного сотрудника
Севастопольской Биологической станции АН СССР.

19. VI. 59

Грезе

Заявление В.Н. Грезе директору СБС В. А. Водяницкому

Коллектив Сибирского отделения ВНИОРХ.

Красноярск. Апрель 1955 г.

В первом ряду справа сидит И.И. Грезе, в центре –
директор А.В. Подлесный, стоит сзади справа В.Н. Грезе

Участники Совецания по биологическим основам рыбного хозяйства. Томск. 18-22.09.1956 г.

1-й ряд (сидят, слева направо): Алексеенко, Лосев (аспирант), Гундризер, Шкорбатов, Воинов, из Барабинского отд.?, Персов, Енютина из Хабаровска?, Кафанова, Нейман, Хохлова, Петкевич.

2-й ряд: Скабичевский, Пегель, Пирожников, Иоганзен, Журавель, Куличенко, Поляков, Сенаторов, Сыроватский, Сыроватская, Краснощёков, Христенко, Иванова из ТГУ.

3-й ряд: ?, Вовк из Киева, Грезе, Пнёв, Харченко, Гуревич, Егоров, Тютецкий, ?, Тугарина, Рыбалова, ?, Дедова, Пробатов, ?, Благовидова Е.Н.

4-й ряд: ?, Резниченко, Коряков, Осипов, Кривощёков, Шунаков, Ереценко, Мартеков, Козьмин, Гальдебек, Уломский, ? из Тобольска, Лаптев, Аршинов из Коллашева, ?, Лубянов, Коробочкина, Крыжановская из Томска.

Коллектив СО ВНИОРХ. Стоят справа В.Н. и И.И. Грезе

В.Н. Грезе на 50-летию СО ВНИОРХ. Красноярск. 1958 г.

Участники Совещания гидробиологов ГосНИОРХа. 1959 г.
Слева в первом ряду В.Н. Грезе, за ним - Э.П. Битюков

**СЕВАСТОПОЛЬ.
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ
АН СССР – ИНСТИТУТ БИОЛОГИИ ЮЖНЫХ МОРЕЙ
АН УССР**

*Вход в Севастопольскую биологическую станцию
и аквариум. 1960 г.*

Шестого декабря 1959 г. начался севастопольский период в жизни учёного и его семьи. Новых сотрудников коллектив Севастопольской биологической станции принял тепло, окружив вниманием и заботой уже в новогодние праздники. В актовом зале биостанции с большим заросшим аквариумом были нарядная ёлка, серпантин, конфетти, бумажные снежинки на окнах и разрисованные зубным порошком стёкла окон и дверей. А дети

сотрудников, наряженные в карнавальные костюмы, водили хоровод, вызывали Деда Мороза и Снегурочку и отгадывали загадки. Ну что же, В.Н. Грезе заслужил это своей предельной самоотдачей науке за долгих 18 лет сибиряды. Он с большим энтузиазмом и энергией погрузился в работу.

Первые годы после переезда для Владимира Николаевича были связаны с формулированием, постановкой и проведением исследований в области морской планктонологии. Как пишет В.А. Водяницкий в своей книге «Записки натуралиста», ещё в предвоенные годы сотрудниками Севастопольской биостанции был выдвинут проект о расширении работ в Средиземное море. Стало ясно, что работы на Черном море должны обязательно проходить с соответствующими исследованиями в соседних морях, тем более, что многие промысловые виды рыб совершают миграции между этими морями. Однако, именно в отношении биологической продуктивности бассейн Средиземного моря оставался изученным очень слабо. Поэтому переломным моментом в работе Севастопольской биологической станции стала первая средиземноморская экспедиция НИС «Академик А. Ковалевский» в 1958 г. [19].

Это имело большое значение во многих смыслах, и было решено расширить географию исследований, включая Индийский океан и Красное море как гидрологически своеобразный водоём. 19 апреля 1963 г. Севастопольская биостанция была преобразована в Институт биологии южных морей, что предполагало расширение экологических и продукционных исследований и развертывание ряда новых направлений. В этих условиях научные интересы и потенциал В.Н. Грезе получали максимальные возможности творческой реализации.

Уже в 1960 г. Владимир Николаевич участвует в экспедиционном рейсе НИС «Академик А. Ковалевский» (6 июня – 10 августа) в Средиземное море под руководством Владимира Алексеевича Водяницкого. Целью рейса был сбор гидробиологического материала, главным образом планктона и бентоса. За два месяца планировались заходы в порты Афины – Венеция – Дуррес – Тирана – Сплит – Родос. Во всех городах научные сотрудники

по приглашению хозяев посещали институты и биологические станции, знакомились с коллегами, заводили научное и дружеское сотрудничество и переписку.

Из экспедиционного дневника В.Н. Грезе:

«11.06.1960 г.

В 6 часов вошли в Босфор. Остановка у городка Пиют-Дере, где производится проверка сан. надзором. Часам к 10 прошли Босфор. После выхода из Босфора на ходу взял пробу поверхностного планктона через судовую помпу (её отверстие на глубине 2 м). В первой пробе после 5 мин фильтрации нашлось некоторое количество *Acartia*, *Paracalanus*, из Средиземного моря - *Coryceus*. Вторая проба через 20 мин хода чрезвычайно бедна, хотя фильтрация 15 минут. То же и в следующей такой же пробе, взятой в ю-з части Мраморного моря. В чём причина исключительной бедности Мраморного моря? Казалось бы, все условия для хорошей продуктивности налицо – климат, небольшие размеры, небольшая глубина, хорошее соотношение площади и береговой линии, литорали. Незначительность берегового стока? Но и для открытого океана он не больше.

Вечером на баке собрание. Владимир Алексеевич (Водяницкий) рассказывал о задачах экспедиции. Большую дискуссию вызвал вопрос о переходе команды на 7-часовой рабочий день.

12.06.1960.

Утром делали станцию в Эгейском море. Сильно штормит, налетает дождь. Кое-как удалось взять серию проб планктона. При переходе на следующую станцию шторм усилился до 4-5 баллов, были вынуждены идти дальше к о. Эвбея, где и встали ночью в виду поселка Кими, милях в 2-3 от берега. В лабораториях всё убрано, снято со столов на пол. За обедом в кают-компании тихо и просторно. Только четверым мореплавателям удалось съесть обед.

13.06.1960.

Погода стала ещё хуже. Стоим на якоре в 2 милях от Эвбеи. Остров высокий, горы местами скрыты низкими тучами. Склоны покрыты пятнами созревающих посевов. У самой воды виден городок Кими. На одной из вершин – развалины храма. Поздно

ночью на корабль явился местный начальник порта. Объяснить ему, что мы за люди, не удалось. Ловили на свет рыб и всякую живность. Поймали сарганов, морского конька, молодь барабули, кальмара, много амфипод из *Hyperiidae*, сифонофор, полихет.

14.06.1960.

Ветер дует с прежней силой. Утром снова приезжал портовый смотритель, осведомился, почему мы не уходим, куда направляемся и снова не понял, что такое *research vessel* и что мы делаем. Около 16 часов снова приехали портовые власти, объяснили, что стоять в порту без оформления стоянки можно не более 12 часов. Надо или идти к причалу, или уходить. Мы в 18 часов ушли. Ветер резко изменился на южный.

18-22.06.1960. Заход в Пирей – Афины.

22 июня утром принимали на борту сотрудников Института гидробиологии. Он создан после войны. Научных сотрудников 8 человек: ихтиологи, химик, гидролог, фитопланктонист. Расположен на авеню Посейдона, № 16, на берегу моря в помещении бывшей таверны. Занимаются изучением рыб, их биологии и промысла. Кроме того, работают над вопросом опреснения морской воды, используя солнечное тепло. Установка, стоящая во дворе, даёт до 10 л в день.

В.Н. Грезе у храма Парфенон. Афины. 1960 г.

Ворота Гидробиологического института. Пирей. 21.06.1960 г.

Опреснительная установка на солнечных батареях. Пирей. 1960 г.

28.06.1960.

В 9 часов пришли в порт Родос. Процедура оформления прихода, получения пропусков, швартовки продлилась до вечера.

29.06.1960.

Утром осматривали замок крестоносцев, заходили в Институт гидробиологии, но он закрыт по случаю праздника – дня рождения короля Павла, сотрудники и директор отсутствуют.

Утром сенсация – полицейские едят морских ежей! К борту приставлена шлюпка с лодочником. У него несколько морских ежей, он демонстрирует, как их есть – с лимоном.

30.06.1960.

Утром попали в Институт гидробиологии. Осмотрели аквариум. Видели кормление спрута. Директор проф. Иоанну вёл объяснения: в штате 3 научных сотрудника – гидрохимик, биометрист и сам профессор – специалист по водорослям, особенно по диатомовым, систематик. Институт занимается проблемой промышленного использования водорослей для производства агар-агара для микробиологических потребностей. Музей-аквариум посещает 5-6 тыс. человек в год.

Институт гидробиологии. Аквариум. Родос. 1960 г.

30.07.1960.

Утром рано пришли в Сплит. Вскоре прибыл ученый секретарь Института гидробиологии и океанографии и пригласил посетить институт сегодня же, т.к. завтра часть сотрудников выходит в море. Ездили после обеда. Принимал проф. Бульян, замещавший заболевшего директора проф. Свич. Осмотрели лаборатории: гидрологии, химии, геологии, микробиологии, ихтиологии, ихтиопланктона и аквариум. Вечером Бульян и некоторые сотрудники были на борту «Ковалевского».

31.07.1960.

Сотрудники института организовали для нас экскурсию в раскопки подворья императора Диоклетиана. Осматривали город, купались и собирали фауну у скал около порта. Вечером поднимались в парк, расположенный на холме над городом.

*В.А. Водяницкий (справа), Е.Б. Маккавеева и В.Д. Чухчин
в «увольнении» в парке. Сплит. 1960 г.*

1.08.1960.

Утром занимались подводными наблюдениями с масками, а в 15 часов вышли из Сплита. До вечера шли вдоль берега Динарской ривьеры: горы столового типа, высотой порядка 800-1000 м, круто обрываются к морю. В узкой прибрежной полосе ютятся небольшие посёлки, городки у самой воды или выше на склонах. Возделываемые площади земли в большинстве террасированы. Виноградники, оливки, части крепости более или менее сохранившиеся. К вечеру входим в пролив между материком и о. Корчула. Видели дельфина.

2.08.1960.

В 7 утра прошли мимо Дубровника. Место очень живописное, привлекающее массу туристов. Против городка остров, поросший густым сосновым лесом. На острове владения Академии

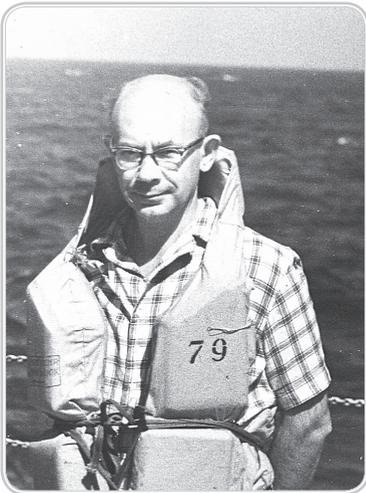
наук и её биологической станции. Раньше остров принадлежал одному из Габсбургов – императору Мексики. Перед обедом прошли Которскую бухту, охраняемую массивными фортами, построенными на двух её мысах. Бухта некогда была базой Ушакова при его операциях против турок и французов. Ещё раньше Петр I организовал здесь мореходное училище для югослабов. Бухта обширная и разветвлённая. Кроме того, известна (В.А.) как самое мокрое место Европы, где выпадает 4000 мм осадков в год. Около 16 часов прошли траверз югославо-албанской границы у Шкодера. В 17.30 пустили донный трал. Из трёх тралений 2 были удачны. Принесли разнообразных рыб и другую фауну: крупных морских звёзд, губок, морских лилий, крабов, крупных креветок из *Palaemonidae*.

С февраля по июнь 1963 г. Владимир Николаевич работает в составе экспедиции 13-го рейса НИС «Михаил Ломоносов» в тропическую Атлантику (Сенегал, Бразилия, Гибралтар).

В сентябре 1964 г. по приглашению коллег Байкальской лимнологической станции Академии наук СССР в Листвянке Владимир Николаевич участвовал в экспедиции по Байкалу в компании известных учёных-гидробиологов, с которыми В.Н. Грезе

связывали научные и приятельские отношения. Так, с Василием Никифоровичем Абросовым он работал в сороковые годы в Красноярске, в СО ВНИОРХ.

После возвращения с Байкала В.Н. Грезе готовится к участию в 17-й рейсе НИС «Михаил Ломоносов» в северную и центральную Атлантику с посещением портов Канады, Мексики, Кубы, Франции. Владимир Николаевич возглавлял отряд биологов. Сохранились его экспедиционные дневники.

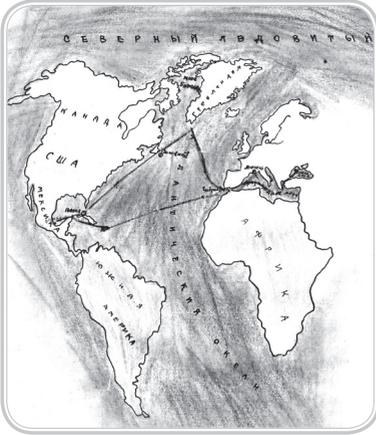
**Шлюпочная тревога.
Построение**

*Экспедиция на НИС «Г.Ю. Верещагин». Байкал. 1964 г.
Слева-направо: В.Н. Абросов, Е.И. Лукин, Г.Г. Винберг, В.Н. Грезе*

*Владимир Николаевич с Ираидой Ивановной в каюте НИС
«Г.Ю. Верещагин». Байкал. 1964 г.*

Схема маршрута 17 рейса НИС "Михаил Ломоносов", нарисованная для семьи перед уходом в море

15 ноября

Отошли от пирса Угольной пристани в 9 час. С внешнего рейда Севастополя ушли после таможенного досмотра и проверки девиации в 18 час.

16 ноября

К 19 часам пришли в прибосфорский район и сделали первую станцию на глубине 120 м. Выполнена серия фракционированных ловов малой сетью Джеди. Произведены записи свечения батифотометром на глубинах от 25 м до дна. Свет с палубы мешает работам выше 25 м. Термобатиграф показал

полное перемешивание до глуб. 50 м $\approx 16^\circ$ и резкое снижение до 7.5° к 65-70 м. У дна повышение t° до 9° , видимо, средиземноморские воды. При работе батифотометром при значительном свечении на горизонте 25 м, на глуб. 50 м сигналы почти отсутствовали. На глубине 90-100 м и на 75 они снова были отмечены, хотя и немногочисленные. Работы производились при штиле. Переменная, довольно значительная облачность. Временами луна около $\frac{3}{4}$.

17 ноября

После 0 ч. проходили Босфор. Утром у о. Мармары. Тихая облачная погода. К 15 часам вышли из Дарданелл. Испытывали малый планктонометр на полном ходу 11 узлов. При опускании и подъеме, при ударах о борт судна отбило кран стакана планктонометра. Требуется ремонт.

18 ноября.

Идем Эгейским морем. Тихая погода, переменная облачность. Снова испытывал планктонометр, уменьшив груз до 15 кг, а также заменяя груз ТАГ'ом. Буксировали 10' при скорости 10 узлов. Трос 50 м. В пробах очень мало планктона. Газ 21.

19 ноября

Вышли в Ионическое море. Со второй половины дня ветер усилился. К вечеру шторм стал очень силен – баллов 7, если не больше. «Ломоносова» болтало как фелюгу. Волна залила корму. На носовой лебедке главной палубы порвало брезентовый чехол.

20 ноября

Шторм стих лишь в конце дня. Когда стемнело, подошли к Мессинскому проливу. Проходили его в темноте, видно было лишь массу огней у Мессины и Реджо-ди-Калабрия и огни поселков в горах и на побережье.

21 ноября

Утром шли вдоль берегов Сицилии – горбатые скалы, горы, крутые обрывы берегов. У траверза Палермо взяли пробу малой “Ракетой”. Скорость 11.4 узла – буксировали 10', угол троса 80°, длина 150 м. Проба почти пустая. Немного мелочи. Хотя газ 49, а по расчетам должно профильтроваться около 15 м³ воды. Вероятно, слишком велика скорость и планктон разрывается в сетке при буксировке. Пытались связаться по телефону с домом, но слышимости почти не было.

22 ноября

Утром шлюпочное учение. После него работали волновики, оптики и мы. Наловили планктона и испытывали на свечение в лаборатории. В банке и в чашке Петри при взбалтывании и при добавке формалина в темноте было видно много вспышек. Однако, ряд видов, попавшихся в прибор одиночными экземплярами, не дал результатов.

23 ноября

Днем взяли две пробы планктона большой сетью, газ 23, с глуб. 200 и 300 м – тотально. Поймали много всякой живности и до ночи работали, экспериментируя, стимулируя свечение. Светились лишь очень немногие из испытанных организмов.

24 ноября

Обрабатывал материал из вчерашних проб. Ребята монтировали координатный батифотометр.

25 ноября

В 8 утра пришли в Гибралтар. Сошли на берег около 11. «Ломоносова» поставили у пирса.

26 ноября

Стоянка в Гибралтаре. Ушли в 21 час.

27 ноября

Идем на северо-запад. Днем показался португальский берег у м. Сан-Винсенто. Отремонтирована воронка стакана у малого планктонометра. Сделали днем одну пробу буксировки на малом ходу 6 узлов в течение 15 мин. Трос 100 м. Улов очень невелик. Молодь копепод гл. обр. Опыты стимулирования свечения не дали.

28 ноября

С ночи усиление ветра. Утром море балла 4, временами мелкий дождь. К вечеру усиление шторма. Подготовил к опробованию большой планктонометр, но погода мешает.

29 ноября

Шторм не стихает – 4-5 баллов. Удастся лишь читать.

30 ноября

Погода немного тише. Днем легли в дрейф для перемотки троса на гидрологической лебедке. Мы взяли пробу планктона большой сетью. При втором подъеме с глуб. 150 м обломился конец бронзового крюка замыкателя, сеть пришла закрытая. Сильная зыбь вызывает рывки троса; крюк не выдержал.

Записывали свечение в пробе. В 18 ч. спустили за борт батифотометр на тросе ≈ 100 м для записи свечения на ходу. Сделали две записи, потом сигналы исчезли: оказался поврежден кабель, перетертый у прибора тросом. Батифотометр сопровождался ТАГ'ом. Заглубление было порядка 7-15 м. За кормой вспышки свечения довольно многочисленны.

1 декабря

Ветер балла 3-4, но большая зыбь. Вечером выпустили батифотометр на 250 м троса и буксировали ночью. Была запись свечения.

2 декабря

Погода тихая, но зыбь. Утром, после 5 часов, сигналы на батифотометре стали понижаться. В 7 часов выбрали его на борт. Утром пробовали пускать большой планктонометр, газ 15, трос 200 м, скорость 5 узлов. Благодаря приделанной рулевой пластине, отогнутой в сторону, прибор при буксировке шел хорошо,

отклоняясь от судна. Но при выборке отойдя далеко в сторону, идя по поверхности, резко изменил направление, устремившись к корме судна. Хвостовой стабилизатор при выходе из воды уже не действовал нормально. Вечером готовились буксировать батифотометр, но в цепи замыкание.

3 декабря

Замыкание в цепи батифотометра так и не нашлось. Решено перемонтировать прибор на кабель-трос, на лебедку. Это обеспечит более надежную работу при меньшей сложности операции опускания и подъема прибора. Утром пробовали взять пробу планктона большим планктонометром, который подвесили стабилизатором вниз. Ход 5 узлов, трос 200 м, газ 15. Запуск и буксировка шли хорошо. Но при подъеме прибор снова ушел за корму судна. В пробе всего 2–3 гиперииды. После обеда туман, мелкий дождь. Идем малым ходом, давая гудки. К ночи вовсе остановились.

4 декабря

Туман разошелся, начался ветер. Крупная зыбь все усиливалась до ночи. Амплитуда волны достигает вероятно 5-6 м, на верхней палубе волна закрывает горизонт.

5 декабря

Ветер и волнение продолжались всю ночь без изменений. Похолодало. Первый снеговой заряд утром припорошил палубу. Днем немного утихло. Перемонтировали малый батифотометр на кабель-трос лебедки. Составляли у Метальникова план работы на станциях разрезов. Решили на каждой третьей станции проводить полный комплекс работ (если позволит погода), а на остальных - только гидрологические серии.

6 декабря

Около 7 час. утра объявление по спикеру: в связи со штормовой погодой выход на палубу запрещается. Задраить все иллюминаторы. Шторм 8-9 баллов весь день. Утром волну забросило и на верхнюю палубу. В моей каюте залило стол через плохо закрытый иллюминатор. Вечером собрание по поводу необходимости соблюдения всех мер предосторожности в связи со штормовой погодой. На завтра прогноз: ветер 8-10 баллов северо-западный, t° воздуха $-1-3^{\circ}$. К станции так и не подошли, как рассчитывали; шторм встречный, ход – узла 3. Да и делать бы на

станции нечего.

7 декабря

Утром появился первый айсберг. Был он высокий – метров 15, с аркой и башнями. Волны били в его подножье, окутывая брызгами до вершины. Потом их стало довольно много. Шторм продолжается с прежней силой 8-9 баллов. Ветер днем 25 м/с, вечером – 18 м/с. Температура воздуха около -3 и на палубе, особенно носовой, намерзает лед. Около 18 час. пришли к началу северного разреза и начали гидрологические работы, держась на подработке против волны.

Биологические работы исключаются, т.к. подрабатывать при опускании приборов с кормы слишком рискованно; капитан возражает, а без подработки дрейф будет слишком силен для работы сетями. Кроме того, при выемке из воды сеть обмерзает.

После работы гидрологов со станции не пошли: темно, шторм, идут айсберги. Поэтому проводили некоторые другие работы. В том числе и запись свечения. Опускали батифотометр на 300 м. Записали довольно сильное свечение на 7 горизонтах. Закончили работу в 01 ч. 8-го. Ветер около 20 м/с. Вечером довольно сильное северное сияние.

8 декабря

С рассветом пошли на следующую станцию. Идем малым ходом, лагом к волне. Бортовая качка очень сильна. За завтраком в кают-кампании самообслуживание – чай поставить на столы нельзя; его получают в буфете и балансируя на стуле пьют, одной рукой держась за что можно. В 9 час. станция; работают гидрологи. Стали против волны и качка стала легче. Но шторм все те же 8-9 баллов, мы не работаем. До следующей станции 30 миль шли часов 6. Работали гидрологи. Кормовые лаборатории отключили от электротокa во избежание замыкания, в случае попадания воды. Во внутренних лабораториях, опасаясь пожара от короткого замыкания, на ночь назначают дежурных.

9 декабря

Утром станция. Шторм несколько тише. Ветер 10-12 м/с. Снеговые заряды. Море – баллов 6. Днем снова усиление ветра. Вечером работали батифотометром на ст. 1341, записи на 11 горизонтах.

10 декабря

Утром несколько утихло. Пробовали взять сетные пробы планктона. Однако угол троса все же был очень велик – более 40-45°. Дрейф судна определяли 2–3 узла. Взяли 2 пробы, которые нельзя считать количественными. Вечером станция 1345, где было много работ. Мы ввели запись биолюминесценции на 11 горизонтах. Закончили уже после 0 часов.

11 декабря

Море балла 4, ветер 5-6. Вечером станция 1348. Запись люминесценции на 11 горизонтах. В сумерки прилетел самолет, сделал над нами три захода на высоте 20-30 м, включал прожектор и рассматривал нас. Судно стояло на станции, выполнялась гидрологическая серия.

12 декабря

В конце дня выставили два буя в конце разреза. Начали вечером работы на суточной станции (19 часовой). Глуб. 190 м. Взяли серию проб малой сетью. Одну порвали при подъеме, т.к. волнение балла 4, большой дрейф. Угол троса 40-45° и больше. Идет мокрый снег. Произвели вслед за тем запись биолюминесценции (уже в 01 час 13-го).

13 декабря

Около 6 утра продолжали работы на ст. 1349. При попытке повторить планктонную серию, при промывке сети после взятия слоя 0-10 м волна, рванув сеть, порвала ее. Это вторая сеть, порванная на станции. Работу сетями прекратили. Произвели запись батифотометром. Свечение довольно сильное, но меньше, чем в 01 ч. Особенно интенсивно в слое 25-50 м. Проведены опыты по люминесценции. В планктоне довольно много крупных копепод – гл. обр. *Metridia*, часть которых светилась. Вечером, часов в 18, сделали еще серию записей люминесценции батифотометром.

14 декабря

День занят переходом на следующий разрез. Довольно тихо. Можно было поработать с микроскопом, просмотреть планктон и животных, с которыми вчера проводились опыты по люминесценции.

15 декабря

В 7 час. пришли на ст. 1350. Погода относительно теплая, +3–5°. Море балла 3–4. Работали сетями, взяли серию проб до 500 м. Планктон преимущественно в нижнем слое – 300–500 м. Провели эксперименты по свечению. Вечером, около 20 час. на ст. 1351 записали свечение в море батифотометром.

16 декабря

В 05 ч. начали запись свечения на ст. 1353. Потом работали сетями, с 9 часов. Ветер балла 4, море - 4. Угол троса 60° и более. Глубже 300 м не добрались.

17 декабря

С 00 часов начали работу сетями на ст. 1355. Погода относительно благоприятная и удалось получить полноценную серию до 500 м. Затем работали батифотометром и провели эксперименты по свечению. Днем ветер усилился до 10–12 м/с. Море баллов 6. Вечером на ст. 1357 провели измерения батифотометром.

18 декабря

Утром ветер все еще силен, море баллов 4–5. Работать сетями нельзя. К вечеру ветер достиг 10 баллов. В 19 час. гидрологи пытались еще сделать очередную станцию, но работа была прекращена. Море баллов 8–9. Выход на палубу запрещен.

19 декабря

Ночь и весь день тяжелый шторм. Полные 10 баллов. Ветер до 30 м. Волна не менее 6–7 м. Шторм с юго-запада и корабль держится против волны, удаляясь от места работ. Днем сделали попытку развернуться в обратном направлении. В каюте упали кресла, вырвались ящики из стола. Нельзя было устоять на ногах. Крен градусов до 40. После нескольких минут такого маневра вернулись на прежний курс. На камбузе потеряли половину супа. У метеорологов сорвало «Ладогу» и телетайп, слабо закрепленные в лаборатории.

20 декабря

Утром шторм притих. Вышли на очередную станцию и хотя зыбь была очень велика, гидрологи взяли серию батометров.

В нашей лаборатории потерь нет. На палубе был сорван волной большой пожарный ящик с песком, кубометра на 1,5, при-

крепленный к палубе болтами. Его утащило на корму. Также сорвало и привязанный у борта ящик координатного фотометра и помяло его железные стенки. Днем, при все такой же большой волне, сделали еще станцию. Третью гидрологи с трудом закончили вечером. Так как положить судно в дрейф лагом к волне нельзя, никакие работы, кроме гидрологических, выполнять не удастся.

21 декабря

Утром волна снова метров 5–6. Шторм с юго-запада. Подошли к концу разреза, но закончить его не удастся. Нельзя работать даже гидрологам. В течение дня волнение чуть ниже и гидрологи закончили две последние станции. Ушли к месту постановки бுவ.

22 декабря

Утром довольно тихо. Ветер балла 3–4, море примерно то же. Начали ставить буй. Пока налаживали якоря, буй, успели взять одну сеть с глубины 500–300 м и поймать планктон для лабораторных работ. Однако работы не состоялись – какие-то неполадки в электросети и переменный ток в лаборатории отключили. Наладили часа через три, когда планктон перемёр. Днем закончили постановку бுவ. Начались гидрологические наблюдения каждые два часа. Все прочие работы исключаются. Тихо весь день, прояснилось. Вечером наступил почти полный штиль, светила луна.

23 декабря

От штиля не осталось и следа. Восточный ветер баллов на 8 поднимает волну. Подошел циклон, бывший вчера у Ньюфаундленда. В 9 час. пошли снимать буй. Со второго захода удалось зацепить первый буй. К обеду закончили выборку. Шторм быстро нарастает. Пошли искать второй буй. Но волна поднимается уже метров до 5, дождь, брызги, поднятые в воздух сильным ветром, очень ограничивают видимость. В 14 час. уже сумерки. Маневрировать судном, ведя поиски при такой волне, очень трудно. Вечером ветер уменьшился и ночью было довольно тихо, хотя зыбь оставалась большой.

24 декабря

Воспользовавшись тем, что корабль лег в дрейф, работали в 02–03 ч. фотометром с правого борта и в 05–06 ч. сетью с левого борта. Сеть шла почти вертикально. Но планктона очень мало. Фотометр также почти не зарегистрировал свечения на всех горизонтах – ст. 1369. В 8 ч. пошли искать буй и к обеду нашли его. Отражатель на нем сбит. Буй заменили другим и стали продолжать гидрологические работы.

25 декабря

Идут гидрологические наблюдения через каждые два часа – почти непрерывно. Погода удовлетворительная. Надежда на появление циклона, возникшая с утра, не оправдалась – он ушел на север и не остается ничего другого, как оставаться на месте и продолжать наблюдения. Работают гидрологи, все ждут.

Постановка гидрологического буя на НИС «Михаил Ломоносов». Дэвисов пролив. 1964 г.

26 декабря

То-же самое. Ветер 3–5 баллов, временами дождь. Работают гидрологи.

27 декабря

Утром тихо, туман, мелкий дождь. Гидрологи работали без подработки. Поэтому удалось поработать сетью. Взяли боль-

шую сеть тотально с 300 м и два подъема малой с 50 м. Из этой пробы зарядили две бутылки на культуры водорослей. Первую использовали для опытов по свечению. Однако материала в пробе мало. Преобладает *Calanus*. В 16 часов: палубной команде на подъем бую. Усиливается ветер, ожидается прохождение циклона. Чтобы не потерять пять суток наблюдений вертушек бую, решили их поднять.

Вечером действительно усилился шторм.

28 декабря

Весь день тяжелый шторм на все 10 баллов. Ветер 25–30 м/с. Стоим на месте, поддерживаясь против волны. Похолодало, временами снеговые заряды. Волны заплескивают на верхнюю палубу.

29 декабря

Шторм не стихает. Во второй половине дня еще усилился. На палубе стоит дикий рев. Все море в пене. Ветер устойчиво держится 30–35 м/с, порывы до 45 м/с. Временами сильные удары колотят судно. У третьего штурмана в каюте на верхней палубе волной вышибло стекло иллюминатора и затопило каюту. Температура ниже 0° и на палубе все обледенело. Весь день держались против шторма, курс 310–315°.

30 декабря

В 8 утра легли на обратный курс – шторм ослабел – ветер «всего» м 20–25. К вечеру постепенно утихает.

31 декабря

Идем к югу. Ветер и зыбь небольшая. В 18 ч. по местному, в 24 ч. по московскому начали встречу Нового года. К 22 часам все было тихо.

1 января

Утром снова начало штормить, но ветер был почти попутный и в седьмом часу вечера подошли к Сент-Джонсу. Уже темно, туман и большая волна. Не смогли взять лоцмана на борт и он провел нас на своем катерке в порт. К 8 вечера ошвартовались.

2 января

С утра лил дождь. Все в густом тумане. Глубоко врезанная в скалистые, холмистые берега бухта. Несколько шпилей костелов, кубические коробочки стандартных деревянных домиков на

берегу. Ходили по городу. Тихо, пустынно. Почти нет пешеходов. Попали в район, застроенный коттеджами. У каждого дома машина. В окнах венки и рождественские свечи. В палисадниках часто елки, украшенные цветными лампочками, картонные деды морозы, желающие счастливого рождества. Дома в городе почти исключительно деревянные, обшитые тесом и окрашенные разными красками.

Ньюфаунленд. На берегах бухты Сент-Джонса. 1 января 1965 г.

3 января

Знаменитое английское воскресенье. На улицах пусто. Можно пройти 2–3 квартала главной улицы, не встретив никого. Магазины закрыты. Работают только аптеки, где продают детские игрушки, сладости, разную мелкую галантерею, книжки. Вероятно, есть там и лекарства. Вокруг церквей скопления машин и только там можно видеть обитателей города. В городе мы видели только одно кино «Парамаунт», церквей же не меньше полдюжины. В том числе два грандиозных старинных собора, один новейший душеспасительный комбинат – большая модернистской архитектуры церковь со стрельчатыми, небесно-голубого стекла огромными окнами и со вторым залом в полуподвальном этаже. Памятник с несколькими аллегорическими фигурами близ того места, где в 1583 г. 5 августа высадились первые англичане – Гемфри Джилберт и объявили эту new found land собственностью английского короля. Платные стоянки для машин с автоматами для оплаты.

Магазин религиозной литературы. Витрина с детскими книжками. На другой раскрыта библия. Между страницами четки из бронзовых пластинок. На каждой из них поучительное слово. Первое: прежде чем выпить – подумай и тогда не выпьешь. Вечером пришли на корабль поляки-рыбаки. Вчера они притащили в порт корабль ФРГ, потерпевший аварию. В шторм случилась поломка машины. Несло к берегу. Теперь поляки требуют 200000 долларов, немцы дают 50000. Канадский арбитраж будет разбирать.

4 января

Канадцы продолжают отдых. Все магазины закрыты. Попали утром в музей. Один зал, посвященный истории Ньюфаундленда. Начинается с беочуков – первобытных жителей острова, исчезнувших к началу XIX в. Вечером в кают-компании смотрели телевизор. Детективный фильм. Затем какая-то комедия-детектив с игроками в рулетку. В неожиданных местах прерывается рекламой напитков гостиничной компании, фирмой, изготавливающей какие-то хозяйственные снадобья. Днем была передача для ребят с мультипликацией, чтением книжки с картинками, фильмом о зоопарке.

Погода сумрачная, относительно теплая. Барометр продолжает держаться необычайно низко – 730 и даже 729 мм. Мы находимся в центре мощного циклона, захватившего до 1000 миль. Вчера в известиях Си-Би-С передали, что прибывший в Нью-Йорк лайнер, опоздал из-за шторма на 43 часа и капитан заявил, что не видел такого шторма в течение 40 лет плавания. Капитан и нач. экспедиции ездили в госпиталь, где лежит боцман с «Полюса» – гидрографического судна такой же постройки и размеров, как и «Ломоносов», работающего по совместной программе. «Полюс» во время шторма потерял два катера, смытых с верхней палубы и повредивших надстройку. Были сбиты и повреждены лебедки «Океан». Боцману же при этих авариях раздробило ногу и нанесло другие ранения.

Цены, заработок: минимальные заработки 40–45 долл. в неделю ≈ 180 в м-ц. для неквалифицированных рабочих. Средний уровень интеллигенции 1000–1500 долл./м-ц. Стоимость кот-

теджа $\approx$ 100 долл/м-ц. Оплата машины при рассрочке около 50 долл/м-ц. Билет в кино – 75 центов.

Газета The Daily News, St. John's 31.XII

Обзорная статья об итогах и персп. Население Ньюфаундленда – 495000. Самый высокий уровень рождаемости для Канады. Но безработица также самая высокая – до 20000. Ведущая промышленность Н-да – горная по цене продукции. За ней следуют newsprint industry и fisherys. Прибрежный промысел трески несколько сократился, но цены продукции возросли. Ньюфаундленд требует от федерального правительства, чтобы рыболовству оказывалась такая же поддержка как и с.х. Lobster fishery – 4.5 млн. фунтов продукц. ($\approx$ 2000 т.) – столько же сколько и в прошлом (1963 г.), но цены продукции выше: $\Sigma \approx$ 2 млн \$. Deep sea fishery – работала на высоком уровне – 80 млн. фунтов продукц. Alcohol Education – цель № 1 Совета по алкогольной проблеме – статья преподобного D. Burton Наас (Council of Alcohol Problems). Каждому ребенку нужно дать Alcohol Education, прежде чем он вступит в жизнь.

5 января

Утром дежурил. После обеда shopping.

6 января

Утром ходили на Biological Station Fisheries Research Board of Canada. Имели беседу с директором Темплетеном и сотрудниками: Hodder (зам. директ.) Squires H.J., Fleming.

Станция в Сент-Джонсе, основанная в 1931 г., имеет штат 12 научных сотрудников и около 25 н-техн. и обслуживающий персонал. Работы сотрудников печатаются в Journal of FRBC. Собственных изданий нет. Работой станции руководит FRBC, состоящее из нескольких (18?) ведущих специалистов. FRBC передает результаты исследований в виде рекомендаций государственному управлению рыбной промышленности, оказывающему влияние на рыбохоз. кампании. Материалы по ихтиологии собираются при объездах береговых промыслов на небольшом катере станции. Кроме того, судно «Камерон», типа СРТ также позволяет иметь собственные материалы, когда работает в этом районе. Основная работа заключается в биологических исследо-

ваниях и анализе состава стад промысловых рыб. Оборудованы лаборатории счетными электрическими клавишными машинками, облегчающими статистическую обработку материала.

Библиотека занимает одну комнату, однако в ней содержатся многие русские издания: Рыбное хозяйство, Вопросы ихтиологии, Зоолог. журнал, Труды ВНИОРХ, ВНИРО, Доклады АН СССР, переведенные на английский, по биологии, перепечатанные на ротапинтере, рассылаются из Вашингтона Институтом биологических наук. Интересующие сотрудников статьи с различных языков переводятся специально. В Университете есть небольшая группа изучающих русский язык сотрудников, помогающая в знакомстве с нашей литературой. Приняли нас доброжелательно, Сквайрс дал карты распределения планктона по данным рейсов 55-56 гг. в окрестностях Ньюфаундленда. Ходдер - два своих отиска о пикше (?)

В 12.30 ушли из Сент-Джонса, направившись на север в Холируд на нефтебазу для заправки. Холируд - небольшой поселок с нефтебазой и нефтеперерабатывающим производством. Лежит в глубине большого залива Conception Bay. Шли туда около 5 часов, в виду берегов Ньюфаундленда. Берега высокие, крутые каменные обрывы, лесов почти нет. Повыше полосами белеет снег. У подножья скал прибой поднимает столбы брызг до их вершин. Вид суровый, неприятный. Солнца не видно, набегают полосы тумана. Когда стали у причала, рыболовы стали дергать на удочку мелкую треску. Хватала она жадно. Попался один четырехрогий бычок.

7 января

Ночью вышли из Холируда. Идем на юг. Ветер стих, но крупная зыбь с востока переваливает нас с борта на борт. Днем усиленные ветра, временами снег.

8 января

Пришли к району работ ю-в Ньюфаундлендской банки. Здесь должны быть выполнены для Шулейкина и Рыженова два пересечения зоны фронта между лабрадорскими и южно-атлантической водами. Работают только гидрологи. Первую станцию сделали в 7 утра в лабрадорских водах. Следующая в 10 ч. К вечеру,

когда вышли на теплую – 12° атлантическую воду, разразился шторм. Работы прекратили, все задраили.

The Daily News St. Johns 31.XII

Paul P. Russel – president, Frozen Fish Trades Ass. Ltd.

Производство мороженой рыбы в 1964 г. выросло до 80 млн. фунтов против 77 в 1963 г. Цены были разочаровывающие: на уровне 1963 г. или ниже. Развитие промышленности затрудняется незначительностью фирм – 5-6 траулеров в среднем на одно обрабатывающее предприятие. Каждая фирма или группа фирм имеет свою торговую организацию. 90% мороженой рыбы из Ньюфаундленда идет в США. Приходится сталкиваться с конкуренцией Исландии, Дании, Норвегии, Англии, Германии, а в последнее время Японии. Канада не имеет крупных тральщиков с кормовым тралением, как у других стран. Но две частных компании уже заказали их.

Gordon C. Mifflin, president, Nfdl. Fish Trade Ass.

Число работающих в рыбн. пром. было в 1964 г. примерно таким же как в 1963 г., но улов несколько сократился: продукция малосольной трески на 14% и крепко соленой - на 19%. Также ниже была продукция lobster, salmon, hering, mackerel, turbot and seals. Единственное отрядное место был squid – кальмар; его было в изобилии. Хотя продукция соленой трески падает в последние годы, она еще остается основой промышленности. Шаги правительства вселяют надежду на успехи. В 1962 г. премьер собирал всеобщее совещание по рыбной пром. Рыбохозяйств. комиссия выработала рекомендации, которые были поддержаны правительством, торговыми и рыбопром. кругами.

H.R. Bradley, Area director of fisheries

Продано в 1964 г. (first-sale value) рыбы на 21 млн. долл. Вылов общий ≈ 565 млн. фунт. – Ньюфаундленд и Лабрадор. Трески около 363.4 млн. фунтов. В последние годы продукция мороженой рыбы растет, соленой – снижается. Lobster – улов 4.5 млн. фунтов, как в 1963 г., first-sale value \$2.13 млн. В самый выгодный сезон цена доходила до 60-65 цент за фунт. Почти весь улов вывозился в США в живом виде. Squid – небывалое изобилие: улов 24 млн. фунтов, (В 1963 г. только 5 млн.). Средние цены 1.7

цента за фунт. Salmon - улов ниже, чем раньше – 2.4 млн. фунтов. Б.ч. вывозился в США и Англию. Сельдь – улов 12.7 млн. фунтов. Около половины 마리новалась, солилась. Много шло на наживку, для лова омаров. Caplin – вылов 10.5 млн. ф. в основном употреблялась на наживку и удобрение. Тюлень – добыто 45720. Специальные суда занимались поставкой наживки.

Патрульных судов Ньюф. и Лабр. – 10, кроме того несколько десятков прибрежных лодок использовалось.

9 января

Шторм баллов на 6-7 всю ночь. Утром стояли на месте, держась против волны. В 12 час. продвинулись по разрезу. В 15 ч. очередная станция; работают гидрологи. Шторм баллов 6. Работы гидрологов продолжались до ночи. Кончили разрез, выйдя на атлантическую воду с $t^{\circ} \approx 15^{\circ}$.

10 января

Ночь и утро шли к следующему разрезу. Ветер встречный, море баллов 5. К 11 часам подошли к разрезу. Гидрологи работали на четырех станциях и кончили разрез к 23 час.

После этого взяли курс на Гавану. С кормы был выпущен батифотометр.

11 января

Ночью велась запись свечения при буксировке фотометра. По 3 минуты через полчаса. С 0 ч. до 4 ч. уровень свечения был примерно один. Позже стал снижаться. Наблюдения прекратили около 7 ч., когда начался рассвет. Погода пасмурная, дождь, тепло – $15-18^{\circ}$. Ветер южный, баллов 5. Вечером ветер усилился. Сделали несколько записей фотометром, но к полночи, в связи с усилением шторма, капитан просил поднять прибор на борт.

12 января

Ночью шторм баллов до 8. Опять на палубе леера, задрены иллюминаторы. Погода серая, но тепло. После полудня стало спокойнее. Заметили в море поплавок, выловили его. Оказался пенопластовый куб с бамбуковой палкой; видимо, от японских сетей. В углублениях пенопласта притаились маленькие крабы, поплавок и палка обросли усоногими. При этом у «ватерлинии» на поплавке сидела масса мелких, ниже их размеры увеличива-

лись. В обрастаниях были также какие-то гидроидные. За веревки у поплавок держались ветки саргассов. После обеда приняли SOS от голландского буксира, ведущего сухогруз. У матроса острый приступ аппендицита. Легли на обратный курс. Расстояние до голландца 170 миль.

13 января

В первом часу ночи встретили голландца. Больного вывезли на шлюпке. Ночью оперировали. Утром $t^{\circ} 37^{\circ}$. Погода тихая. Проглядывает солнце. Вечером выпустили с кормы фотометр.

14 января

Фотометр подняли в 8 утра. Привязанный к нему ТАГ показал, что глубина погружения была более 30 м. У голландца перитонит и $t^{\circ} 39^{\circ}$, т.к. операция была тяжелой в связи с большим опозданием. Предполагается заход на Бермуды для передачи парня в больницу. В 19 часов выпустили за кормой фотометр.

15 января

В 8 час. выбрали фотометр. ТАГ показал, что шел он на глубине около 70 м. Вечером снова выпустили прибор. Погода с переменной облачностью, довольно тихая, дожди, $t^{\circ} 18-20^{\circ}$.

16 января

С утра сплошная низкая облачность, дождь. Море балла 4. Выбрали фотометр.

После 15 ч. показались Бермуды. Подойдя к Сент-Джорджес-Тауну, вызвали лоцмана. Прибыл лоцман – негр и провел корабль в Сент-Джорджес Харбор узким прямым фарватером, где корабль шел почти у самого берега. В бухте рассеяны маленькие островки. На берегах разбросаны отдельные коттеджи. Городок Сент-Джорджес-Таун – маленький поселок с тесно стоящими каменными домами с широкими и затененными верандами и белыми шиферными крышами. На холме St. Georges Hotel – огромный корпус в 3 этажа. Острова соединены мостами и есть даже железная дорога, мало используемая. Против Ст.Дж.-Тауна аэродром, где могут садиться крупнейшие лайнеры и военные самолеты. За три часа нашего пребывания приземлилось и поднялось в воздух несколько машин. Весь архипелаг – очень тесное гнездо островов, причудливо изрезанных бухтами. Рифы окружают его почти

езде. Прозрачность воды даже в бухте необычайна. Растительность на острове не обильная. Здесь мало воды и на склонах берегов белеют, как пятна снега, цементированные площадки водосборников. Несколько яхт стоят в разных местах бухты. В сером ветреном дне все это напоминает северную природу. Когда вошли в бухту, к нам причалил моторный бот с врачом, и голландского парня, упакованного в специальную люльку-носилки, перенесли на него. «Ломоносов» развернулся и вышел в море. У последнего бакена фарватера лоцман сошел на поджидавший его катер.

17 января

Переменяющиеся мелкие дожди, почти сплошная облачность. Влажность и температура нарастают. t° 20–22°. Саргассы появились уже в большом количестве. Скопления их в виде узких полос вытянуты в направлении ветра.

18 января

Тихий и теплый день без дождя. Утром остановились из-за поломки машины. Простояли до 15 час. Использовали хорошую погоду для приведения в порядок лебедок. На корабле идет покраска, чистка лабораторий. Артемкин с Филимоновым монтируют координатный фотометр, сняв с кабеля лебедки простой фотометр. Во время стоянки шла энергичная ловля саргассов. Вместе с водорослями вытаскивались крабики и какие-то креветки, очень удачно мимикрирующие под листки саргассов. Взяли пробу на культуры водорослей, сделали смыв с саргассов. Широта $29^{\circ}11'$, долгота $70^{\circ}32'$.

19 января

Теплый, солнечный, тихий день. Можно работать с микроскопом, считать планктон. Просмотрел серию проб с 1350 станции. Вечером лекция в кают-компании: Биологические ресурсы моря, их исследование и использование.

20 января

Такая же благодатная погода субтропиков. В 8ч. были уже в проливе Провиденс, обогнув с юго-востока о. Больш. Абако из Багамских. Слева виднелась группа небольших, не очень высоких островков, немного населенных. Растительность кажется не обильная. Виднелись одиночные пальмы. На судне объявлен санитарный аврал. Всё красят, чистят.

Утром видели несколько стай летучих рыб. Но акул не видно. В сумерках подошли к берегам Флориды. Над Майами небо в зареве от огней города.

21 января

Утром научно-технич. совет с отчетом отряда турбулентности. Около 5 час. появилась на горизонте Гавана. За ее небоскребами горели закатные облака. Встретил лоцман и повел в бухту через узкий проход, где справа лежали парадные набережные бульвары, а слева вход стерегли бастионы старинной крепости Кабель дель Моро. Внизу, под ее стенами батарея старинных пушек, а наверху, за стенами торчат дула зениток. Голубой луч прожектора шупает облака. Внутренний рейд широкий, разветвленная большая бухта. У входа неоновый красный транспарант «Patria o Muerte». На стенах пакгауза на причале «Fidel Nikita мир дружба». На рейде и у причалов с полдюжины советских кораблей. Есть и некоторые другие. По бухте бегают маленькие катера-трамвайчики, как в Севастополе на Северную сторону. На высоком берегу близ крепости огромная белая статуя Христа. В глубине залива трубы каких-то заводов. На высокой вышке факел горящего газа. На востоке от города новый район Гаваны с современными многоэтажными домами. Для связи с ними под проливом прорыт туннель, где ходят автомашины с большой быстротой.

22 января

К полудню наконец отвели нас к причалу. Рядом стоит много рыболовных суденышек «Lambada». Приехал Хименес – президент Академии Наук и зав. департаментом морских исследований Дарио Гитард. Он-же директор открываемого института. Показали им корабль. Хименес «барбудос», с пистолетом у пояса, в зеленой военной форме. Живой, веселый и простой человек. Угощали его столичной, крымским вином. Подарили ему яблок, апельсинов, конфет для дочек. Яблок на Кубе не выращивали раньше – ввозили из США и теперь их нет. Только начинают сажать. Тростник на Кубе нет надобности сажать каждый год, как в других странах. 40 лет подряд режут побеги, вырастающие из старого растения.

23 января

Пришел «Академик А. Ковалевский». Рано утром ошвартовался у нашего же причала. Ходили в город с Остапеней и Чухчиным. Показали старый р-н Гаваны, набережную, главную улицу – Прадо, капитолий. Угостили нас кофе и бакарди с содовой – Canada dry. На улицах тесновато, грязновато. Много военных в зеленой форме, девушки милициано в голубых блузах и зеленых штанах, с винтовками.

Витрины магазинов скромные. Много книжных магазинов, но много и торгующих разными святыми – картинами, статуями, книжками.

24 января

Утром отправились на пляж в Alamar. У Капитолия сели на автобус, идущий в поселок иностранных специалистов. Проезд бесплатный, кондуктора нет. Автобус идет через туннель, затем мимо Новой Гаваны. Холмистая местность с редкой растительностью. Кое-где пальмы. В поселке Alamar стандартные коттеджи. У каждого 2-3 качалки-кресла. «Villita cherepaja». На берегу немного загорающих и купающихся – почти все русские. Подводный пейзаж на рифе не особенно красив – тут нет скал, богатых коралловых дебрей. Но много ярких, разнообразных рыб, иногда ярких как тропические бабочки. Много горгонарий, морских ежей. Кораллы сравнительно редки.

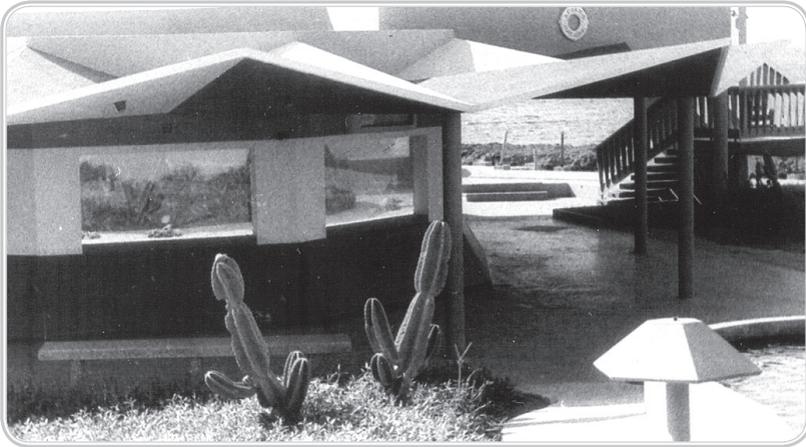
25 января

Утром ожидали машину, чтобы ехать в Институт и аквариум, но не дождались. Попытались поехать в зоопарк, но в автобусе объяснили, что сегодня понедельник и парк закрыт. Все музеи тоже закрыты. Но и в рабочие дни они открываются лишь по вечерам: Национальный музей с 6 ч., Капитолий даже с 7. Ходили по городу. Дома на набережной хорошей старинной постройки, с аркадами, но в очень запущенном состоянии. О некоторых трудно подумать, что они жилые. Американское посольство – стекло и цемент. Закрыто и сохраняется в неприкосновенности. Вечером на корабле были военные гидрографы.

26 января

Утром должны были приехать журналисты. Но незадолго до их прибытия явился Николай Евгеньевич Сальников с большой

группой сотрудников Centro do investigaciones pesqueras. С ним же прибыли и иностранцы, работающие как эксперты ФАО. В том числе планктонолог Линдквист. Водил их по кораблю, пока Метальников водил журналистов. После осмотра корабля группа Сальникова уехала. Журналисты же остались на пресс-конференцию. После обеда на джипе поехали в Институт океанологии. Аквариум в нескольких легких павильонах, открытые бассейны. Самое интересное – живой ламантин. Мурены, акулы. Ракообразные не очень широко представлены. После всяких деловых разговоров с сотрудниками нашей группы поехали в зоопарк. Особенно много очень хороших обезьян. Они все чувствуют себя здесь хорошо, в родном тропическом климате. Особенно интересны гиббоны.

Гавана. Аквариум Департамента океанологии. 26 января 1965 г.

Обезьяны живут в клетках, а также на острове у пруда. Сад не очень велик, но хорошо содержится. Как и везде в музеях и других подобных учреждениях, вход в него бесплатный. А.Н. Колесников завел разговор с администрацией о получении крокодила для севастопольского аквариума. Ему обещали отпустить. Возвращаясь, попробовали сок сахарного тростника со льдом. Тростник выжимают по требованию. Называется этот напиток гуарапо.

27 января

Утром пришла машина от Н.Е. Сальникова, чтобы отвезти в Рыбохозяйственный институт. Посмотрели лаборатории, не блещущие каким-либо особым оборудованием. Небольшие экспериментальные бассейны. В Институте теперь свыше 200 чел., в том числе около 30 иностранных специалистов. Кроме 10 советских, есть японцы, португальцы, ирландец, швед – Lindquist, планктонолог. Ирландец Eimerson (?), гидролог.

*Гавана. Марианао.
Центр рыбохозяйственных исследований. 1965 г.*

В институте отделы химии, гидрологии, бентоса, планктона, ихтиологии, промысловых ракообразных, занимаются также устрицами. На Кубе есть три кооператива, где ведется устричное хозяйство. В остальных промысловых кооперативах есть только их промысел. Есть работы по биохимии и физиологии. Исследования ведутся на промысловых и промразведочных судах, в том числе на судах советской пром. экспедиции. Лабораторный корпус в 2 этажа, ряд других домов, хороший сад. Побережье почти открытое. Рифы, небольшие заросли мангров.

После обеда на 2 часа съездили на плантацию сахарного тростника. Мачетеро угостили нас. Стебли очищаются от верхнего слоя и сердцевина оказывается очень сочной и сладкой. Вечером прием сотрудников посольства.

28 января

С утра небо в тучах и сильный ветер с севера. Парад судов против открывающегося сегодня Института океанографии не состоится - на открытом рейде трудно стоять. Ездили с Металлическим к Сальникову на присланной им машине, для переговоров о возможности взятия кубинских сотрудников Центра рыбохозяйственных исследований от Гаваны до Сантьяго. Дело осложнено срочностью оформления, неподготовленностью всего дела и скорым отходом «Ломоносова».

Вечером сидели на открытии Института океанологии в Viriato, в районе Марианао. Институт в хорошем двухэтажном доме и 2–3 небольших строениях. Кроме того, красивый особняк старинной постройки с внутренним двориком с фонтаном и галереей на втором этаже. Здесь хорошо обставленные комнаты для приезжих ученых. В усадьбе института находится бухта с песчаным пляжем и причалом для лодок, с декоративным маяком на конце мола. В Институте отделы: планктона, бентоса, ихтиологии, физики и химии. Кроме того, вспомогательные отделы – препарирования коллекций, чертежная, фотография, подводной техники, морских операций – operaciones navales и библиотека. Имеются суда «Ксиджас», «Дельфин» и «Эстрелья Роха». В 28 лабораторных помещениях были выставлены приборы и оборудование. В отделе бентоса собрана порядочная коллекция ракообразных, моллюсков. Экспериментальных столов с протоком нет. Это будет позже. На открытие собралось много народа. Посол СССР, много людей с «Ломоносова», «Ковалевского», из разных других институтов, Университета. Торжество было несколько испорчено начавшимся мелким дождем. Выступления директора Dario Guitard, Е.М. Сузюмова и президента Nuñez Jimenez были очень краткими. Во время заседания официанты разносили несколько блюд с жареным мясом креветок, клешнями крабов с чесноком и каких-то запеченных с сыром бутербродов. После разъезда гостей, в кабинете Dario, Nuñez в узком кругу разговаривал с членами экспедиции. Николаева вручила подарки президенту, директору и некоторым сотрудникам института.

29 января

Часам к 10 утра явились сотрудники Института океанологии осмотреть корабль. После осмотра был обед. Пока гости ждали «Ковалевского» для того, чтобы съехать на берег (т.к. «Ломоносов» отошел на рейд) были организованы кубинские танцы, песни. Плясали мозамбики, ча-ча-ча. В 21 час, забрав с баржи воду и горючее с танкера, ушли из Гаваны.

30 января

Идем к суточной станции в Юкатанском проливе. Хорошая погода. Летают рыбы. Вечером поставили два буя на расстоянии 5 миль. Глубины около 600 м. Сильное течение. Начались работы на суточной станции. Научно-техн. совет о плане работ.

31 января

Ночью испытали на герметичность корпус координатного батифотометра. Воду не пропускает. Но при попытке начать запись обнаружилось, что сигнал не поступает. Провозились с прибором часа 3, но причину неполадки не нашли. Ловили планктон. Течение настолько сильно, что на 100 м нельзя было закрыть сеть – груз не скользил по тросу, вытягивавшемуся под углом не менее 60°. Проведено 27 опытов по люминесценции планктонных животных.

1 февраля

Идем на северо-запад, проводя промеры глубин.

2 февраля

Повернули на юго-запад, на Веракрус. Погода теплая, повысилась влажность, облачность. Ветер слабый. Часто летучие рыбы. Акул не видно.

3 февраля

Тихая солнечная погода. К 16 часам подошли к Веракрус. На подходах к нему рифы и на них маяки. Издалека видно десятиэтажное здание Banco di Mexico на набережной. Оно единственное такое в городе. Вечером вышли в город. Центральные улицы с богатыми магазинами и цветными огнями реклам. У порта лавочки с сувенирами из ракушек, кораллов. Чучела черепах, игуан, змей, крокодилов, изделия из черепах, крокодиловой кожи. Но большинство грубой выделки.

Владимир Николаевич на прогулке в Веракрусе. Мексика

4 февраля

Утром ходили на рынок. Большое благоустроенное помещение занимает целый квартал. Внутри обилие всякой зелени, фруктов, овощей. Здесь же ряды с разным «протоваром», у стен ларьки с продовольствием. Очень красочный рынок. Но покупателей мало и не понятно, куда деваются эти груды свежих овощей, фруктов. Во многих местах торгуют соками и другими напитками. Здесь же камаронес (*рис со специями и мясом лангуста и краба – прим. авт.*), устрицы и другие блюда, бутерброды, изготовленные по заказу. Цветочный ряд: цветы обычные и у нас – много гладиолусов, левкой, гвоздика, розы. В отдельном отсеке рынка мясо, птица, рыба и *magiscos*. Очень много кур, индеек. Рыбы разные незнакомые. Висят свежие осьминоги. Крабы связаны пачками, креветки, устрицы. Лангустов нет. После обеда получили деньги и занимались шопингом. Вечером попробовали камаронес в мексиканском изготовлении. Доминирует перец. Подают их в стаканах, куда выдавливают по пол-лимона и добавляют разных соусов и специй. К ним сервируют сухие тонкие коржики, ломающиеся на квадратики.

5 февраля

В городе праздник. Шли школьники в белой форме, под барабан. В 9 утра на площади перед мэрией был поднят национальный флаг. При церемонии небольшой оркестр полицейских

играл гимн и десятка два «отцов города» подошло к флагштоку при поднятии флага. На площади у памятника генералу Сарагосе митинг. Закончил к обеду покупки, после чего ходили на пляж за город. На пологую песчаную отмель набегают довольно сильный накат и волны выбрасывают на песок много физалий. Их пузыри переливаются розовым и голубым. Если наступить, пузыри лопаются с треском. На отмели множество плоских скелетов морских ежей. Норы в песке 1–3 см диаметром вероятно принадлежат крабам. От моря свернули к лесу, отделенному полосой песчаных дюн, понемногу зарастающих “карибской сосной” и кактусами (опунция). В 18 часов ушли из Веракруса.

6 февраля

Тихая погода, переменная облачность, температура в пределах 25°, вечером прохладнее. Занимались отчетами. Довольно часто встречали летучих рыб.

7 февраля

Такой же день.

8 февраля

Возобновили заседания научно-технического совета. Был отчет о работах нашего отряда и оптиков. Нашли летучую рыбу на верхней палубе, т.е. на высоте более 5 метров над водой. Днем встречались часто физалии, пучки саргассов.

9 февраля

Прошли Юкатанский пролив. С полудня посвежел ветер.

10 февраля

Идем тем же курсом на юго-восток. Ночью перевели часы на час вперед. Теперь разница с Москвой на 8 часов. Утром н.-техн. совет.

11 февраля

Идем тем же курсом. Утром н.-техн. совет. Обстановка та же. Летучие рыбы часто. Физалий не видно. Акул тоже не видно.

12 февраля

С ночи усиление ветра с ю-в. Встречное волнение и сильное течение очень тормозят ход. Никак не дойдем до разреза.

13 февраля

Пришли на станцию разреза на Сантьяго в 02 ч. Опускали на 300 м координационный батифотометр. Два горизонта записа-

ли, потом сигналы исчезли. Оказалась вода в корпусах приборов. Свечение наблюдалось с борта, довольно интенсивное. Крупные вспышки; вероятно сальпы, пирозомы. Взять планктонную серию не удалось из-за сильного дрейфа. Море балла 4. Вечером та же обстановка, ветер 6 баллов. Взяли ихтиопланктонные пробы для Кубы, работали с биолюминесценцией на борту.

14 февраля

Подшли на очередную станцию к 8 утра. Ветер продолжает быть свежим. Работали с биолюминесценцией на борту. Брали в море только пробы большой сетью с 200 м.

15 февраля

Сделали две станции – утром и вечером. Погода позволила взять полные серии планктонных проб. Координатный фотометр снова налаженный был опущен на 300 м, но не работал. Обнаружилось, что где-то нарушена герметичность кабеля, происходит утечка тока. Найти это место нет возможности, и остается только рубить кабель пополам. Последнюю станцию кончили поздно и срочно обработали, чтобы завтра передать кубинцам.

16 февраля

К 7 утра подошли на рейд Сантьяго. Лоцман ввел в узкий проход прекрасной, разветвленной, укрытой горами бухты. Горы Сьерра-Маэстра напоминают крымскую яйлу. У входа в бухту крепость Морро. Стали у причала нефтебазы далеко от города. На корабль прибыли Сузюмов Евг. Матв., Козоброд Вл. Порф., Дарио Гитард «и сопровождающие их лица», и группа местных кубинских товарищей для осмотра корабля. Вечером перешли к городу, но на берег уже не ходили. Был визит группы преподавателей университета.

17 февраля

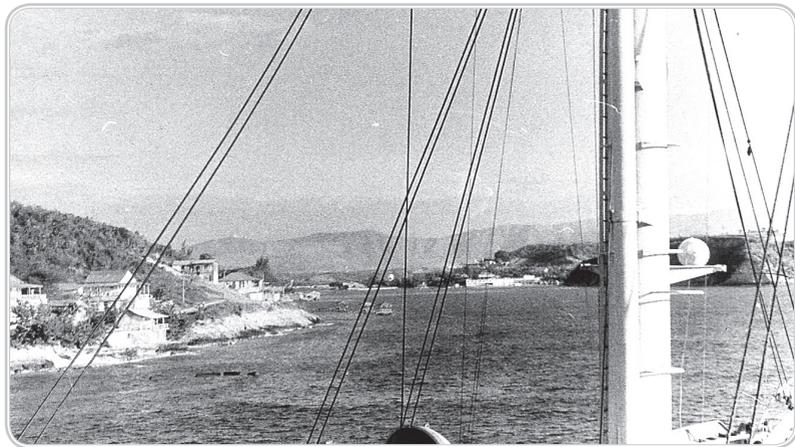
Утром увольнение на берег. Прошли к казармам Монкадо. Они расположены на одном из холмов города и сейчас там школа. В городе тесноватые и грязноватые улочки с 1–2-этажными домами. В окнах жалюзи и фигурные железные решетки. На центральных улицах ветшают рекламы разных фирм и торговых домов. Город на холмах и в улицах видны горы и бухта. На одной из центральных площадей ратуша, собор, отель, как обычно.

Площадь Свободы с колонной с фригийским колпаком наверху. Много памятников знаменитым генералам. Напротив города берега бухты в мангровых зарослях. Они невысоки – кустарник. Летают птицы с громадными клювами, как у туканов. Вечером пролетало много каких-то белых цапель. На высоких берегах другой стороны местами густые заросли. Часто видны цветущие желтыми цветами араукарии.

В 18 час. вышли из бухты, миновав нефтебазу, дачные домики с верандами, купальнями и причалами и стерегущую их крепость Морро. Над Сьерра-Маэстра висели тяжелые, темные облака.

18 февраля

Пришли в Наветренный пролив и после ряда галсов с проемами, в 15 часов поставили буй. Потом были обычные работы. Погода тихая, солнечная. Взяли серию стандартных проб и пробу большой сетью для экспериментов. Координатный фотометр сняли, смотали с лебедки и разрубили пополам трос. Начали снова заделывать целую часть троса в лебедку и прибор.

Вход в бухту Сантьяго-де-Куба. 16 февраля 1965 г.

19 февраля

Ночью работали на ст. 1389А, в 20-25 милях от буя в сторону океана. Днем эксперименты с биолюминесценцией.

Буй сняли в 20 час. и ушли на разрез. Ночью на станции походила акула – единственная, какую видели до сих пор. Когда

снимали буй, видели вдалеке дельфинов. Самолет US Navy несколько раз облетал нас.

20 февраля

Идем на восток вдоль северного побережья Гаити. Остров гористый, высокий.

21 февраля

Пришли на станцию к 14 час. Работали сетями, затем экспериментировали с электростимуляцией зоопланктона. К 23 ч. пришли на следующую станцию.

22 февраля

Ночью работали фотометром в море. Из трех блоков координатного прибора работал лишь один. Мотор «мешалки», действующий на борту, в море также не работал. При работе с сетями электрики подняли шум о перегреве сопротивлений лебедки, когда были взяты лишь 3 верхних слоя. Взяли планктон лишь до 200 м, т.к. сильное течение тащило сети, и угол троса перешел далеко за 45°. Днем усиление ветра до 5-6 баллов.

Станция 1391 – также при ветре и волне около 4-5 баллов.

23 февраля

Под утро работали фотометром, однако в воде снова пробило кабель высоким напряжением и координатные измерения биолюминесценции не удались. Работали с одним фотоумножителем. На море 4–5 баллов, ветер. Планктон взяли лишь до 100 м – большие углы троса. У борта волной разорвало сеть. На вечерней станции обстановка та же. У борта, при рывке сети оборвало 50-кг груз. Но при работе координатным фотометром наконец удалось сделать записи на нескольких горизонтах.

На 150 м снова пробило кабель.

24 февраля

В 5 ч утра работали на последней 1395-й станции разреза. Море балла 4-5, сильный дрейф. Сеть на горизонте 100-50 м закрылась лишь со второго раза. В 8 утра ушли на следующий разрез. Ветер восточный.

25 февраля

Ветер все так же дует по курсу, идем 7-8 узлов. Утром н.-техн. совет с отчетом. Часам к 19 станция 1396, первая, южная, на раз-

резе. Работали сетями и батифотометром. Координатный прибор демонтировали.

26 февраля

На рассвете следующая 1397 станция. На переходе к 1398 подготовили стрелу и лебедку на носу, для производства глубинных ловов с подработкой. Погода резко изменилась. Тучи, дождь. Однако вечером улучшилась. Взяли глубоководную серию большой сетью до глуб. 2000 м. Груз на сети 75 кг. Работали 5 часов, при небольшой подработке.

27 февраля

Утром и вечером работы на очередных станциях.

28 февраля

Около 5 ч. пришли на станцию в проливе Анегада. Поставили буй вблизи берегов о-ва Вирджин-Горда. Утром взяли серию планктонных проб. Работали с *Pyrocystis*. Вирджин-Горда, самый восточный из Виргинских о-вов, высокий, холмистый, мало облесенный. До вечера продолжаем наблюдения над *Pyrocystis*. Днем он перестал светиться.

1 марта

Ночью продолжали брать пробы и замерять свечение в море. *Pyrocystis* после захода солнца – в 20 ч., в 02 светился. В 05.30 импульсы ослабели, в 09 утра совсем прекратились. В 9.30 сняли буй. В 10 прошли траверз с.-в. мыса о. Вирджин-Горда и вышли в Атлантику.

В 15 ч. начали станцию в Атлантике. К вечеру стали брать глубоководную серию большой сетью. При подъеме с 2000 м сеть вместе с замыкателем и двумя грузами оборвалась уже у самой поверхности, вероятно задев за корпус корабля.

Работали с правого борта фотометром.

В 22 часа, кончив станцию, дали гудки и взяли курс на Марсель.

2 марта

Тихая, солнечная погода, легкий восточный ветерок. Идем хорошо. Чистка лебедек, уборка лабораторий.

3 марта

Обработка, просмотр материалов. Погода по-прежнему хороша, ход 11.5 узлов. Днем, в перерыв, на вертолетной палубе пляж.

4 марта

Ночью перешли тропик, но погода еще держится. Утром, в 8 ч., во время замедления хода для продувки котлов машины, пробовали буксировать малую «ракету». Время буксировки – 13`, ход – 7 узлов = 12964 м/час. За 13` пройдено 2800 м. Площадь отверстия 25 см², рассчитанный объем профильтрованной воды 7 м³. Однако проба почти пуста. Троса было вытравлено 30 м и прибор шел на глубине около 7–10 м. Положение при ходе было стабильным и правильным. Однако в пробе оказалось всего 120 экз. или около 17 экз/м³. Это были: *Oithona* 43, *Corycacus* 10, *Macrosetella* 4, *Sapphirina* 1, *Nauplii* 7, *Copepodit* 34, *Pteropoda* (?) 16, *Lucifer* 1, *Larva Decapoda* 1, *Larv. Pisces* 1.

5 марта

Ночью вели счет импульсов свечения, регистрируемых буксирным фотометром с помощью радиологического счетчика. От него была сделана также и передача регистрации на магнитофонную ленту. Погода изменилась, утром дождь. Саргассы в большом количестве и много летучих рыб.

6 марта

Ветер попутный. Летучих рыб не видно. Саргассов по-прежнему много.

7 марта

Обычный день похода. Слабый попутный ветер. Обработка материалов.

8 марта

Ровная, сплошная облачность, небольшой западный ветер. Обработка материалов.

9 марта

То же.

Вечером, после того как выпустили буксироваться фотометр, в нем сгорел ФУ, т.к. облачность рассеялась и взошла луна в первой четверти. При погружении прибора не более чем на 10–15 м, ее свет уже превысил возможности измерения фотоумножителем. Т.к. яркость луны будет сейчас нарастать, а погода ясная, то запись свечения на ходу придется прекратить.

10 марта

День за работой с отчетом.

11 марта

То же.

Ветер стал попутный балла 3-4. Идем 12 узлов.

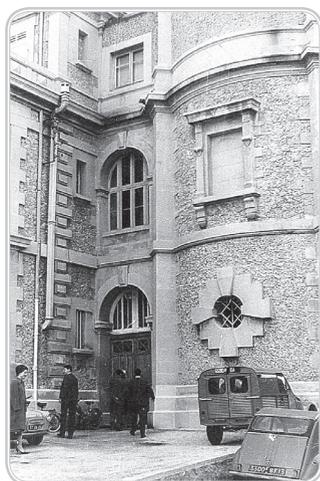
12 марта

То же.

13 марта

Утром появились чайки. К 18 часам открылся африканский берег. Вскоре зажглись огни в Танжере. В десятом часу вечера прошли Гибралтар.

16 марта - 19 марта Марсель.

Марсель. Здание Биологической станции в Андуме. 1965 г.

Марсель. Продажа продуктов моря в Старой Гавани. Март 1965 г.

25 марта – станция у Босфора.

26 марта – приход в Севастополь.

В 1965 г. в СССР начались работы по программе Международного гидрологического десятилетия. Их цель — изучение вод суши, что важно и для океана, так как реки впадают в него. Более ста стран собирались участвовать в этих исследованиях. Так, в феврале 1965 г. в Москве состоялся I съезд ВГБО, на котором

В.Н. Грезе делал доклад. В начале июня 1966 г. в Москве проходил Второй океанографический конгресс под лозунгом «Океан на благо человека». На нем было решено проводить, начиная с 1967 г., пятилетние исследования по Международной биологической программе (МБП) с целью учета биологической продуктивности океана.

С 1967 по 1969 гг. В.Н. Грезе являлся представителем Консультативного комитета Межправительственной океанографической комиссии (МОК) ЮНЕСКО при Индоокеанском биологическом центре (ИОБЦ) от СССР. В феврале 1967 г. он был командирован на 5-ю сессию Консультативного комитета, которая проходила в Дели и Кочине. В соответствии с техническим заданием Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Совете Министров СССР перед ним были поставлены следующие задачи:

1. Ознакомиться с имеющимися коллекциями Международной индоокеанской экспедиции.

2. Поддержать предложения о развитии будущей исследовательской деятельности ИОБЦ и принять участие в обсуждении тематики исследовательских работ ИОБЦ.

3. Настаивать на сохранении международного статуса коллекций проб ИОБЦ и её хранения в Индии.

4. В отношении обзора работ по сортировке планктона и подготовке материалов для их обработки специалистами, рекомендовать методы сортировки проб планктона, которые в наибольшей степени отвечали бы пожеланиям советских специалистов, согласившихся обрабатывать эти пробы.

5. При обсуждении вопроса о научной деятельности сотрудников Центра поддержать предложение о целесообразности ведения самостоятельных научных исследований сотрудниками ИОБЦ – представителями стран Индийского океана и, главным образом, Индии.

6. Предложить прочитать лекцию «Рост и продукционные возможности планктонных животных как основа рыбных богатств океана» перед аудиторией Консультативного комитета при ИОБЦ.

7. Предложить индийским коллегам организовать систематические биологические наблюдения за планктоном на базе ИОБЦ в Кочине в целях изучения его количественных изменений, а также величин и скоростей продукции основных видов зоопланктона прибрежной зоны.

***В.Н. Грезе и И.И. Грезе на Втором океанографическом конгрессе.
Банкет. Москва. Июнь 1966 г.***

Отчёты Владимира Николаевича Грезе о работе на 5, 6, 7-й сессий Консультативного комитета в 1967, 1968 и 1969 гг. приводятся ниже.

ОТЧЁТ

члена Консультативного комитета ЮНЕСКО при
Индоокеанском биологическом центре, доктора биологических
наук В.Н. Грезе о командировке на 5-ю сессию Комитета
(приводится с сокращениями – авт.)

Пятая сессия Консультативного комитета при ИОБЦ проходила с 28 февраля по 4 марта 1967 г. в Дели и 5-10 марта в Кочине (Индия).

Первое заседание Комитета открылось при полном его составе под председательством д-ра Крея (ФРГ). Присутствовали члены комитета Трантер (Австралия), Анраку (Япония), Фле-

мингер (США), Грезе (СССР), Кришнасвами (Индия), директор отделения ЮНЕСКО по южной Азии Евстафьев, куратор ИОБЦ от ЮНЕСКО Бринтон, эксперт ЮНЕСКО Серэн, директор Индийского института океанографии и ИОБЦ Паниккар, представитель индийского совета при ИОБЦ Прасад и ряд других индийских учёных.

На повестку дня были вынесены следующие вопросы:

1. Приветственное слово Председателя.
2. Отчёты Директора и куратора ИОБЦ.
3. Сортировка международной коллекции.
4. Специальный анализ международной коллекции таксономами.
5. Выбор специалистов для обработки коллекции.
6. О подготовке Атласа Индоокеанской экспедиции.
7. Разное.

После вступительной речи председатель предложил членам комитета обсудить только что подписанное соглашение между ЮНЕСКО и Советом научных и технических исследований Индии относительно ИОБЦ.

Работа по 2-му пункту повестки дня началась сообщением куратора ИОБЦ Бринтона об итогах работы за отчётный год. Он сообщил, что была обработана 291 проба планктона, что составило вместе с разобранными ранее 1285 проб. Подлежит разборке 624 пробы стандартной сетью и ряд проб нестандартных. Выполнены определения объёма планктона почти всех проб коллекции. Была начата дальнейшая сортировка некоторых систематических групп – в частности, декапод, полихет, личинок антозоа и рыб.

В организации сортировки личинок рыб была отмечена положительная роль Альстрома (США) и Горбуновой (СССР).

Председатель Индийского национального комитета по морским исследованиям д-р Вадиа в приветственном слове отметил успехи совместной индоокеанской экспедиции, необходимость дальнейшего тесного сотрудничества и указал, что Индия высоко ценит помощь ЮНЕСКО в организации исследований океана и работу Консультативного комитета при ИОБЦ.

*В кулуарах Консультативного комитета при ИОБЦ.
Кочин. Март 1967 г.*

Д-ром Паниккаром был представлен отчет директора ИОБЦ, в котором было указано, что с января 1966 г. ИОБЦ является отделением Национального института океанографии Индии и в результате этой деятельности в последний год было заключено соглашение между Советом по научным и техническим исследованиям Индии и ЮНЕСКО о дальнейшем развитии ИОБЦ.

Предполагается строительство за счет Индийского правительства помещений для лабораторий. Накапливается книжный фонд библиотеки, который нуждается в значительном увеличении. Штат состоит из 5 научных сотрудников, 20 лаборантов-сортировщиков и 10 человек административного и обслуживающего персонала.

При обсуждении отчетов директора и куратора о результатах деятельности ИОБЦ В.Н. Гресе было отмечено, что 1) работа, проделанная сотрудниками ИОБЦ заслуживает высокой оценки; представленные карты уже в современном их виде имеют существенную научную и практическую ценность и нуждаются в опубликовании; 2) работа над сортировкой коллекций и составлением карт является прекрасной школой для сотрудников ИОБЦ, которые должны будут привлекаться к совместной работе со специалистами высокой квалификации, что облегчит в

дальнейшем развитие их самостоятельных исследований; 3) задачей Консультативного комитета является привлечение наиболее квалифицированных сил учёных разных стран для обеспечения наиболее полного научного использования международной коллекции планктона.

Наибольший специальный интерес представляет обработка личинок рыб, которая может дать ещё дополнительные результаты для практического применения. Поэтому можно рассматривать, как успех, принятое по предложению Грезе, решение комитета пригласить проф. Расса (СССР, Москва) быть ответственным специалистом по организации дальнейшего изучения личинок рыб, составить программу их сортировки и распределения между специалистами.

Вечером 3 марта в Дели обсуждалось небольшое сообщение Трантера об исследованиях планктона по 110 меридиану, где возникло много методических вопросов. В дискуссии Грезе рассказал о некоторых применяемых в СССР методах и приборах для сбора планктона.

В Кочине все члены Консультативного комитета прочли по одной лекции по различным вопросам биоокеанологии. Грезе прочитал лекцию «Рост и продукционные возможности планктонных животных как основа рыбных богатств океана», на которой присутствовало около 30 человек штата ИОБЦ, лаборатории биоокеанографии Института океанографии и океанографической лаборатории университета Кералы. В лекции были изложены новые, разработанные в СССР, методы расчета вторичной продукции, результаты применения этих методов и высказаны пожелания о развитии исследований вторичной продукции в водах Индийского океана. Лекция вызвала ряд вопросов и обсуждение.

Заслуживает быть отмеченным значительный интерес, проявленный к симпозиуму учреждениями ВМС США. В списке участников симпозиума было указано 7 человек их сотрудников, в то время как общее количество иностранных гостей было всего 17. Общая обстановка и взаимоотношения членов Консультативного комитета, сотрудников ИОБЦ и Института океанографии была благоприятная и деловая.

Результаты командировки и предложения

1. Участие представителя СССР в Консультативном комитете ЮНЕСКО при ИОБЦ является необходимым в целях оказания влияния на решения, принимаемые комитетом в соответствии с интересами СССР, в целях ограничения влияния США, использования материалов Индоокеанской экспедиции, оказания помощи в развитии национальных исследований Индии в области биологии моря, развития контактов с учёными других стран.

2. Основным положительным итогом следует считать получение возможности, в результате предложения Грезе, представителю СССР профессору Т.С. Рассу руководить изучением и распределением материалов по личинкам рыб Индоокеанской экспедиции. Это позволит с наибольшей полнотой использовать всю полезную информацию для развития отечественного рыбного промысла.

3. Участие советского представителя в Консультативном комитете, установленные личные контакты с руководителями ИОБЦ позволят, при возникновении заинтересованности советских учёных в определённых материалах, обеспечивать их получение.

4. В результате лекции и личных бесед с персоналом ИОБЦ и других биоокеанологических лабораторий индийские учёные были ознакомлены с новыми работами в СССР, что способствовало повышению интереса к советской гидробиологии и укреплению авторитета советской науки в целом.

5. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о командировке проф. Т.С. Рассы в Кочин на срок 2–4 недели для ознакомления с материалами по личинкам рыб, инструктажа и консультаций персонала ИОБЦ по сортировке личинок, составления и согласования плана распределения отдельных групп материала среди специалистов.

6. Путём переписки следует выяснить заинтересованность различных учреждений Советского Союза в обработке материалов Кочинского центра и предоставить соответствующие рекомендации в Консультативный комитет.

7. В связи с заинтересованностью ИОБЦ в различного рода определителях и таблицах и просьбой директора института оке-

анографии д-ра Паниккара следует принять меры к приобретению и посылке в Институт:

- а) Атласа промысловых рыб СССР, 1947 г.
- б) карты Индийского океана (сб. океанологич. исслед.)
- в) копий определительных таблиц по зоопланктону, подготавливаемых Зоологическим институтом АН УССР.

17 марта 1967 г. Доктор биологических наук В.Н.Грезе

По результатам биологических исследований Международной Индоокеанской экспедиции Владимир Николаевич сформулировал предложения по организации международного симпозиума, которые направил в Океанографическую комиссию (МОК) и в Госкомитет по науке и технике (ГКНТ).

Предложения по организации симпозиума по результатам биологических исследований Международной Индоокеанской экспедиции

1. Программа симпозиума

Целесообразно предложить обсуждение трёх основных разделов биологических исследований, выполнявшихся экспедицией.

- процессы первичного продуцирования и фитопланктон Индийского океана;
- зоопланктон как основной элемент вторичной продукции Индийского океана;
- рыбы и рыбные ресурсы Индийского океана.

Эти три вопроса, составляя взаимосвязанное целое, могут быть сформулированы как единая проблема симпозиума: Биологические ресурсы пелагиали Индийского океана.

2. Место и время проведения симпозиума.

Ввиду того, что Индия, в силу своего географического положения, значительности её населения является одной из наиболее заинтересованных в изучении Индийского океана стран, учитывая также значительный вклад Индии в дело его исследования, в организацию и содержание Индоокеанского биологического центра (Эрнакулам), следует считать наиболее желательным проведение симпозиума в Индии, в Дели или другом городе, который может быть предложен индийскими коллегами, в случае согласия их взять на себя хлопоты по организации этого собрания.

Положительный опыт проведения Национального симпозиума по изучению Индийского океана в Дели в марте 1967 г. позволяет надеяться на успех международного симпозиума.

Кроме того, предлагаемое место созыва симпозиума облегчит задачу наиболее широкого участия в нём многочисленных кадров молодых индийских гидробиологов в обсуждении современных проблем исследований Индийского океана с квалифицированными специалистами из-за рубежа.

Наиболее удобным временем надо полагать январь-февраль 1969 г. в связи с наилучшими климатическими условиями этого периода, а также в связи с тем, что в этом случае симпозиум мог быть совмещён с очередной сессией Консультативного комитета ЮНЕСКО при ИОБЦ, обычно проводимой в начале года.

3. Оргвопросы.

Целесообразно приглашение 2-3 лекторов по каждому из трёх разделов этим и других, более частных докладов. Все сообщения в виде тезисов или полных текстов желательно распространить как рабочие документы при работе симпозиума.

Рабочий язык – английский

Доктор биологических наук

26 мая 1967 г.

(В.Н. Грезе)

ОТЧЁТ

члена Консультативного комитета МОК ЮНЕСКО при Индоокеанском биологическом центре, члена-корреспондента АН

УССР В.Н. Грезе о командировке на 6-ю сессию Комитета

(приводится с сокращениями – авт.)

Шестая сессия Консультативного комитета МОК ЮНЕСКО при Индоокеанском биологическом центре (ИОБЦ) проходила с 22 февраля по 2 марта 1968 г. в г. Эрнауламе (Южная Индия).

Повестка дня включала следующие вопросы:

1. Приветственное слово Председателя (проф. Крей, ФРГ).
2. Годовые отчёты Директора и Куратора ИОБЦ о работе за прошедший год.
3. Сортировка и субсортировка международной коллекции.
4. Изучение коллекции специалистами-систематиками.

5. Меры по предотвращению порчи проб коллекции.
6. Ход подготовки Атласа.
7. Выбор специалистов-систематиков для обработки коллекции.
8. Выборы нового председателя Комитета.
9. Прочие вопросы.

В отчётах директора ИОБЦ д-ра Паниккара (Индия) и куратора д-ра Трантера (Австралия) был освещён ход работ по сортировке проб коллекции. Указано, что значительно повысилась квалификация сотрудников Центра, начата организация исследовательской работы в лагунах у Кочина. Была отмечена положительная деятельность советского специалиста проф. Т.С. Расса.

При обсуждении отчётов был затронут ряд организационных и научных сторон деятельности Центра. В частности, В.Н.Грезе дал высокую оценку работы ряда молодых сотрудников и рекомендовал в программу научной работы не только вопросы методики консервации планктона, но и вопросы, связанные с изучением продукционно-биологических процессов, требующих систематических наблюдений в море...

При обсуждении вопроса о распределении материалов коллекции для дальнейшей обработки В.Н. Грезе, учитывая интересы советских специалистов, предложил передать обработку рода *Calocalanus* А.А. Шмелёвой, утвердить предложенное проф. Т.С. Рассом распределение личинок и икры рыб, где были предусмотрены интересы советских ихтиологов. Предложения эти были приняты...

В целях ознакомления индийских океанографов с достижениями советских учёных, Грезе передал в библиотеку ИОБЦ четыре последних выпуска работ Института биологии южных морей.

Участие советского представителя в работе сессии Комитета способствовало укреплению престижа отечественной биоокеанографии, обеспечению интересов советских специалистов в использовании материалов Международной Индоокеанской экспедиции, в известной мере ограничивало влияние американских представителей.

Основные результаты и практические предложения

1. Результаты поездки показали, что участие советского представителя в работе Комитета является целесообразным в связи с изложенными выше соображениями, а потому может быть рекомендовано на будущее.

2. Прочитана лекция для сотрудников ИОБЦ и Отдела биологической океанографии Института океанографии о трофической структуре планктонного сообщества.

3. Оказана консультация по вопросам изучения процессов вторичного биологического продуцирования, показавшая индийским гидробиологам высокий уровень советских исследований.

4. Поддержано предложение д-ра Паниккара о продлении полномочий более приемлемого для советской стороны председателя Консультативного комитета проф. Крея.

5. Принято участие в разработке мер по предохранению от дальнейшей порчи планктонной коллекции и разрушения оптической части микроскопов и бинокляров, что является необходимым для дальнейшего использования в научном отношении Международной коллекции.

6. В связи с заключенным недавно советско-индийским соглашением о научном сотрудничестве, в том числе, по океанографии, при детализации его программы целесообразно предложить проведение унифицированных параллельных исследований процессов биологической продукции в Черном море и солонатоводных лагунах у Кочина. Сопоставление результатов таких исследований могло бы дать важные материалы для понимания относительной скорости биологического воспроизводства в морях разных широт.

7. При разработке программы совместных исследований целесообразно предусмотреть участие молодых специалистов ИОБЦ в экспедициях на борту советских исследовательских судов.

8. В связи с перспективами советско-индийского сотрудничества в исследовании биологии Индийского океана целесообразно укрепление Института биологии южных морей предоставлением ему судна, пригодного для работы в океане.

9. Целесообразно подготовить для публикации в Бюллетене Межправительственной океанографической комиссии отчета проф. Т.С. Расса о его работе в ИОБЦ в январе-феврале 1968 г.

10. Представителю СССР к следующему заседанию Консультативного комитета обсудить с представительством ЮНЕСКО вопрос о возможной кандидатуре председателя Консультативного комитета после ухода проф. Крея.

Член Консультативного комитета,
член-корреспондент АН УССР, д. б. н.

В.Н. Грезе

**В.Н. Грезе на заседании Консультативного комитета
при ИОБЦ, Кочин. 1968 г.**

ОТЧЁТ

члена Консультативного комитета МОК ЮНЕСКО при
Индоокеанском биологическом центре члена-корреспондента
АН УССР В.Н. Грезе о командировке на 7-ю сессию Комитета
(приводится с сокращениями)

Седьмая сессия Консультативного комитета начала работу 24 февраля под председательством д-ра Крея (ФРГ). В работе принимали участие члены Комитета Анраку (Япония), Грезе (СССР), Кимор (Израиль), Кришнасвами (Индия), Смит (Англия), секретарь Комитета Паниккар (Индия), представители

ЮНЕСКО Остведт и Бутаев, куратор ИОБЦ Трантер. На некоторых заседаниях присутствовали сотрудники Института океанографии Индии. В качестве наблюдателя присутствовал д-р Хемфри – начальник Отдела рыболовства и океанографии Всемирной организации научных и технических исследований.

Работа Комитета 24-28 февраля проходила в Кочине, а с 1 марта – в Педжиме (Гоа), где Институт океанографии имеет отделение и намечает большое строительство. Заседания открылись вступительным словом председателя и приветствием директора Института океанографии Индии, секретаря комитета Паниккара.

Повестка дня, предложенная председателем, была следующая:

1. Отчёт директора ИОБЦ Паниккара.
2. Отчёт куратора ИОБЦ Трантера.
3. Ход сортировки международной коллекции планктона.
4. Исследование международной коллекции специалистами.
5. Исследовательская деятельность в Индийском океане, связанная с интересами ИОБЦ.
6. Перспективы дальнейшего развития ИОБЦ.
7. Выборы председателя Комитета.
8. Лекции и семинары.

По предложению представителя ЮНЕСКО Остведта в повестку дня был включён пункт о Сингапурском биологическом центре.

Принимая участие в обсуждении доклада куратора и директора, Грезе отметил важность данных, содержащихся в опубликованном Атласе, отметил инициативную работу куратора и, в частности, его деятельность по поощрению исследовательской, особенно методической, работы молодых индийских сотрудников.

При обсуждении п. 3 повестки дня и возможностей ускорения сортировки таксономических групп Грезе предложил, исходя из заинтересованности специалистов в скорейшем получении более удовлетворяющих их материалов по личинкам рыб, рассмотреть возможность приезда в Кочин для работы на 2–3 месяца двух специалистов из Института океанологии АН СССР, где проф. Расс является координатором обработки международной коллекции этой группы.

Предложение Грезе было положительно оценено и внесено затем в число рекомендаций Консультативного комитета, который считает целесообразным прибытие в Кочин советских ихтиологов.

При обсуждении хода сортировки копепод Грезе высказался за упрощение программы её, предложенной в прошлом году Флеммингером, которая, в силу своей большой подробности (до отдельных родов), должна будет требовать продолжительного времени и труда и очень увеличит срок поступления материалов для обработки к специалистам. Комитетом была принята рекомендация поручить члену Комитета Кришнасвами обсудить путём переписки с Флеммингером возможности такого упрощения программы сортировки группы копепод.

Исходя из заинтересованности советских морских биологов в базе для исследований в тропических водах мирового океана и, учитывая благоприятные условия Кочина, Грезе консультировался с представителем ЮНЕСКО Бутаевым (СССР) о предположении в будущем сохранить международный характер ИОБЦ, обеспечивающий возможности приезда и работы в нём специалистов разных стран, в том числе и Советского Союза. Бутаев, как представитель ЮНЕСКО, внёс такое предложение в качестве предварительного, подлежащего обсуждению между ЮНЕСКО и Индийским правительством. В связи со сложностью вопроса и необходимостью его предварительного изучения Комитет воздержался от каких-либо рекомендаций, но Бутаев в частной беседе обещал продолжить консультации по этому поводу.

По вопросу о Сингапурском биологическом центре Комитету была представлена информация представителя ЮНЕСКО Остведта о том, что ЮНЕСКО заключает договор с правительством Сингапура о создании при Сингапурском университете Регионального морского биологического центра для юго-восточной Азии (СРМБЦ), аналогичного ИОБЦ и имеющего главным пунктом программы обработку международных коллекций планктона в районе Курисио.

Непосредственные задачи СРМБЦ состоят в создании Международной справочной биологической коллекции для региона, в сортировке коллекции зоопланктона, собираемой по программе совместного изучения Куроиси, распределении материалов для обработки специалистами в международном масштабе и в представлении возможностей работы приезжим специалистам и тренировки молодых специалистов.

В прилагаемом документе МОК о программе работ СРМБЦ имеется список специалистов по планктону из пяти стран Юго-восточной Азии – Японии, Кореи, КНР, Филиппин и Сингапура, а также США (более 50 человек), которые могут принимать участие в работе. Однако, представительство СССР отсутствует, что не соответствует заинтересованности нашей страны в изучении дальневосточных морей и, в частности, системы Куроиси, имеющей для жизни этого региона гораздо большее значение, чем для США.

При обсуждении вопроса о СРМБЦ Остведтом было высказано предложение использовать для кураторства ЮНЕСКО над этим Центром ту же группу экспертов, которая создана и при ИОБЦ. Это предложение было принято, так же, как и ряд предложений по тесному сотрудничеству и обмену опытом работы между ИОБЦ и СРМБЦ.

По последнему пункту повестки дня – выборам председателя Консультативного комитета – Креем было внесено предложение, в связи с истечением срока его работы, избрать председателем проф. Смита – директора Плимутской биологической станции (Англия). В связи с тем, что проф. Смит является известным специалистом, а также учитывая его лояльное отношение к СССР, насколько это можно было установить в результате личного общения в ходе Семинара и сессии Комитета, Грезе голосовал за избрание Смита председателем. Избрание было единогласным.

В конце сессии директором ИОБЦ Паниккаром от имени Института была высказана благодарность и вручены сувениры выходящим в текущем году из состава Консультативного комитета Председателю Крею и членам – Анраку, Грезе и Кришнасвами.

В ходе сессии Комитета члены его ознакомились с работой Индо-норвежской рыболовной компании и подразделений Института рыбного хозяйства. Было получено большое число книг и документов, из которых следует отметить документацию по технологии рыбных продуктов, Атласы планктона Индийского океана, библиографию по рыбам Индийского океана, представляющих практический интерес для Минрыбхоза СССР и его исследовательских учреждений.

Был получен также выпуск Бюллетеня Национального института океанографии, где было опубликовано резюме прочитанной в прошлом году лекции Грезе на 6-й сессии Консультативного комитета.

В ходе заседаний Комитета была сделана информация о предстоящих симпозиумах: в Кочине в январе 1971 г. по Индийскому океану и прилегающим морям, их происхождению, изучению и ресурсам, созываемом по инициативе Морской биологической ассоциации Индии, и в Киле (Германия) в начале 1972 г. по биологии Индийского океана.

Выводы и предложения

1. Симпозиум по методике планктонных исследований в Кочине показал значительную творческую инициативу молодых индийских гидробиологов и заинтересованность в овладении современными методами исследования. Симпозиум прошёл с пользой для индийской научной молодёжи, а участие в нём членов Консультативного комитета, в том числе представителя СССР, было высоко оценено участниками семинара и руководством Национального института океанографии Индии. Таким образом, мероприятие способствовало укреплению авторитета советской гидробиологии среди индийских коллег.

2. Участие советского представителя в работе 7-й сессии Консультативного комитета при ИОБЦ было целесообразно в силу того, что:

а) привело к решению о приглашении в ИОБЦ двух советских специалистов ихтиологов для работы с коллекциями, что обеспечивает максимально выгодные для советской стороны воз-

возможности в использовании этих материалов для организации рыбного промысла в Индийском океане;

б) позволило получить материалы по технологии рыбных продуктов, атласы распределения зоопланктона в Индийском океане, библиографию по рыбам Индийского океана и другие материалы и публикации, представляющие значительный интерес для Министерства рыбного хозяйства и его исследовательских учреждений;

в) позволило получить ряд сведений о перспективах развития международных исследований в Индийском океане и прилегающих водах и, в частности, о повышении активности американских биологов в этом регионе и в области Курошио;

г) способствовало общему укреплению авторитета советской науки в Индии.

3. В связи с заинтересованностью СССР в исследовании системы Курошио целесообразно обсудить на Научном Совете по проблеме «Изучение океанов и морей и использование их ресурсов» возможность участия СССР в этих международных исследованиях и в работах Регионального морского биологического центра в Сингапуре, где должны сосредотачиваться материалы по планктону района Курошио. При положительном решении вопроса войти с предложением от СССР в МОК об участии в международном сотрудничестве. Такое его решение более желательно, ибо при отсутствии СССР доминирующее положение в изучении проблемы Курошио займет, наряду с Японией, США и будут располагать большей информацией о ней, чем Советский Союз.

4. В связи с окончанием трёхлетнего срока представительства Грезе в Консультативном комитете при ИОБЦ следует рассмотреть вопрос о другой кандидатуре советского представителя в Комитете. При использовании Комитета для кураторства не только над ИОБЦ, но и Сингапурским центром наличие советского члена Комитета ещё более желательно, чем раньше.

5. Материалы по технологии рыбных продуктов и отчёт о деятельности Индо-норвежской рыбопромышленной компании (№№ 13, 14 и 20 списка Приложения № 1) по поступлении их из Советского посольства в Индии в ГКНТ СМ СССР, также как и

прилагаемый к отчёту Атлас планктона Индоокеанской экспедиции (т.1, в.1 и в.2), передать в Министерство рыбного хозяйства СССР для направления во ВНИРО и другие заинтересованные учреждения.

Член-корр. АН УССР,
Доктор биологич. наук
11 марта 1969 г.

В.Н. Грезе

Высокий профессионализм и хорошее владение английским языком позволило Владимиру Николаевичу глубоко вникать в актуальные вопросы и свободно чувствовать себя в любой международной дискуссии. Участвуя в работе комитета, он неоднократно вносил предложения, которые были одобрены научным сообществом и применялись на практике, что послужило усилению международной роли Советского Союза в изучении Индийского океана.

Исследования планктонных сообществ в 60-е годы помимо общетеоретического значения, были актуальны в связи с решением вопросов рациональной эксплуатации и управления биологическими ресурсами океана. Количественные исследования проводились в Институте биологии южных морей АН УССР в Севастополе, в Институте океанологии АН СССР, во Всесоюзном научно-исследовательском институте рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) и других рыбохозяйственных институтах также благодаря наличию флота научно-исследовательских судов. Стало возможным определение общих запасов и годовой продукции планктона и других групп гидробионтов. Изучение функций зоопланктона в экосистемах, продуктивности водоёмов, количественных закономерностей трофических взаимоотношений в морских сообществах стало научным приоритетом В.Н. Грезе, развивавшего комплексное биопродукционное направление исследований планктонных сообществ разных районов Мирового океана.

Фрагменты годовых отчётов за период 1968 – 1987 гг. дают представление об основных направлениях и результатах исследований Владимира Николаевича и возглавляемого им коллектива отдела планктона ИнБЮМ.

1968

Продолжались исследования в области изучения закономерностей образования и распределения вторичной биологической продукции черноморского зоопланктона. Разработанный метод её расчёта позволил проанализировать материалы, накопленные в отделе планктона, начиная с 1960 г., и рассчитать величины продукции основных элементов черноморского зоопланктона. Установлено, что в неритической области Черного моря в районе Севастополя популяции планктонных ракообразных образуют в течение года около 1,5 г биомассы в 1 м³ верхнего 50-метрового слоя. Определены коэффициенты продукции популяций 6 видов копепод и их сезонные и многолетние колебания, намечена зависимость этих коэффициентов от температурных условий. Средний многолетний коэффициент Р/В для копепод составил 34. Были также определены годовые коэффициенты Р/В для популяций четырёх видов бокоплавов черноморского бентоса, которые колеблются от 3–4 до 10–15 в зависимости от вида.

Результаты сравнительных исследований биологической структуры и продуктивности различных трофических уровней в системе южных морей – Черном, Средиземном и тропической Атлантике – были доложены на Международном симпозиуме по трофодинамике моря в июле 1968 г. в Дании. Для коллективной монографии «Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики» написаны обобщающие разделы по биологической структуре тропической Атлантики.

1969

Проводились исследования трофической структуры и биологической продуктивности тропической Атлантики с учётом как растительного и животного планктона, так рыб и бактерий. Была определена продукция отдельных элементов трофической системы биоценоза. Их соотношения показали, что на некоторых уровнях происходит весьма эффективное использование энергии пищи. В частности, планктонные хищники потребляют на пластический обмен до 25% общей продукции жертв. Определена общая эффективность утилизации энергии в биологи-

ческой системе открытого моря от планктонных водорослей до рыб, составляющая 0,25–0,025%.

Был исследован вопрос о влиянии возрастной структуры популяций различных черноморских copepod на их продуктивность. Установлено, что наиболее высоким показателем удельной продукции – около 15% в сутки – отличается популяция *Pseudocalanus*, имеющая минимальный по сравнению с другими видами процент взрослых особей и наибольшую их плодовитость. Самые низкие показатели удельной продукции – около 6% – оказались у вида, где высокий процент взрослых особей сочетался с их малой плодовитостью. Результаты исследований представлены на Всесоюзную конференцию по тропической зоне Мирового океана и в Оргкомитет II съезда Всесоюзного гидробиологического общества.

По теме «Темпы воспроизводства кормовой базы планктоноядных рыб Черного моря» выполнены три сезонных разреза в Черном море и проведены систематические наблюдения в районе Севастополя по выяснению возрастного состава популяций основных видов кормовых организмов для рыб. Исследовались также скорости развития и роста некоторых видов зоопланктона. Совокупность полученных материалов позволит дать вполне определённый ответ на основной программный вопрос – как скоро идёт возобновление кормовых ресурсов основных промысловых рыб Черного моря.

По теме «Продуктивность биологических систем в южных морях» велись комплексные исследования в отделах планктона, бентоса, физиологии водных животных и ихтиологии, направленные на выяснение различных сторон продукционного процесса в разных звеньях биоценотической системы моря.

По теме «Исследования биологической продуктивности в тропической Атлантике» велась разработка раздела по суточным миграциям зоопланктона в прикубинских водах. Закончено редактирование подготавливаемой к печати коллективной монографии «Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики».

1970

Подготовлена и сдана в печать коллективная монография сотрудников отдела планктона «Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики», в которой обобщены итоги биологических исследований этого региона по международной программе ЭКВАЛАНТ, показаны районы более высокой продукции в системе экваториальных течений у Западной Африки и у американского побережья.

Продолжались исследования по теме «Темп воспроизводства кормовой базы планктоноядных рыб Черного моря», выполнявшейся по постановлению ГКНТ при СМ СССР. Совместно с сотрудниками отдела подготовлен окончательный отчёт о результатах исследований. Показано, что за счёт зоопланктона создаётся не менее 90% рыбной продукции Черного моря. Основные компоненты этих кормовых ресурсов рыб в результате роста и размножения в среднем воспроизводят в сутки около 10% биомассы. В результате данного процесса годовой коэффициент удельной продукции кормового зоопланктона достигает в Черном море 35. На этой основе впервые определены абсолютные величины его годовой продукции, составляющие 215 г/м^2 , что в расчёте на всю площадь Черного моря составляет 90,5 млн. т. Эти данные послужат основанием для расчётов потенциальной рыбопродуктивности Черного моря и оценки рыбопромысловых возможностей других районов южных морей.

Осуществлялось руководство работами и составлением окончательного отчёта по теме «Продуктивность биологических систем в южных морях», в которой в течение 5 лет участвовал ряд отделов Института. На основе собственных исследований написана глава по сезонной динамике численности зоопланктона в Черном море.

1971

Приступили к выполнению исследований по теме «Биоценотические основы продукционных процессов в море». Проведены необходимые сборы материала для выяснения трофической и размерной структуры планктонного сообщества в Черном море у Севастополя в разные сезоны года. Сборы велись параллельно

различными приборами, позволяющими количественно точно учесть все категории планктона. Завершена обработка зоологической части материалов в количестве 110 проб.

По теме «Изучение первичной и вторичной продуктивности в пелагиали циркуляционной системы южной Атлантики» выполнены предварительные исследования и сбор литературы. Выполнение основной программы, намечавшейся на 27-й биологический рейс НИС «Михаил Ломоносов», откладывается в связи с затянувшимся ремонтом судна и предстоящим ещё 26-м рейсом.

Участвовал в разработке четырёх комплексных тем, одной специальной «Биолюминесценция в пелагиали Атлантического океана и морях Средиземноморского бассейна» и одной хозяйственной темы «Защита 104». В апреле выступал с докладом на II Всесоюзном съезде ВГБО в Кишинёве.

Был отредактирован и подготовлен к печати сборник «Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии» по итогам пятилетних исследований Института, в который вошли написанные мною введение и три статьи. Отредактирован сборник статей из серии «Биология моря». Как член редакционного совета принимал участие в редактировании 3-х других монографий и сборников.

*В.Н. Гресе на заседании II съезда ВГБО (на переднем плане).
Кишинёв. 1971 г.*

Кроме того, в 1971 году написано 9 научных статей (2 в соавторстве) объёмом более 5 п.л., в том числе одна для зарубежного издания. Вышло из печати 13 работ (3 в соавторстве) объёмом 8,5 п.л., в том числе коллективная монография «Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики» (17,5 п.л.), из которых мною написаны 2 главы объёмом 3,5 п.л.

В сентябре проведены юбилейные мероприятия всесоюзного уровня в связи со 100-летием СБС - ИнБЮМ, подготовка к которым отняла много душевных и физических сил. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1971 г. за заслуги в развитии биологической науки Институт биологии южных морей имени А.О. Ковалевского Академии наук Украинской ССР был награждён орденом Трудового Красного Знамени. А перед зданием института состоялось торжественное открытие памятников инициатору создания Севастопольской биостанции Н.Н. Миклухо-Маклаю и первому её директору А.О. Ковалевскому.

В 1971 г. ИнБЮМ был представлен на ВДНХ СССР с разработкой количественного экологического метода изучения моря, в частности, тема проведения расчётов и прогнозирования возможного вылова промысловых видов рыб по состоянию их кормовой базы, руководимая В.Н. Грезе, была отмечена Дипломом Почёта ВДНХ СССР.

1972

Продолжались исследования вторичной продукции морских беспозвоночных животных на основе накопленного материала.

Работа по теме «Изучение биологической продуктивности циркуляционной системы южной Атлантики» практически не осуществлялась в связи с отсрочками намеченного на начало года биологического рейса НИС «Михаил Ломоносов». Работа в этом направлении заключалась лишь в составлении программ комплексных исследований ряда специализированных отрядов биологов, их координации с программами отрядов от Морского гидрофизического института (МГИ) АН УССР и изучении литературы по биологии южных регионов Атлантики. Был подготовлен экспедиционный состав из 40 человек биологов, химиков, оптиков и других сотрудников к выходу в рейс, назначенному

на 10 декабря 1972 г. Для издательства ВИНТИ подготовлен и сдан в печать обзор для сборника «Итоги науки». В специальной работе были также рассмотрены основные результаты исследований вторичной продукции в южных морях.

Сдано в печать 4 работы, две опубликованы. Выполнено редактирование двух изданий Института, опубликовано 2 издания.

1973

Продолжались исследования по теме «Изучение первичной и вторичной продуктивности в пелагиали циркуляционной системы южной Атлантики». После успешного окончания в апреле 1973 г. 27-го рейса НИС «Михаил Ломоносов», выполнявшего программу исследований по указанной теме, проведён анализ предварительных данных, полученных в экспедиции, где участвовало 40 специалистов-биологов и 25 гидрологов, химиков и других специалистов. Проведено редактирование информационного сборника по итогам рейса (объёмом 13 п.л.) и написана вводная статья (в соавторстве с начальником рейса).

По исследованию размерной структуры планктонного биоценоза в Чёрном море подготовлена к печати работа.

Для международной сводки по морской экологии, издаваемой за рубежом, сдан обзор по трансформации органического вещества на популяционном уровне в море. Всего сдано в печать 4 работы. Написана половина главы «История морской биологии на Украине».

Проведено научное редактирование четырёх сборников статей. Вышли из печати 6 работ объёмом около 5 п.л. Руководил работой двух аспирантов.

Примечательным и важным событием 1973 г. была приёмка от строителей радиобиологического корпуса ИнБЮМ в канун нового года 31 декабря.

1974

Продолжался анализ материалов по теме «Изучение первичной и вторичной продуктивности в пелагиали циркуляционной системы южной Атлантики», полученных в 27-м рейсе НИС «Михаил Ломоносов». Результаты были представлены на пле-

нуме научного совета по проблеме «Гидробиология, ихтиология и использование биологических ресурсов водоёмов» в Москве.

Было выполнено редактирование материалов окончательного отчёта по теме «Разработать методы оценки влияния планктонных организмов на световое и акустическое поля в важных для мореплавания районах».

По поручению АН УССР написана глава по истории морской биологии для готовящегося Академией двухтомного издания «История биологии на Украине». Написаны два раздела для монографии «Основы биологической продуктивности Чёрного моря», которая включена в план работы Координационного центра СЭВ по проблеме «Изучение химических, физических, биологических и других процессов в важнейших районах Мирового океана». Сдана статья в журнал «Биология моря». Всего написано около 3 п.л. Из печати вышло 3 работы.

Было представлено 6 научных докладов на различных заседаниях, в том числе Президиума АН УССР, Всесоюзном семинаре по моделированию морских экосистем, Всесоюзной конференции по итогам Международной биологической программы, на Учёном совете ИнБИОМ и др.

Отредактированы первые два выпуска серии «Биологические основы морской аквакультуры», монография А.А. Калугиной-Гутник «Фитобентос Чёрного моря», просмотрены и внесены исправления в диссертацию закончившей аспирантуру Ю.А. Загородней.

1975

Закончено обобщение материалов по теме «Изучение первичной и вторичной продуктивности в пелагиали циркуляционной системы южной Атлантики», где анализировались особенности биологической структуры и продукционных процессов в разных частях макроциркуляции. Было выявлено своеобразие центральных её областей, где значительно большее относительное значение в круговороте органического вещества имеют бактерио- и микропланктонные элементы пелагического биоценоза и более интенсивно используются резервы растворённой органики. Это свидетельствует о больших продукционных возможностях обла-

стей открытых океанических вод, чем можно было предполагать на основе прежних представлений. Были представлены в печать три статьи по вопросам биологической продуктивности планктона, а также об истории и результатах работ ИнБЮМ. Написан раздел монографии «Основы биологической продуктивности Чёрного моря» по плану координационного центра СЭВ по проблеме «Изучение химических, физических, биологических и других процессов в важнейших районах Мирового океана». Принимал участие с докладом в работе Всесоюзной конференции по биологии шельфа во Владивостоке и Международного симпозиума «Взаимодействие воды и живого вещества» в Одессе.

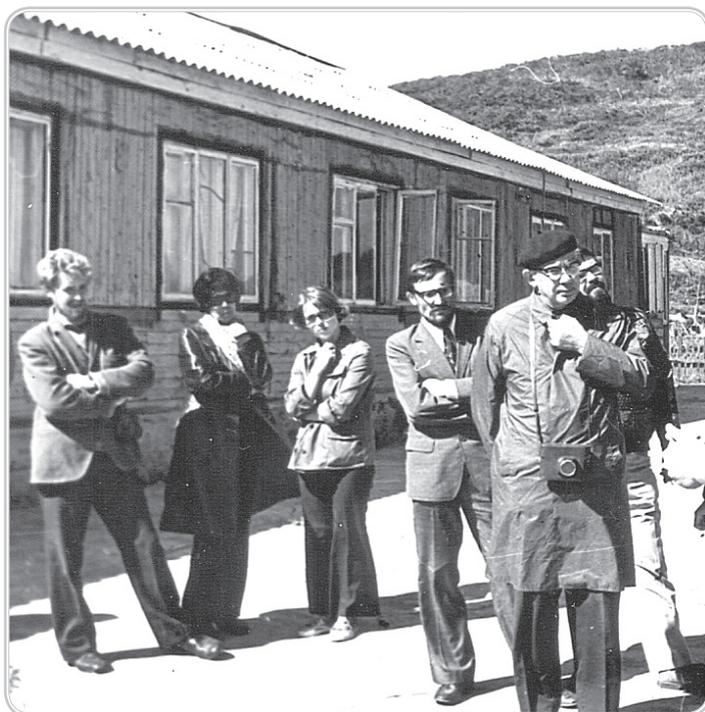
Вышло из печати 3 работы. Были отредактированы 39-й вып. серии «Биология моря», вып. 3 серии «Биологические основы морской аквакультуры», а также ряд статей сотрудников отдела планктона для периодической печати.

*Конференция по биологии шельфа. Институт биологии моря
ДВНЦ АН СССР. Владивосток. 25-27 сентября 1975 г.*

В.Н. Гресе и О.А. Скралато. Владивосток. 1975 г.

*На базе Института биологии моря АН СССР.
Пролив Старка, о. Попова. 29 сентября 1975 г.*

**Награждение В.Н. Грезе Орденом
Трудового Красного Знамени.
19.12.1975 г.**

1976

В качестве руководителя новой темы «Изучение биологической структуры и продуктивности пелагиали южных морей» занимался составлением программы исследований в Чёрном, Средиземном морях и Южной Атлантике. Совместно с Морским гидрофизическим институтом АН УССР в первом полугодии по соответствующей программе проведена комплексная экспедиция в юго-западный район Атлантики на НИС «Михаил Ломоносов». Занимался анализом материалов, полученных в этом рейсе.

Написан раздел по зоопланктону в монографию «Основы биологической продуктивности

Чёрного моря», в соответствии с планом Координационного центра СЭВ по проблеме «Изучение химических, физических, биологических и других процессов в важнейших районах Мирового океана». В этой же монографии редактировал три раздела, написанные другими авторами, как редактор книги.

Кроме того, выполнял редактирование сборника статей по итогам работы ИнБЮМ в 1971–1975 гг. Как председатель Бассейновой секции научного совета по проблеме «Изучение океанов и морей и использование их ресурсов» ГКНТ при СМ СССР, сформировал и отредактировал сборник статей по итогам работы научных учреждений Азово-Черноморского бассейна за IX пятилетку.

Сданы в печать три работы, вышли из печати – три, а также два ранее редактировавшихся издания: по экспедиционным исследованиям в Средиземном море и по аквакультуре. Редактировал ряд работ сотрудников отдела. Принимал участие как член

редколлегий в работе «Гидробиологического журнала» и «Биология моря» (Владивосток).

Принимал участие с докладом в работе III Всесоюзного съезда Гидробиологического общества в Риге.

1977

Руководил и участвовал в выполнении хоздоговорной темы по заданию «Гипроводхоза» по разработке схемы охраны природного комплекса и рационального использования ресурсов Чёрного моря.

Принимал участие в отчётных и выборных заседаниях Академии наук УССР и Пленуме Научного совета по гидробиологии и ихтиологии АН УССР. Рецензировал рабочие планы Института гидробиологии АН УССР по поручению Отделения общей биологии АН УССР.

Знаменательным событием года стала встреча нового научно-исследовательского судна «Профессор Водяницкий», построенного на верфях Финляндии, состоявшаяся 4 апреля 1977 г. Руководил получением и доставкой судна Н.К. Ханайченко.

Написан раздел и отредактировано 30 п.л. монографии «Основы биологической продуктивности Чёрного моря», составлявшейся в соответствии с планом Координационного центра стран членов СЭВ по проблеме изучения Мирового океана. В монографии приводятся обобщённые с продукционной точки зрения данные по гидрологии, химии и биологическим элементам экосистемы моря. Наряду с сотрудниками ИнБЮМ, в её написании участвовали учёные ряда других советских институтов, а также Румынии и Болгарии.

Написаны 5 других научных работ, в том числе обзоры по истории гидробиологии в Академии наук УССР, по истории морской гидробиологии в СССР, по исследованиям Чёрного моря. Вышли из печати 4 работы, а также два ранее редактировавшихся мною сборника. Отредактирован и сдан в печать сборник «Биология моря» № 47, составленный в основном работами сотрудников отдела планктона.

Проведена обработка серии материалов по зоопланктону Карибского бассейна для предстоящей публикации.

*Встреча нового судна «Профессор Водяницкий» 4.04.1977г.
В.Н. Грезе (слева) пожимает руку Н.К. Ханайченко, руководившему
перегоном судна из Финляндии*

Принимал участие в организации и планировании исследований в экспедициях на НИС «Профессор Водяницкий» (2 рейс) и НИС «Михаил Ломоносов» (32 рейс) в южную Атлантику, Средиземное и Чёрное моря в рамках изучения биологической структуры и продуктивности пелагиали южных морей.

1978

Осуществлял руководство исследованиями по теме «Биологическая структура и продуктивность пелагиали южных морей», в которой занята большая часть сотрудников отдела, а также работ по двум плановым и пяти хозяйственным темам, выполняемым совместно с другими отделами Института.

Разрабатывал программу работ 5-го рейса НИС «Профессор Водяницкий» в южную Атлантику по изучению структуры и продуктивности пелагиали южных морей.

Завершил обобщение результатов изучения зоопланктона Карибского моря по материалам 3-го рейса НИС «Академик Вернадский».

Продолжалось изучение функциональной схемы экосистемы Чёрного моря. Представил доклад на эту тему на пленуме Басейновой секции Научного Совета по изучению морей и океанов ГКНТ при СМ СССР.

Занимался подготовкой Всесоюзного совещания по методам сбора и количественного учёта морского планктона, которое состоялось в Севастополе в октябре согласно плану работы ВГБО, где представил обзорный доклад по методическим проблемам планктонологии. Сдано в печать три статьи общим объёмом 2 п.л. Вышло из печати три, объёмом 1,7 п.л., в том числе одна за рубежом, и отредактированный сборник «Биология моря» № 47.

1979

Продолжал изучение общего строения и функционирования экосистемы Чёрного моря, по результатам была подготовлена и сдана в печать работа по трансформации энергии в его экосистеме. Проводилось обобщение материалов по зоопланктону и продуктивности Средиземного моря, подобрана библиография – более 1000 названий – к работе над планируемой монографией «Пелагическая экосистема Средиземного моря» и написаны вводные разделы.

Организовывал работу по выполнению трёх бюджетных и шести хоздоговорных тем отдела планктона, разрабатывал программу исследований на следующую пятилетку 1981–1985 гг.

Сданы в печать три работы общим объёмом 3,2 п.л., опубликовано 4 работы (3,6 п.л.), в том числе брошюра «Биология моря», изданная обществом «Знание» в Киеве. Руководил работой трёх аспирантов. Подготовил к печати материалы Всесоюзного совещания по методам сбора и количественного учёта планктона, проходившего в ИнБЮМ в 1978 г. Отредактировано 25 работ для публикации в сборниках «Экология моря» и других изданиях.

1980

Занимался подведением итогов выполнения темы «Биологическая структура и продуктивность пелагиали южных морей». По материалам темы подготовлен к печати сборник статей «Экология моря» (10 п.л.). Участвовал в написании и редактировал коллективную монографию «Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота» (20 п.л.). Для Морского гидрофизического института АН УССР подготовлена сводка по результатам работ по программе МОКАРИБ в бассей-

не Карибского моря. Кроме руководства бюджетной тематикой, руководил выполнением 6 хоздоговорных тем на общую сумму около 115 тыс. руб. в год. Общий объём научного редактирования более 30 п.л. Вышло из печати 4 публикации объёмом 3,5 п.л., подготовлено для печати 5. Рецензировал две кандидатские диссертации, одну монографию и несколько статей для журналов «Океанология» и «Биология моря» (Владивосток). Разрабатывал программу исследований будущей пятилетней темы «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна». Её задачей является разработка продукционной типологии подводных возвышенностей, лежащих за пределами экономических зон и рассматриваемых как потенциальные районы промысла.

1981

В течение года работал над обобщением многолетних материалов ИнБЮМ и отдела планктона по изучению биологической структуры и функционирования пелагической экосистемы Южной Атлантики. Расчёты величин деструкции у всех элементов сообщества и сопоставление их с величинами фотоавтотрофной продукции привели к выводу об очень значительном дефиците последней. Её недостаточность для обеспечения энергией гетеротрофных организмов пелагиали указывает на необходимость проверки стандартных методов определения первичной продукции или, при подтверждении их адекватности, поисков возможных путей хемосинтетического создания органики в океане. Материалы доложены на IV съезде Всесоюзного гидробиологического общества и подготовлены для публикации.

Подготовлена к печати коллективная монография «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна» (20 п.л.). Написана глава монографии «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система», собран литературный материал для других разделов. Вёл планирование и подготовку программы рейса НИС «Профессор Водяницкий» в Атлантический океан, выполняющего первые этапы исследования по пятилетней программе «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна».

**Оргкомитет IV съезда ВГБО, с Г.Г. Винбергом.
Киев, гостиница «Днепр». 30 ноября 1981 г.**

Руководил работой отдела планктона, выполнявшего 2 госбюджетных темы и 3 хоздоговорных на сумму 138 тыс. руб., по внедрению результатов которых экономический эффект составил 369 тыс. руб.

Участвовал в работе Бассейновой секции «Южных морей и Индийского океана» при ГКНТ, Отделения океанологии и географии АН УССР. На IV съезде Всесоюзного гидробиологического общества был избран его почётным членом.

**Учёный совет. Защита докторской диссертации И.В. Ивлевой.
Севастополь. 26 июня 1981 г.**

1982

Проводились исследования величины коэффициента использования усвоенной пищи на рост (K_2) у копепод. При сопоставлении реальных величин продукции в популяциях ряда видов, измеряемых по численности разных стадий развития и скорости роста с модельными расчётами продукции физиологическим методом, было показано, что величины K_2 в действительности оказываются в 2–3 раза ниже, чем принимается обычно при подобных расчётах. Это указывает на более высокие скорости рассеяния энергии в зоопланктонном сообществе и соответствует ранее выявленному недостатку измеряемой величины первичной продукции в океане.

По теме «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна» разработаны программы и анализировались результаты исследований в двух рейсах НИС «Профессор Водяницкий» в Атлантику, где были выполнены комплексные исследования на 9 полигонах в районах поднятий дна на разных широтах с разной гидрологической обстановкой и различных по геоморфологии. Выявлены соответствующие изменения в биологической структуре районов поднятий, приводящие в ряде случаев к повышению продуктивности.

Отдел планктона участвовал в трёх госбюджетных темах и выполнял 4 хоздоговорные темы на сумму 261 тыс. руб. Экономический эффект от внедрения исследований отдела планктона документально подтверждён и составил 1 млн. руб.

Написана глава для монографии «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система» и составлен очерк по Азовскому морю для издания «Природа Украины», том 3 «Моря и внутренние водоёмы».

Для выпуска 4, т. 26 «Фауны Украины» выполнены рисунки около 40 видов амфипод Чёрного и Азовского морей, оставшиеся незавершёнными автором И.И. Грезе. Подготовлена справка об Институте биологии южных морей для «Морской энциклопедии».

1983

Продолжал работу над монографией «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система», закончил очерк природы Азовского моря для «Природы Украины». Закончил ряд рисунков и подготовил к печати около 70 таблиц иллюстраций к очередному выпуску «Фауна Украины» – морские амфиподы, текст которого ранее был подготовлен и сдан в Институт зоологии АН УССР покойной супругой Ираидой Ивановной Грезе.

Работая над изучением экосистемы пелагиали Средиземного моря, определил по имеющимся материалам возможные величины баланса обмена зоопланктона через Гибралтарский пролив, а также размерную и трофическую структуру зоопланктона в ряде районов Средиземноморского бассейна.

По теме «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна» занимался составлением и редактированием промежуточного отчёта (250 с.) по первому этапу работ, проведённых в 11 и 13 рейсах НИС «Профессор Водяницкий» на 14 поднятиях в южной и северной Атлантике. Занимался разработкой программ и планированием работ по теме предстоящих в 1984 г. рейсов НИС «Профессор Водяницкий» в сотрудничестве с учёными МГИ АН УССР. Был составлен годовой отчёт по гидробиологическому мониторингу вод Севастопольской бухты, проводившемуся в соответствии с сообразительностями, взятыми в честь 200-летия Севастополя.

Просмотрел и отредактировал 16 рукописей статей, представленных в печать, подготовил рецензию на 1 монографию для издательства «Наукова думка» и отзывы на 1 докторскую и 3 кандидатских диссертации.

В начале 1983 г. отделу планктона по итогам соцсоревнования за 1982 год в подразделениях института было присуждено первое место. Экономический эффект, полученный от внедрения исследований отдела, составил 2 млн. рублей.

1984

Продолжались исследования структуры и функционирования пелагической экосистемы в районах поднятий дна в Атлантическом и Индийском океанах, а также в Средиземном и Чёр-

ном морях. По средиземноморской экосистеме была впервые произведена оценка размеров вторичной продукции планктона, основанная на расчётах физиологическим методом. Результаты исследований докладывались на советско-французском коллоквиуме «Продукция и трофические отношения в морских экосистемах» в г. Ялте, осуществлена их подготовка для параллельной публикации во Франции и в СССР. По Чёрному морю были рассмотрены итоги и перспективы изучения его экосистемы и представлены в печать в «Вестник АН УССР» и в издании Морского гидрофизического института.

Были проведены комплексные исследования по теме «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятия океанического дна» в 16 рейсе НИС «Профессор Водяницкий» на 4 полигонах в Индийском океане. Вышла из печати под редакцией и при соавторстве В.Н. Грезе коллективная монография «Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота» объёмом 19 п.л., из которых 12,5 п.л. написаны сотрудниками отдела планктона. Участвовал в работе всесоюзных конференций «Использование промысловых ресурсов океана» (Севастополь) и «Изучение, освоение и охрана биологических ресурсов морей СССР и Мирового океана» (Ленинград), пленума Бассейновой секции «Южных морей и Индийского океана» при ГКНТ (Севастополь), советско-французского коллоквиума (Ялта).

1985

Обобщались результаты исследований последних двух лет в районах подводных возвышенностей Индийского океана и сравнивались с полученными ранее в Атлантическом океане. Завершено написание и отредактирована коллективная монография «Биоокеанографическая структура и продуктивность пелагиали в районах подводных возвышенностей» (15 п.л.).

Кроме того, написана глава для монографии «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система», одна статья и тезисы доклада на V съезде ВГБО. Вышли из печати три статьи (одна за рубежом) и одни тезисы общим объёмом 1,6 п.л.

В.Н. Грезе 70 лет. Отдел планктона 9 декабря 1985 г.

1986-1987

Подготовлены к печати и сданы в издательство «Наукова думка» 2 коллективные монографии под редакцией В.Н. Грезе: «Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах поднятий океанического дна» и «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система». Вышел из печати очерк «Морская биология» в книге «Развитие биологии на Украине» и 3 статьи общим объёмом 3,6 п.л. В 1987г. на пленуме Научного совета по гидробиологии АН СССР был представлен доклад «Зоопланктон и его продукция в Чёрном море»; на юбилейной сессии Крымского отделения ВГБО – доклад «100 лет развития планктонологии».

В течение многих лет В.Н. Грезе возглавлял руководство спецсоветом по приёму и защите кандидатских и докторских диссертаций при ИнБЮМ, в котором успешно защищали диссертации сотни соискателей. Многие годы он был членом редколлегий ряда журналов, таких как «Биология моря», «Океанология», «Экология моря», «Экология», «Гидробиологический журнал», «Marine Biology».

В.Н. Грезе состоял во многих научных и общественных комиссиях и объединениях: Океанографической комиссии АН СССР, комиссии по охране природных вод и других научно-общественных организаций.

Будучи членом Коммунистической партии, он постоянно принимал участие в работе партийного бюро Института, руководил философским семинаром, как член общества «Знание» неоднократно выступал в разных аудиториях, в периодической прессе и на телевидении. В 1975 г. был избран депутатом Севастопольского горсовета депутатов трудящихся и принимал участие в работе депутатской группы и комиссии. В этом же году был награждён Почётной грамотой Севастопольского горкома КПУ и Горисполкома.

Руководящая должность директора института требовала высокой представительской активности, которая измеряется количеством служебных командировок в разные города и учреждения. В связи с административными и научно-организационными функциями В.Н. Грезе ежегодно выезжал в десятки командировок. Например, в 1971 г. 3 раза был в Киеве в Президиуме АН УССР и Отделении общей биологии, 3 раза был в Москве для участия в юбилейной сессии 50-летия советской океанографии, для работы в Комиссии по охране природных вод АН СССР, для доклада в ГКНТ при СМ СССР о 10-летних итогах экспедиционной и научной деятельности института, для чтения лекции на ВДНХ СССР, для обследования научной деятельности Института океанологии АН СССР. Три поездки были в Одессу, в том числе две, связанные с организацией Южного научного центра АН СССР. Загрузка делами и темпы реализации поражают. Вот, например, запись дел в сентябре 1971 г.

1 – Интервью для Крымского радио о 100-летию Института. Разное администрирование.

2 – Комиссия по приёму аспирантов. Установка памятника.

3 – Заседание Партбюро, партсобрание. Поездка на место строительства корпуса института.

6-9 – Поездка в Киев на 50-летие Института ботаники и в Президиум АН.

10 – Корреспондент «Крымской правды». Учёный совет.

11 – Проект сценария юбилейной сессии института.

13 – Конкурсная комиссия по премированию работ. Визит к Иванову в ГК. Разговор с Патном. Сопещание с комиссиями по юбилею.

14 – Поездка в Симферополь на телестудию и в Обком КПУ.

15 – Предъюбилейные дела: учёт гостей, подготовка грамот, автотранспорт, гостиницы.

16 – То же. Репортаж для Севастопольского радио. Приём фотокорреспондентов «Крымской правды» и «Славы Севастополя».

17 – Запись выступления на Севастопольском радио. Списки награждаемых грамотами. Тексты выступлений. Обсуждение сценария торжественного заседания в ГК КПУ.

18-19 – Различные подготовительные дела в Институте.

20 – Встреча гостей на юбилей в Симферополе. Приезд Гутыри, Маркевича, Сытника, Пидопличко.

21 – Юбилейное заседание, вручение Институту Ордена Трудового Красного Знамени.

22 – Юбилейное заседание, вручение грамот.

23-24 – Экскурсия в Карадаг.

27-28 – Учёный Совет, партбюро. Конкурсная комиссия по выборам ст. и мл. научн. сотрудников и другие очередные дела.

29-30 – Поездка в Москву. Знакомство с биологической тематикой ИО АН по поручению АН СССР.

И это один типичный месяц из множества. Как выдерживал? Такая колоссальная психологическая и эмоциональная нагрузка ответственности за коллектив, дело и учреждение в целом, от обеспечения канцелярией до перспективных планов на пятилетку, становится отрицательным побочным эффектом руково-

дящей должности. Следствием такого напряжения стали сбои в работе сердца Владимира Николаевича. В августе 1970 г., не достигнув полных 55 лет, он перенёс первый инфаркт, из которого выходил до конца года, находясь на бюллетене и руководя институтом с помощью загов и телефона. В таком режиме прошли ещё семь лет, когда В.Н. Грезе был вынужден снизить нагрузки и 21 марта 1977 г. ушёл с поста директора. В декабре 1987 г., после 72 года со дня рождения, Владимир Николаевич ощущал физическую слабость на фоне развивающейся сердечной недостаточности, через месяц его госпитализировали, а 26 января 1988 г. покинул этот пёстрый и суетный материальный мир.

Владимир Николаевич Грезе прожил яркую и очень насыщенную событиями жизнь, он пережил многие удары судьбы, однако всегда оставался мужественным и принципиальным человеком. Вся его жизнь являла пример прекрасного сочетания широкой эрудиции, организаторских талантов и безукоризненного душевного благородства. Будучи крупным учёным в области гидробиологии, Владимир Николаевич оставил науке около 200 научных работ и воспитал много учеников. Имя Владимира Николаевича Грезе занимает достойное место в истории отечественной гидробиологии.

Основные вехи научного роста

29 июня 1939 г. – Решение Государственной Экзаменационной Комиссии Харьковского университета Грезе В.Н. присудить квалификацию биолога и выдать диплом с отличием.

25 апреля 1947 г. – Решением Совета Томского государственного университета им. Куйбышева (Протокол 8/136) Грезе В.Н. присуждена учёная степень кандидата биологических наук.

12 марта 1949 г. – Решение Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) (Протокол № 5) утвердить Грезе В.Н. в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности «гидробиология».

28 апреля 1956 г. – Решение ВАК (Протокол № 9) о присуждении Грезе В.Н. учёной степени доктора биологических наук.

20 октября 1959 г. – Бюро отделения биологических наук АН СССР утвердило доктора биологических наук Грезе В.Н. в долж-

ности старшего научного сотрудника по специальности «гидробиология» Севастопольской биологической станции им. А.О.Ковалевского АН СССР.

11 марта 1965 г. – Распоряжение № 248 Президиума АН УССР утвердить доктора биологических наук Грезе В.Н. в должности заведующего отделом планктона ИнБЮМ АН УССР.

20 декабря 1967 г. – АН УССР избрала Грезе В.Н. членом-корреспондентом АН УССР по специальности «гидробиология моря».

3 января 1968 г. – Решение ВАК утвердить Грезе В.Н. в учёном звании профессора по специальности «гидробиология».

28 марта 1968 г. – Утверждение члена-корреспондента АН УССР Грезе В.Н. в должности директора ИнБЮМ АН УССР.

Награды В.Н. Грезе

За участие в Великой отечественной войне и достигнутые успехи в развитии советской науки и внедрении научных достижений в народное хозяйство Владимир Николаевич был удостоен многих государственных наград :

1945 – медаль «За взятие Берлина»

1945 – медаль «За победу над Германией»

1946 – медаль «За доблестный труд в отечественную войну»

1951 – медаль «За трудовую доблесть»

1965 – медаль «20 лет победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.»

1967 – орден «Знак Почета»

1969 – медаль «50 лет вооруженных сил СССР»

1970 – медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина»

1975 – медаль «XXX лет победы в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.»

1975 – орден Трудового Красного Знамени

1980 – медаль «60 лет вооруженных сил СССР»

1981 – Почётная Грамота Президиума АН УССР

1982 – медаль «Ветеран труда»

ИРАИДА ИВАНОВНА ГРЕЗЕ – СУПРУГА, ДРУГ И СОРАТНИЦА

*Иван Федорович и Ольга
Деомидовна Тарасовы. 1927-1930 гг.*

Ираида Ивановна Тарасова родилась в поселке Чусовая, Пермской области 2 сентября 1915 года.

Отец Иван Фёдорович Тарасов, 1890 г. рождения, из большой многодетной (восемь детей) шахтёрской семьи, служил счетоводом в конторе Чусовского железодельного, сталелитейного и мостостроительного завода. Предприятие принадлежало в начале XX в. «Камскому акционерному обществу», правление которого находилось во французском городе Лион. Заводы этого общества были разбросаны вверх и вниз по р. Каме (Пашийский, Теплогорский, Кувшинский, Бисерский), с которых доставлялся чугун в Чусовую.

Мать Ольга Деомидовна Тарасова (в девичестве Соболева) с 15 лет работала швейей, помогая после смерти отца содержать многочисленную семью, в которой кроме неё было четыре сестры и братик. Стояла по 10-12 часов у верстака в мастерской купца Косолапова, изготавливая верхнюю одежду, пальто и жакеты (из дневниковых записок И.Ф. Тарасова).

Семья была трудолюбивая, дружная, дети воспитывались в послушании и строгости. В связи с назначением отца начальником планового отдела крупного металлургического завода семья переехала в г. Серов, Свердловской области. Там Ираида после окончания восьмилетки поступила на рабфак.

В 30-40-е годы призывы партии к изучению и освоению недр шестой части суши будили горячий отклик в сердцах молодёжи. Царила атмосфера бурлящей энергии, рвущейся вперёд и ввысь. Изучались недра Киргизии, Узбекистана, Кольского полуострова с запасами апатита, нефелина и редких металлов, уголь Воркуты, колымское золото... Дух захватывало от перспектив страны. К окончанию школы Ира с подругами мечтала выучиться на геолога, совершать поисковые экспедиции и молоточком раскалывать куски неизвестной породы. Но судьба распорядилась иначе. В то же время в вузах, в связи с потребностью страны в специалистах, был объявлен набор абитуриентов с рабфака на биологические и медицинские специальности. И было решено связать свою судьбу с не менее романтической и зовущей в неведомые дали гидробиологией. Ира Тарасова после двух лет рабфака в 1934 г. поступила в Пермский университет на биологический факультет, открывшийся тремя годами ранее.

Студенческая жизнь пролетела в трудах, учёбе, радостях юности. Ира увлеклась театром, вошла в студенческий драматический коллектив, называя себя «синемлузницей». Задорные артисты распевали:

*«Мы синемлузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи,
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи...».*

От деятельности «Синей блузы» веяло раскованностью, вольнодумством и смелостью в подаче драматического материала. Вероятно, в связи с этим в 1933-1934 гг. общественно-политическая направленность движения снизилась, но новые театральные темы и формы способствовали развитию эстрады и театра.

По окончании университета в 1939 г. Ираида Ивановна, получив специальность зоолога-гидробиолога, была распределена младшим научным работником в Сибирское отделение ВНИОРХ в г. Красноярск. В новом коллективе таких же энтузиастов науки Ираида активно включается в работу, начиная со сбора экспедиционного материала по теме «Сырьевая база низовьев р. Енисей от

Курейки до мыса Сопочная Карга». Спустя два года, 31 мая 1941 г. Ираида Ивановна (тогда ещё Тарасова) назначается начальником отряда, в составе которого были О.А. Толстихина и А.В. Почекутова. В.Н. Грезе был в составе другого отряда, мужского, куда входили Ф.И. Вовк (начальник), Е.А. Коряков и Я.И. Сосновский. Шла мирная жизнь, люди строили планы и мечтали. За неделю до войны, ещё 14 июня, например, пришел приказ со штатным расписанием и окладами сотрудников. Так, младшему научному работнику гидробиологу В.Н. Грезе установлен оклад 450 руб., мл. научному работнику гидробиологу И.И. Тарасовой – 400 руб. Директор получал 1000 руб., дворник-завхоз – 150 руб. [13, с. 202].

Дети Тарасовых (слева направо): Агния, Ираида, Анфия и Юрий. 1930 г.

А потом началась война. И.И. Тарасова и В.Н. Грезе поженились 26 июня 1941 г. в экспедиции в Усть-Порте.

В Отделение пришёл приказ к 12 августа упаковать казённое и личное имущество и подготовить к перевозке в связи с необходимостью уплотниться и предоставить жилые и служебные помещения для эвакуированных с Запада организаций и граждан. Потом решено было просто уплотниться в квартирах на ул. Урицкого, 36., в резиденции СО ВНИОРХ. Дом же по ул. Дубровинского, 52 передали горсовету, куда и были поселены приезжие. Кроме того, научным сотрудникам сократили отпуска с 24 до 12 рабочих дней в 1941 г. [13, с. 203]. Да какие уж тут отпуска!

**Пермский университет. Подруги из драмкружка (слева направо):
Ирина Меркулова, Ираида Тарасова, Анна Коблова,
Елизавета Злобина. 1936 г.**

**Сцена из спектакля Н.В.Гоголя «Женитьба». Ира Тарасова в роли
Арины Пантелеймоновны (вторая справа)**

В соответствии с рабочей тематикой 1942 г., одной из главных задач являлось освоение промысловых ресурсов Красноярского и Байкальского районов, которая включает в себя необходимость изыскания новых мест и новых промысловых объектов. В марте 1942 г. была снаряжена экспедиция Л.Н. Лобовикова и В.Н. Грезе на р.Таз. Вскоре после их отъезда, 14 апреля, Ираида Грезе родила дочь Татьяну, с которой счастливый отец увиделся только спустя 4 месяца, вернувшись из экспедиции. У исследователей накопился большой массив биологического материала, который нужно было обработать и осмыслить. Тендипеды (*личинки комаров семейства Tendipedidae*- прим. авт.) как основа кормовой базы рыб стали основным объектом исследований Ираиды Ивановны в 1950 - 1953 годах.

Владимир Николаевич много времени проводил в полевых исследованиях. Так, после возвращения из полугодовой тазовской экспедиции он пробыл дома с сентября 1942 г. по февраль 1943 г., потом были короткие недельные выезды Игарка-Дудинка, Норильск – Валёк. А уже с 10 апреля 1943 по 15 октября 1944 г. В.Н. Грезе был в Таймырской экспедиции. После полутора лет отсутствия пробыл дома 4 дня и ушел на войну. Все эти времена рядом в мыслях и чувствах присутствовала его Иронька. Она растила дочь и ждала. Вернулся Владимир Николаевич 25 ноября 1945 г. уставший, похудевший, но живой. Мужеству, стойкости и верности поём мы песню! Послевоенная жизнь налаживалась, а вместе с ней и научная работа.

В 1952-1953 годах И.И. Грезе была в числе исполнителей научной темы «Рыбные запасы материковых озёр Туруханского и Игарского районов и пути их освоения». Это были одни из самых труднодоступных районов Крайнего Севера. В марте 1952 г. на рыбохозяйственном совещании в Томском университете выступили В.Н. Грезе, И.И. Грезе и Л.В. Хохлова. Ираида Ивановна внесла свой вклад и в выполнение темы «Акклиматизация рыб и кормовых беспозвоночных в озёрах Красноярского края». Тогда же она описала нового представителя семейства *Tendipedidae* из реки Ангары.

Летом 1952 г. отряд в составе И.И. Грезе, В.А. Красиковой и С.М. Сесягина совершил экспедицию на оз. Маковское (бассейн Турухана, левого притока Енисея, площадь 163 км²).

Молодожёны Грезе. 1941 г.

*В.Н. Грезе вернулся с войны.
С дочерью Татьяной.
Красноярск. Ноябрь 1945 г.*

И.И. Грезе в полевой «лаборатории». Носок. 1941 г.

Ираида Ивановна с оленем

*И.И. Грезе в экспедиции на озере
Маковском. Август 1952 г.*

*И.И. Грезе чинит сети.
Август 1952 г.*

В апреле 1953 г. Ираида Ивановна выступила с докладом на III научной конференции Томского университета, показав глубокое знание гидробиологии низовья Ангары. А уже в июне 1953 г. в Томском университете успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Гидрофауна и флора низовья реки Ангары и её рыбохозяйственное значение».

В 1954 г. в научных планах СО ВНИОРХ по Красноярскому краю особое значение придавалось теме «Пути развития прудового рыбоводства в южных районах края», которую начали с инвентаризации рыбоводных водоёмов. Для выполнения этой темы было организовано два отряда, один из которых состоял из И.И. Грезе и Л.В. Хохловой.

И.И. Грезе за обработкой проб

Только за лето 1954 г. они обследовали 58 колхозных и совхозных водоёмов в Ужурском районе [13, с.242], а всего за три года Ираида Грезе со своими коллегами провела огромную работу, обследовав 70 потенциальных рыбоводных водоёмов.

По результатам исследований был опубликован ряд научных работ.

Научные статьи Ираиды Ивановны отличались глубоким знанием предмета исследований, полнотой и хорошим стилем изложения материала. В них отражались результаты сбора полевых материалов в трудных условиях суровой сибирской природы и тщательный анализ последующей камеральной обработки.

В 1953 г. заболела скарлатиной дочь Татьяна, болела тяжело, но всё обошлось. Ираида Ивановна вспоминала, что тогда они с Владимиром Николаевичем решили родить ещё одного ребенка, да и папа мечтал о сыне, чтобы вместе путешествовать, вместе науку двигать. Поэтому, когда Ираида Ивановна носила ребёнка, о нём думали как о сыне. Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. В июне 1955 г. родилась дочь Елена. Прибавилось хлопот и бытовых сложностей, и Ираида Ивановна целиком посвятила себя семье.

Как упоминалось выше, Владимир Николаевич в апреле 1957 г. был откомандирован во ВНИОРХ в Ленинград, а уже в мае зачислен в штат. На лето был запланирован переезд семьи. Ираида Ивановна уволилась 11 июля и с дочками тоже уехала в Ленинград.

Ленинградский период жизни семьи Грезе был коротким (1957-1959 гг.), но ещё короче оказалась трудовая биография Ираиды Ивановны. Проработав во ВНИОРХе до января 1958 г., она была вынуждена уволиться из-за невозможности устроить младшую дочь в детский сад, а также отдалённости местожительства (Петергоф) от Института. Кроме того, возникли проблемы со здоровьем, связанные с переменной климата.

Ситуацию счастливо спас переезд в Севастополь, и уже в декабре 1959 г. Ираида Ивановна приступила к работе на Севастопольской биологической станции в должности младшего научного сотрудника. Так об этом периоде вспоминает её коллега, доктора биологических наук, профессор Ванцетта Васильевна Мурина:

«Время летит неумолимо быстро, а память человеческая очень несовершенна. За микроскопом, сбором и обработкой научного материала мы, к сожалению, этого не замечаем. Иногда, работая бок о бок с хорошими, добрыми людьми, мы видим только их научные достижения, и то – не всегда. Как правило, вникаем в

научную сущность только тех работ, которые непосредственно соприкасаются с собственными исследованиями. Мчатся года, уходят люди.

В отделе бентоса нашего Института (ИнБЮМ) 23 года работала Ираида Ивановна Грезе – одна из многих талантливых и трудолюбивых натуралистов – гидробиологов. Как это бывает с настоящими биологами, она занималась исследованиями многих групп организмов. Любая проблема, связанная с гидробиологией, биологической продуктивностью, увлекала Ираиду Ивановну – замечательного учёного и человека, об общении с которой мне хотелось бы рассказать.

Севастопольский период научной деятельности И.И. Грезе в основном был посвящён биологии массовых видов одной из наиболее важных групп донных ракообразных – бокоплавов (отряд Amphipoda), их роли в балансе органического вещества в прибрежных водах Чёрного моря. На примере одной группы бентосных организмов решались более общие вопросы биологии, например, формирования фауны амфипод Чёрного моря в связи с проблемой «Биологическая продуктивность систем в южных морях». Камеральную обработку собранного ею полевого материала Ираида Ивановна совмещала с экспериментальными лабораторными исследованиями.

На примере 9 массовых черноморских видов амфипод ею изучены размножение, размерно-весовые соотношения полов, сезонная динамика численности, жизненный цикл, темп и скорость роста, скорость роста в зависимости от пола, частота линек, продукция. Много публикаций И.И. было посвящено питанию массовых видов амфипод, а именно, составу пищи, суточному ритму, рационам, соотношению растительной и животной пищи. В частности, был рассчитан суточный прирост и получено соотношение продукции к биомассе, что, несомненно, имело большое значение для оценки биологической продуктивности южных морей» [20].

«Мне посчастливилось принять участие вместе с Ираидой Ивановной в 74 рейсе НИС «Академик Ковалевский» в Средиземное море. Эта экспедиция, от Чёрного и Эгейского морей до побережья Испании, была особенно результативной. Наряду с обработкой большого количества бентосных проб (141 дночер-

И.И. Грезе после защиты кандидатской диссертации. Томск. 1953 г.

пательных и 18 траловых), И.И. занималась экспериментальной работой. Она изучала выживаемость и рост некоторых видов амфипод Чёрного и Адриатического моря в процессе солёностной адаптации, а я – биологию турбеллярий в условиях изменяющейся солёности.

Сборы в школу дочери Татьяны. Красноярск. 1950 г.

Прощай, Красноярск! Семья Грезе перед отъездом в 1957 г.

*Дом в Ленинграде, Заячий Ремиз.
Петродворец, ул. Садовая,
д. 12/7, кв.1. 1957 г.*

*В.Н. Грезе
в минуты отдыха*

*Ираида Ивановна с дочерью
Еленой на крылечке. 1958 г.*

*И.И. Грезе с дочерью Еленой.
Севастополь. 7 ноября 1960 г.*

В этой экспедиции у нас с И.И. получилось удачное сотрудничество, так как излюбленным кормом турбеллярий, систематикой которых я начала заниматься, служили амфиподы. Уже после рейса такие исследования были продолжены мною на материале псаммофильных турбеллярий в Чёрном море, опубликован ряд работ и результаты доложены на международных конференциях. Этим циклом работ по новой для меня группе донных беспозвоночных я обязана сильному влиянию Ираиды Ивановны, которая своим талантом, энтузиазмом, широкой эрудицией и просто личным обаянием развила во мне интерес к экспериментальным исследованиям и изучению биологии и экологии черноморских гидробионтов.

*И.И. Грезе после лекции на эсминце «Сведущий».
Севастополь. 1965 г.*

В апреле 1962 г. она была переведена на должность старшего научного сотрудника, а в 1964 г. ей присвоили звание старшего научного сотрудника. Результаты своих плодотворных исследований И.И. не только отражала в многочисленных публикациях, но и докладывала на конференциях и съездах в Киеве, Москве,

Кишинёве, Новороссийске и др. За время научной работы в Севастополе ею опубликовано около 30 статей и две монографии: «Амфиподы Чёрного моря и их биология» (Киев, Наук. думка, 1977) и «Фауна Украины. Высшие ракообразные», том 26, Вып. 5. Бокоплавы (Киев, Наук. думка, 1985). Последняя вышла уже после смерти И.И. в 1982 г.

Ираида Ивановна отличалась разносторонними интересами, о чем свидетельствует её заметка в газете «Слава Севастополя» под названием «Летят стрелы остроумия», в которой она с чувством заинтересованного человека писала о проходившем в «Матросском клубе» конкурсе КВН – поединке двух сильных команд - Морского гидрофизического института и Института биологии южных морей. В апреле 1965 года она прочитала лекцию о биологии Черного моря экипажу эсминца «Сведущий» и т.д. [20].

Активная гражданская позиция Ираиды Ивановны способствовала её выдвижению в депутаты горсовета Севастополя, где она проработала 3 года (1961 – 1963). Она неоднократно принимала участие в работе народного контроля, руководила кружком юных натуралистов, курировала дипломные работы студентов, оппонировала кандидатские диссертации.

Хотелось бы сказать несколько тёплых слов о чисто человеческих качествах Ираиды Ивановны. Как я упомянула выше, мы много лет работали в одном кабинете, тесно общались во время экспедиций в Чёрное, Красное, Средиземное моря, а в шестидесятые годы жили в одном доме на Батумской, 33. Этот «батумский» период мне запомнился особенно ярко: все большие праздники, и особенно Новый год, мы весело отмечали в квартире супругов Грезе, в небольшой дружной компании с участием Татьяны Владимировны Дехник, Анатолия Николаевича Колесникова, его жены Натальи Михайловны Куликовой. Заводилами в этой компании были Ираида Ивановна и Татьяна Владимировна. Ираида Ивановна всегда отличалась хорошим вкусом, умела красиво одеваться, была исключительно добрым человеком, внимательным и доброжелательным к людям, независимо от их социального положения. Несмотря на большую загруженность как общественной, так и научной работой, она проявляла посто-

янную заботу о своих дочерях Тане и Лене, обожала своих двух внуков. Особенно большое внимание она могла уделять им, выйдя на пенсию в 1977 г. Мне запомнилась наша последняя встреча с ней весной в Детском парке, где она - привлекательная обаятельная женщина, одетая в элегантный белый костюм, гуляла с младшим внуком.

Семейство Грезе за обедом. 1973 г.

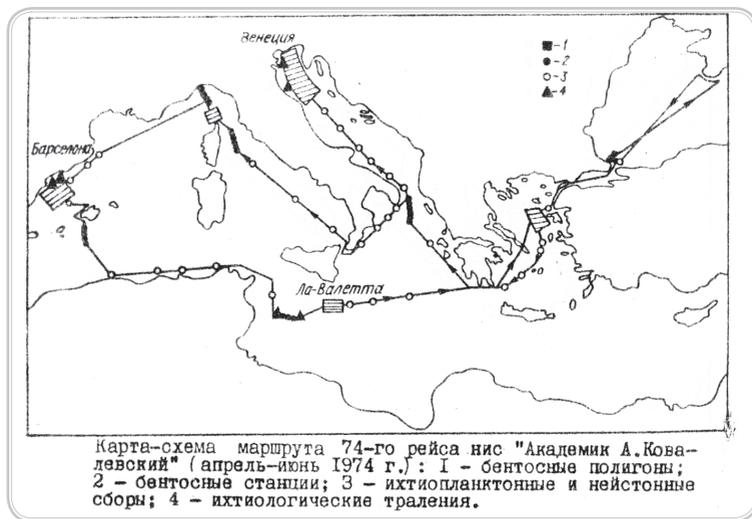
Слева направо: жена Ираида Ивановна Грезе, внук Дмитрий Лось, дочь Елена Грезе, зять Олег Александрович Лось, дочь Татьяна Лось, Владимир Николаевич Грезе

В заключение хочется пожелать молодым сотрудникам, проходящим нам на смену, брать пример со своих предшественников, чаще перечитывать их работы. У Ираиды Ивановны неплохо бы позаимствовать способность сочетать фаунистические и экспериментальные исследования, её искреннюю любовь к науке, огромное трудолюбие и доброе отношение к коллегам» [20].

О научном подходе

Помню, я - подросток, зашла к маме (И.И. Грезе) на работу. У окна стоит стол, на нём бинокляры, чашки Петри, пробы, легкий запах формалина. Мама определяет амфипод, слева от неё работает В.В. Мурина, сзади сидят лаборанты. Мама говорит: «Никак не могу определить подвид, полдня мучаюсь». Моя реакция молниеносна: «Что ты мучаешься, выбрось её в мусорник, и всё хорошо». Хохот стоял громкий.

Сохранились **дневниковые записи И.И. Грезе** в 74-й рейсе НИС «Академик Ковалевский» 21.04 – 22.06. 1974 г., которые с сокращениями приводятся ниже.

Карта-схема маршрута 74-го рейса НИС «Академик А.Ковалевский»

Выдержки из полевого дневника И.И. Грезе в 74-м рейсе НИС «Академик Ковалевский» 21.04 – 22.06. 1974 г.

«21.04.74 г.

Вышли из Севастополя в воскресенье в 17.20. Пароход сразу попал в небольшой шторм, 3-4 балла, но укачались все наши, даже мы с Ванцеттой (Муриной). Сказалось, видно, выпитое на проводах вино. В ночь качка утихла, и мы спокойно заснули.

НИС «Академик А. Ковалевский»

22.04.

С утра принялись за распаковку оборудования, налаживали свои лаборатории. Мы с Ирой везём из Севастополя живых *Gammarus aequicauda*, пока в черноморской воде, позже будем менять постепенно на средиземноморскую. Все готовят лекции, сидят по лабораториям. Ближе к вечеру женский состав лепил вареники на камбузе, после ужина было кино. Я готовлю лекцию по Италии.

23.04.

Около часа ночи остановились неподалёку от входа в Босфор. Утром в проливе подошёл катер карантинной службы и проверил санитарные документы. Вышли из Босфора в 11.45 местного времени (на час позже Москвы), погода холодная, туман и ветер. Мраморное море встретило нас спокойно.

24.04.

В Эгейское море вошли к ночи. Утром в половине шестого огромное красное солнце поднималось из моря, было тепло и тихо. В 11 часов подошли к первому полигону и в 11.45 бросили первый черпак. Он пришёл пустой, раз, два, три... Черпак был об-

легчённый, а грунт литотамный (*литотамный - кальцинированные красные водоросли – прим. авт.*). Решили бросить тяжёлый черпак, взял хорошо. Сделали 3 станции и перешли на следующую банку Брукера. Работала вахта Ларисы – 4 станции, 9 черпаков.

25.04.

Сегодня начала работы вахта Ванцетты с 6 утра на б. Брукера. Погода пасмурная, ветерок 1-2 балла. Взяли 4 черпака и 1 трал. В нём много губок, асцидий, порядочно морских ежей, мало отшельников, пантопод, макроподусов, амфипод, крабов, полихет, моллюсков. Вчера вечером пересмотрели мой фильм с 66-го рейса, смеялись. Пошли на банку Стокса.

26.04.

С утра на б. Стокса начала работать наша вахта – Ира Борисова, Виктор Заика и я. Море беспокойное, 2 балла, белячки. Ветер холодный. До 2 дня взяли 5 станций с 9 по 13-ю. Стоим на банке и ждём радио от И.Д. Папанина – идти ли нам в Измир? Девы все укачались, хуже всех себя чувствуют Неля и Лариса.

27.04

Тихое утро в Эгейском море. Почти зеркальная поверхность. С утра вахта Ларисы на б. Синяя. К 9 утра взяли курс на б. Джонсона и по ходу сделали 3 станции на глубинах. До б. Джонсона не дошли – получили радио от Папанина: в Измир не ходить и взяли курс на Адриатику. Вечером отметили 50-летний юбилей 3-го помощника. Много пели и танцевали на палубе при свете Луны и звёзд.

28.04.

Ровно неделя как мы ушли из Севастополя. Уже много сделали для общего дела и для себя. В 9.30 подошли к п-ву Пелопоннес, шли близко, в 3 милях. В одном уютном местечке под скалами белел маленький монастырь. Когда мы проходили мимо, в монастыре забили в колокол, махали нам обыкновенными вениками на палках. Мы ответили судовым колоколом и махали руками. К вечеру погода посвежела, 3–4 балла, судно порядочно валяло с боку на бок. Ночью в каюте упала раскладушка, чемодан, катались бутылки с минералкой. Спала плохо.

*Научный отряд 74-го рейса НИС «Академик А. Ковалевский».
 Слева направо: первый ряд - Мурина В.В., Заика В.Е.
 второй ряд - Грезе И.И., Колесникова Е.А., Лыскова Л.И.,
 Якушева И., Сергеева Н.Г., Салехова Л.П.*

29.04.

Шторм немного стих, но всё ещё болтает. К вечеру мы начали глубинные ловы в Ионическом море. Работала с 17 часов вахта Ванцетты. Глубины большие 700-1000 м, грунт самый тяжёлый для промывки, птероподовый ил. Ночью с 0.30 заступили на вахту мы. Сделали, как и Ванцетта, 4 станции. Море штормило, волны лезли через борт, брызги окатывали нас с ног до головы.

30.04.

После завтрака, во время которого у нашей вахты слипались глаза, мы свалились спать до обеда. Сегодня все получили первомайские поздравительные радиogramмы от родных. В море шторм.

1.05.

Часы перевели ещё на час позже, а я встала по биологическим часам в 5 утра. Мы в Адриатике. Погода мерзкая, серое небо, серое море, дождь и холод. До обеда сидели с Ирой над опытами. Поставили уже 18 опытов, солёность увеличили до 24‰, раки чувствуют себя прекрасно, питаются, размножаются. К 19 часам подошли к первой точке разреза, глубины 100-80 м. Вахта Ларисы. На ужин горох, болит живот. Вот так кончилось 1 мая.

2.05.

Погода всё та же, работаем на разрезах в северной Адриатике. В обед поздравили Виктора Заику с 38-летием. Прочитали стихи, надели на шею большую золотую медаль и тут же её съели. Обед прошел тихо. Отчасти потому, что после первого банкета по поводу 50-летия 3-го штурмана Петра Константиновича Чертова, когда матросы и «аристократия» корабля хлебнули лишнего и пошумели, кэп категорически запретил всякие «попойки». Вечером на ужин появился сладкий пирог, которым кок Андрей поздравил Виктора. Потом на палубе смотрели «Освобождение. Курская дуга».

4.05.

С утра наша вахта. Погода ужасная, ветер 7 баллов, море 3-4, порывистый ветер. Болтаемся над глубинами 40-50 м. Взяли 5 ст. по 3 черпака и 1 трал. Трал у меня вызывает отвращение. Он приносит массу копошащихся офиур, слизких, выворачивающих кишки голотурий, ежей, звёзд, червей, и всё это шевелится, кишит. Брюхо моря.

После вахты сели за опыты и просидели до ужина. Что-то никак не пишется моя монография. Нет настроения, вахты разбивают день, да и устаю порядочно. Что-то дома?

5.05.

Сделали разрез. В тралах масса гребешков. Сделали из них вечером блюдо – отварные с майонезом. Великолепно. Погода плохая. От Папанина ждём добро на заход в Венецию.

8.05.

Наконец, к вечеру получено «добро» и мы начали готовиться к Венеции. Все моются, бреются, девочки красятся и наглаживают наряды. Читала на баке лекцию о Венеции.

Разбор улова. Моллюск пинна

9.05.

В 8 утра приняла на борт лоцмана и он завёл нас в канал. Поставили далеко, у элеватора. К 11 часам оформили пропуски, получили лиры и группами пошли в город. Мы с Лидой Салеховой и Иваном Тимофеевичем ходили по Венеции до 9 вечера. Приползли без ног. Но я в полном восторге от живой, не открыточной Венеции. Это действительно чудо-город: 119 островов, 160 каналов и 428 мостов, Большой канал, Бачино сан Марко, церковь сан Марко, пьяцца – всё, всё чудесно. Слов нет.

10-12.05.

Без ног. В 17 часов отдали швартовы и снова за работу. В этот день в Италии проводили референдум о разводах – решали, оставить или отменить действующий закон. Мы видели плакаты «Vota No» и «Vota Si», надписи на домах, воззвания компартии против фашизма, портреты Ленина.

16.05.

Сегодня море гладкое и солнце. У нас с утра праздник – проходим Мессинским проливом, близко от Мессины, рассматриваем. Через 3 часа дошли до Стромболи, обогнули и ушли к северу в Корсиканский пролив. Стромболи меня поразил. Четыре года назад мы его тоже обогнули. Тогда ещё совсем свежи были чёрные лавовые потоки на его северо-восточном склоне, мало было

зелени везде, а деревушка на южной стороне была разрушена и покинута. Теперь она ожила, появились беленькие виллы с пальмами на крыше. Очень много зелени, масса цветущей опунции.

18.05.

День рождения матроса Коли. По этому случаю к обеду по 2 бутылки «Фетяски», а в полдник – сладкий пирог, которым мы объелись. Сегодня сделали первый разрез в Тирренском море, работала вахта Ларисы. День был ничем не примечательный, шли и шли, погода разная, было солнце и дождь. Попробовали вяленую акулу катрана – ничего, есть можно.

Ближе к вечеру подошли к острову Монте-Кристо. Остров впечатляет, если помнить, что именно здесь граф нашёл клад старого аббата. Высокий, скалистый, покрытый скудной зеленью, с обрывающимися прямо в воду стенами-скалами, он кажется неприступным. Но мы видели бухты, гроты, моторки с людьми и совсем небольшой посёлок из 3-4 домиков в долинке, где растут средиземноморские сосны. Говорят, на этом острове есть казино.

23.05.

В ночь шторм усилился, ужасно болтало. Сегодня утром я ещё сбегала на спардек снять море и качку на киноплёнку, подышала воздухом, посмотрела на нашего «друга» Р 630 (французский военный корабль, охотник за подводными лодками, на носу пушки, на корме минные установки), который героически следует за нами, идёт на приличном расстоянии по правому борту. К обеду ветер усилился до 10 баллов, на море страшно смотреть. Мы не идём, а боремся с волнами. Сколько будем так мучиться, неизвестно. К обеду из научной группы осталось четверо – Виктор, Лида, Александр (Бенжицкий) и я. Остальные лежат. Я с утра села за опыты и, несмотря на болтанку, пересмотрела всё за 5 часов. И довольна, т.к. и не думаю о море, а смотреть на него страшно.

24.05.

Шторм держится. Ветер более 10 м/сек – почти ураган, мы делаем 2-4 узла. Судно наглухо задраено, душно. Вечером получили добро на заход в Барселону. Идём к испанскому берегу. «Друг» француз Р 630 вечером близко подошёл к левому борту,

опустил флаг, прощаясь, и повернул домой. Мы вошли в испанские воды, теперь будем ждать «друга» - испанца. Худо ли, хорошо ли, но в тяжёлые часы ураганного шторма рядом с нами были люди. К вечеру шторм утих.

27.05.

Утром подошли к Барселоне. Огромный порт. Стали на рейде неподалёку от советского сухогруза «XXIV съезд КПСС» Таганрогской приписки. Очень долго ждали лоцмана. Вышла ошибка: наш радист передал в порт сведения о корабле – 38 м длины, а там приняли 380 м и искали свободный причал для такой громадины. Только часа в 2-3(обед) нас поставили в порту, на хорошем месте, неподалёку от монумента Колумба и его барка Santa Maria, на котором он совершил путешествие в Америку в 1492 году. Сам барк стоит в морском музее, а его копия – у монумента. Пока оформляли и выдавали паспорта, пропуска и деньги, вечерело, и мы вышли на 3 часа до 21 часа погулять. Успели пройти по проспекту Капуцинов, загромождённому сувенирными лавочками и киосками, видели кафе на воздухе, выставки цветов и птиц. Достигли прекрасной площади Каталонии (Каталунья), дошли до средневекового квартала, где расположен Кафедральный собор. Квартал – прелесть. Его не описать, надо видеть. Но это узкие улицы, дома с чугунными решётками на балконах («сквозь чугунные перилы..»), ставни на окнах и везде яркие цветы – много герани. С первого дня мы в восторге.

28.05.

С утра пошли в рыбный институт к коллегам и в аквариум. Институт в прекрасном здании с мраморными лестницами; лаборатории уютные, народу мало – по 1–2 человека. В библиотеке много наших книг. Здесь изучают зоопланктон и ихтиофауну. Ихтиолог станции Антонио Балластер, как оказалось, обещал нас вывезти за город. Первое место посещения оказался монастырь «Montserrat» («распиленные горы»), расположенный на уровне 900 м над морем в изумительной по красоте местности. Горы, окружающие монастырь, причудливой формы как результат выветривания. И сам монастырь, так уютно прилепленный к скалам – всё очень красиво. Мы поднялись на самую вершину

скал на фуникулёре, перекусили в кафе: картофель фри в пакетиках и по стакану кока-колы с ромом. В 6 вечера открылась служба в местном монастырском соборе и мы послушали пение монахов и детей. Затем поехали домой, но на ходу Антонио завёз нас в туристическое кафе-бистро «La tina» в зал дегустации. Выставлено бочонков 40 разных испанских вин. Для того, чтобы получить право пробовать, нужно купить каждому стаканчик, что сделал для нас Антонио. Попробовали 5-6 сортов вин, в том числе ликёр «Инфернальный». Крепковат, но букет интересный. Антонио заказал вино и бутерброды. На мягкий хлеб намазаны давленные помидоры с перцем и растительным маслом, а сверху положен кусочек корейки. Надо перенять, вкусно. Обрато ехали немножко навеселе, болтали по-английски и по-испански.

Е.Б. Маккавеева и И.И. Грезе в лаборатории. Март 1977 г.

Антонио вёл машину отчаянно и в городе его остановили инспекторы за 2 какие-то ошибки. Бедному не повезло – штраф 400 песет (около 60 долларов). Подъехали к борту уже после 10 вечера. Вручили Антонио коньяк, шампанское, водку, шоколад, духи, пластинки, слайды Севастополя и всякую мелочь. Ещё юбилейные значки к 100-летию ИнБЮМ ему, Вивес и Маргалёфу. Так закончился этот чудесный день».

В оставшийся месяц у путешественников было много работы, приключений и впечатлений. Работали у Балеарских островов, на банке Эмиль-Бодо, о. Лампедуза, был заход на Мальту (Валетта), посещение университета Мальта в Слиме, новые интересные, полезные и добрые знакомства с коллегами, которые позже много лет поддерживались в научной и дружеской переписке.

Супруги Грезе. Севастополь. 9 мая 1980 г.

Дедушка с внуками – старшим Дмитрием и Алексеем. 9 мая 1980 г.

Одна из последних фотографий Ираиды Ивановны.

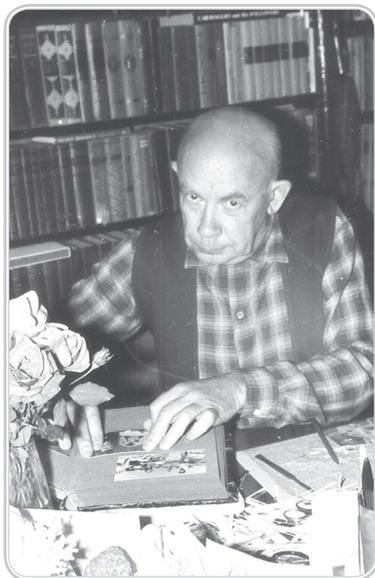

*Банкет Украинского отделения ВГБО. Конференция в Севастополе
110 лет ИнБЮМ. 17 апреля 1981 г.*

*Слева направо: И.И. Грезе, Г.Г. Винберг, Г.А. Печень-Финенко,
З.З. Финенко, В.Е. Заика*

В последние несколько лет здоровье Ираиды Ивановны ухудшилось, и она покинула этот мир 24 июля 1982 года. Стоит ли говорить, каким это стало ударом для Владимира Николаевича? Они прожили в любви и согласии 41 год, никогда не повышая голоса друг на друга. Владимир Николаевич в выходные дни с удовольствием ходил на рынок, приносил что-нибудь вкусненькое и обязательно цветы Ироньке. Потом был семейный обед с красивой сервировкой, вином из графина, потом легкая дрёма, чай, программа «Время» по телевизору. Ежедневно перед сном супруги садились в мягкие кресла за журнальный столик и читали, изредка переговариваясь. В укладе жизни доминировала тишина. После похорон, когда мы сидели, обнявшись в горе, как осиротевшие дети, папа сказал: «Ну вот, как теперь жить? Кто нас ругать будет?». Иногда мама тихонько бурчала, что он не так проворно что-то делает. Через некоторое время папа углубился в воспоминания и оформил фотоальбом истории семейной жизни. Кроме того, он приложил много сил и стараний, чтобы подготовить к публикации начатую Ираидой Ивановной монографию по бокоплавам в издание «Фауна Украины. Высшие ракообразные» с многочисленными определительными таблицами и рисунками. Работа вышла в 1985 г. в издательстве Академии наук Украинской ССР «Наукова думка».

После ухода супруги Владимир Николаевич тяжело переносил пребывание в опустевшей квартире без Ироньки и через месяц после похорон на неделю отправился с зятем Олегом Александровичем Лосём и младшим внуком Алёшкой на неделю (24-28 августа 1982 г.) в автопутешествие осматривать берега Азовского моря по маршруту Севастополь – Геничеськ – Бердянск – Жданов – Новоазовск и обратно. Практически сразу же (10-17 сентября 1982 г.) Владимир Николаевич отправляется в круизный рейс на т/х «Гаджикистан» по маршруту Севастополь – Батуми – Одесса, как он говорил, чтобы отвлечься. А дальше понеслась череда научных и организационных процессов, мероприятий, поездок, за которыми хоть немного приглушалась боль утраты.

***Владимир Николаевич оформляет
семейный фотоальбом. 1982 г.***

*Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильней.*

«Чему смеялся я сейчас во сне?»

Джон Китс

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ

ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ ЗАЙКА,
член-корр. НАНУ,
доктор биологических наук,
профессор

Мои Контакты с В.Н. Грезе

Легко ли давалась кочевая жизнь Владимиру Грезе, не известно. Во всяком случае, миграция из Москвы в Харьков, по воле родителей, придала ему кое-какие навыки, и распредделение в Сибирь, по окончании университета, он, наверное, перенес философски, как в песне: «мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Но кочевая жизнь Грезе на этом не окончилась. Казалось бы, попав, наконец, в Питер, можно было там пустить корни, но снова вмешалась судьба, на этот раз принявшая облик В.А. Водяницкого.

Этот директор провинциальной биостанции, подчиняющейся даже не Москве, а Киеву, ухитрился уговорить двух известных докторов наук, В.С. Ивлева и В.Н. Грезе покинуть северную столицу ради работы в только-только возрождаемом Севастополе. Случилось это в 1959 г., всего через 14 лет после окончания войны. Директор СБС «одним махом» приобрел двух докторов и двух докторских жен - кандидатов наук! Такой дальновидный шаг в решении кадровой проблемы показывает огромные организационные способности и мужество Водяницкого, который не побоялся окружать себя сильнейшими специалистами. Не все руководители так себя ведут.

А чем Водяницкий сумел заинтересовать питерских светил? Одним из очевидных факторов была стратегическая позиция В.А. Водяницкого, его замысел создать в Средиземноморском бассейне крупный морской биологический центр. Немаловаж-

ную роль также играло его отношение к проблеме биологической продуктивности морей. Ивлев и Грезе хорошо помнили, как Водяницкий отстаивал значение общих исследований по продуктивности на Всесоюзном совещании 1951 г.

Теперь создавалось мощное ядро видных специалистов по продукции морских животных, к которому вскоре присоединились приехавшие из Минска ученики Г.Г. Винберга - Зосим и Галина Финенко. З.З. Финенко сразу занялся первичной продукцией, а Г.А. Финенко стала сотрудницей Ивлева. Кроме Севастополя, продукцией морских экосистем занимались Ю.И. Сорокин в Геленджике, Э.А. Шушкина, ученица Г.Г. Винберга, в Москве, и общими вопросами – Г.Г. Винберг в Минске. Несколько специалистов работали также на пресных водах.

Все эти сведения появились у меня позже, а 1959 г., когда Грезе и Ивлев покинули Питер и направились в Севастополь (на СБС), я вернулся в Питер из экспедиции по Амуру и Зее, уволился из Зоологического института и поехал работать на Байкальскую лимнологическую станцию (БЛС). Мой личный цикл кочевой жизни еще не завершился.

Сведений о В.Н. Грезе я больше получил на БЛС, чем в Питере. Меня приняли в лабораторию гидробиологии, поручили исследовать паразитов рыб, чему я был уже обучен. Лабораторией заведовала М.Ю. Бекман, специалист по донным ракообразным. Сама она мигрировала когда-то на Байкал с Карадагской биостанции. Это было для меня очевидным доказательством округлости и тесноты мира гидробиологов. Бекман хорошо знала В.Н. Грезе и его предложение использовать байкальских гаммарид как акклиматизационный фонд. Именно с этой целью она изучала бокоплавов мелководного залива, имевшего необычное название «Посольский сор». Кроме того, «в прошлой пятилетке», в 1955г., В.Н. Грезе опубликовал книгу о фауне Енисея. Вытекающая из Байкала Ангара, между прочим, впадает в Енисей, так что это вполне сообщающиеся сосуды. А когда я стал знакомиться с литературой по паразитам рыб Байкала, то обнаружил, что В.Н. Грезе и здесь «наследил» - описал рачка, паразитирующего на байкальских рыбах!

И вот настала очередь моей миграции на Черное море, и тот же директор Водяницкий взял меня, без переписки и рекомендаций, пришедшего прямо «с улицы», сразу младшим научным сотрудником. Впрочем, я показал публикации и заверил, что имею материал для диссертации. Занялся снова паразитами рыб, но «попал под дурное влияние» появившихся новых приятелей. В.С. Тен, З.З. Финенко и Б.Я. Виленкин вели разговоры о новых тенденциях в экологии, о Слободкине, Маргалеве, о трофических уровнях сообществ и не давали слова вставить о видовой специфичности паразитов. Пытался я беседовать даже с самим В.С. Ивлевым, рассказывал ему о своем несогласии с позицией питерского С.С. Шульмана. «Что Вы мне своим Шульманом тычете, – резюмировал Ивлев, – ставьте эксперименты, набирайте факты и обобщайте полученные результаты. Пытаясь оспорить каждое высказывание, которое кажется сомнительным, Вы попросту тратите время».

Наконец, настал момент, когда я решил, что пора идти к директору. В.А. Водяницкому сказал, что хочу заняться продукцией гидробионтов. Он разрешил уйти от паразитологов и посоветовал перейти в лабораторию планктона. Эту лабораторию возглавлял В.Н. Грезе, с которым представилась возможность познакомиться поближе.

Владимир Николаевич был склонен к изобретению всяких новинок, уже в Севастополе он придумал планктонособиратель, а в 1963 г. опубликовал первую версию графического метода расчета продукции гидробионтов. В эти же годы Международный союз биологических наук разработал предварительную программу биологических исследований, которая обсуждалась на разных форумах и окончилась в 1964 г. объявлением Международной биологической программы (МБП), которая продолжалась целое десятилетие. Мой руководитель по кандидатской диссертации питерский академик Б.Е. Быховский возглавил советский комитет МБП. А исследование продуктивности было одной из основных задач МБП. Все пути вели в Рим!

В 1964 г. была не только начата работа по МБП, но и вышла из печати вторая версия метода Грезе, разработанная с помощью

В.С. Тена. Были опубликованы и мои тезисы с обсуждением методов расчета продукции. Активная работа по МБП разворачивалась стремительно. В 1966 г. Г.Г. Винберг провел в Минске симпозиум по методам расчета продукции гидробионтов, по результатам которого была издана книга. В.Н. Грезе был одним из авторов книги и членом редколлегии.

Вот как описывает сам Грезе этот период: «В 60-х годах В.Н. Грезе были организованы исследования, позволившие получить по новой методике достаточно достоверные величины Р/В-коэффициентов для отдельных видов зоопланктона и оценить общую его продукцию (Грезе, Балдина, Билева, 1968; Грезе, Федорина, Чмыр, 1973). По аналогичной методике стали проводить затем исследования продукции большинства видов зообентоса и рыб (Грезе, Грезе, 1969; Заика, 1972; Маккавеева, 1974».

В 1963 г. СБС превращается в ИНБЮМ, и В.Н. Грезе возглавляет большой отдел планктона, состоящий из нескольких лабораторий. Сравнивая научные подразделения, сложившиеся в институте, хочу отметить широкий спектр различий в организации коллективного труда. Одна крайность – это руководитель, который стремится спаять всех в единый «суперорганизм», в котором основные публикации имеют много авторов, включая заведующего, причем независимо от его личного вклада. При этом творческие находки и ошибки делятся на всех. Другая крайность – руководитель ставит общую задачу и определяет роль каждого, но каждый отвечает за свой результат. В этом случае на «личный счет» руководителя попадают только написанные им работы. Многое зависит от того, как руководитель оценивает свой пост: как почетную нагрузку или как заслуженную награду; если исследователь, получив высокий пост, забросил опыты и микроскоп, значит, он мысленно ушел из исследователей в касту руководителей.

В.Н. Грезе как руководителя отдела, а затем и всего института я бы назвал «играющим тренером». Он не упивался выполнением руководящих функций, для него это было поручение, которое следовало выполнять по мере сил. Но больше он любил личную исследовательскую работу, которой отдавался при первой

же возможности. При мне он вел расчеты вторичной продукции разных видов, причем не с помощью сотрудников, а сам проводил все расчеты.

Мне Грезе посоветовал оценить продукцию аппендикулярий и сагитт, а когда я завершил сложные расчеты и опубликовал полученные результаты, он не препятствовал, хотя и считал удельную продукцию аппендикулярий завышенной мною. Он сделал и опубликовал свою оценку ожидаемых величин. По-моему, в этом случае проявилось его стремление самому находить решения проблем и тактичное отношение к тому, что казалось ему ошибкой сотрудника.

Но сотрудников было много, наибольший разброд начинался при планировании рейсов, и тогда последнее слово было за руководителем отдела. Грезе, будучи изобретателем новых методов, в рейсах предпочитал стандартными сетями облавливать стандартные слои. Он мыслил сериями рейсов, и стандарты помогали сравнивать результаты разных походов и разные районы. Занимаясь проблемой продуктивности моря, В.Н. Грезе, тем не менее, интересовался составом и распределением организмов, хорологией и потому склонялся к сеткам частых станций.

Среди молодежи наиболее опытной «морячкой» была Т.С. Петипа. Поскольку она интересовалась функционированием организмов и сообществ, она недовольно фыркала и называла Грезе «географом». Петипа предпочитала вместо сетки дробных станций устроить в характерных районах 2-3 многосуточные станции. У Грезе такие рейсы не удавалось выполнять и Петипа, наконец, организовала собственный отдел.

В 1968 г. В.Н. Грезе стал директором института, причем с помощью активных хлопот прежнего руководителя, В.А. Водяницкого, о чем последний подробно написал в своих «Записках натуралиста». Грезе несколько не изменил своего стиля работы и отношения к сотрудникам, оставался «играющим тренером». Конечно, времени для личной работы у него осталось еще меньше.

В отличие от Водяницкого, которого в Киеве считали несколько заносчивым, к Грезе в Президиуме АН относились более благосклонно, так как держался он проще, и как бывший харь-

ковчанин, мог поддерживать разговор и на украинском языке. Но командировки в Киев В.Н. Грезе не любил. Мне он очень хвалил своего заместителя О.Г. Миронова: «Вы знаете, когда вызывают в Киев, он безотказный! Я иногда прошу его поехать вместо меня на какое-нибудь собрание».

В.Н. Грезе повезло в том отношении, что его директорство пришлось на «золотую эру советской» океанологии. Нам построили судно и, через ГКНТ СССР, утверждали все наши рейсовые программы, снабжали всем необходимым для непрерывной череды рейсов. И тут оказалось, что нам всем повезло с нашим директором-«географом»! Он возглавлял планирование тематики и предлагал масштабные и цельные проекты, благодаря которым каждый рейс становился важной частью общего замысла. Сначала институт присоединился к программе соседей-гидрофизиков по исследованию больших круговоротов в Атлантике. Затем мы выполнили биологическое обследование подводных поднятий в Атлантическом и Индийском океанах. Этой программой мы намного опередили западных исследователей, которые занялись соответствующими работами позже. Но, как всегда, наши книги на русском никто и никогда не читает, и только мы сами хвалимся друг перед другом «монографическими» работами.

Еще одна сторона Грезе, как директора, открылась при возникновении конфликтной ситуации. наших ихтиологов возглавляла Т.В. Дехник, лучший в бассейне специалист по икре и личинкам рыб. Но, рассчитывая кормовую базу личинок рыб, она рассуждала простовато: каждая личинка съедает в день по несколько мелких организмов, однако, при этом численность личинок намного уступает обилию пищевых животных. Значит, пищи личинкам хватает. Ее сотрудницы вторили ей.

Но, после долгого общения с В.С. Теном я стал разбираться, какие «параметры» входят в процесс потребления пищи. Пытался объяснить ихтиологам, что в тайге на каждого приходится много пищи, но смертность заблудившихся людей велика, потому что степень доступности пищи мала. Меня не слушали: ведь я не специалист по личинкам рыб! С помощью Н.А. Островской мы построили модель поведения личинок и показали, что она

соответствует имеющимся данным. Решили опубликовать свои результаты в виде серии статей в журнале «Вопросы хтиологии». Узнав об этом, Т.В. Дехник послала письмо главному редактору Г.В. Никольскому с просьбой не принимать наши статьи. Редактор недолго терзался сомнениями и прислал наши рукописи вместе с жалобным письмом директору В.Н. Грезе: разбирайтесь сами!

Грезе выслушал отдельно «доводы сторон». Ихтиологи, видимо, вели речь о «выносе сора из избы», о «чести мундира», а я сказал, что дискуссия в печати поможет прояснить проблему обеспеченности пищей и попросил собрать редсовет. Директор свою позицию не выпячивал, но по решению редсовета написал Г.В. Никольскому просьбу принять наши рукописи к печати.

Однажды Грезе пригласил меня к себе в кабинет и рассказал, что М.И. Киселева отказалась руководить отделом бентоса, и предложил мне освобождающуюся должность. Поскольку я иногда просил у Грезе денег до получки, я не стал скрывать, что заинтересован в повышении оклада. А рассчитывать продукцию у донных или пелагических животных – невелика разница, тем более, что М.И.Киселева остается на месте.

В новой должности встречался с директором поневоле чаще, хотя не люблю ходить с визитами к начальству. По предложению Грезе нами были опубликованы три совместные обзорные статьи. А через некоторое время, проработав директором почти два срока, В.Н. Грезе стал обращаться в Президиум АН с просьбой отпустить его с занимаемой должности. Затем меня выбрали директором института, хотя Грезе мне ни словом не обмолвился о ведущихся с Киевом и обкомом переговорах. Освободившись от хлопот с институтом, он завершил сбор статей для крупной международной сводки «Основы биологической продуктивности Черного моря», которая была опубликована в 1979 г., и не потеряла своего значения и сегодня.

В 1978 г. мне представилась возможность довольно много общаться с Владимиром Николаевичем во время нашей совместной ознакомительной поездки по Болгарии, где мы пробыли неделю. Каюсь, не помню многие детали поездки, например, какое ведомство организовало этот визит сразу двух директоров – нового и предыдущего.

Дело было летом, принимали нас не шикарно, а, скажем, демократично. По прибытию в Варну нас встретил Михаил Ганчев, работавший в Океанографическом комитете Болгарии, поселил нас с В.Н. Грезе вдвоем в один номер в отеле «Одесос». В Варне и ранее часто приходилось бывать во время рейсов (обычно дома не могли полностью загрузить судно нужными продуктами), но живя не на корабле, а в отеле, мы видели город как бы с другой стороны.

Обнаружилось, что мы с Грезе оба – жаворонки. Вставали в пять утра, и шли погулять по пустынным улицам. Удивлялись, что есть небольшие дежурные кафе, в которых круглосуточно можно съесть что-то из выпечки и запить айраном. После завтрака нас везли в институт. Разумеется, были также обеды с бараньей требухой и ужины с национальными песнями и ракией. Что касается последней, то побывав перед поездкой в гостях у Грезе дома, я знал, что он свою «семитравку» пьет из игрушечной рюмки размером в два наперстка.

В один из дней кто-то из физиков возил нас на север вдоль всего побережья. Из Варны мы отправились в Софию, где нас опекал выпускник МГУ профессор Георгий Дечев, возглавлявший лабораторию биофизики. Он интересовался прибрежной экологией и занимался измерением кислорода с помощью современных методов. Разместили нас, по случаю студенческих каникул, в большой комнате общежития, до которого нужно было долго добираться трамваем, то ли через парк, то ли через лес. Нам объяснили, что район по-русски называется «клоп».

Профессор Дечев возил нас в дальние экскурсии и показывал замечательные места, реки и озера, названия которых я не записал и не могу вспомнить. Запомнил только название чудесной горы Витоша, под которой распростерлась София. Грезе и я побывали и в семье Г. Дечева. Между прочим, Георгия Дечева я позже встречал в Москве, где твердо знал только здание ГКНТ (Госкомитет по науке и технике), МГУ, пару книжных магазинов и гостиницу АН на ул. Октябрьской. А Дечев в Москве ориентировался, как в Софии, и с видимым удовольствием снова выполнял роль гида.

Наше с В.Н. Грезе недельное путешествие по Болгарии благополучно закончилось. У меня сохранились прекрасные впечатления от Болгарии, от принимавших хозяев и от моего спутника. Надеюсь, что у него тоже пребывание у болгарских коллег не было омрачено моим присутствием.

Будучи директором, Грезе оставался заведующим отделом планктона. В руководстве отделом ему очень помогал опытный планктонист и организатор рейсов А.В. Ковалев. Теперь Владимир Николаевич как бы приобрел «второе дыхание» и, к сожалению, стенокардию. Последняя не помешала ему успешно завершить большой коллективный труд по биологической структуре в районах подводных поднятий (опубликован в 1988 г.), а также закончить написание книги «Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система», вышедшей из печати в 1989 г. Но этих работ В.Н. Грезе не суждено было увидеть.

Грезе был очень сдержанный во всем. Говорил спокойным, умиротворяющим голосом, часто употреблял придаточные предложения, поэтому в его речи слышалась череда связок: «..который, ..который..». В общем, за ораторское искусство его не хвалили. Но, на посту директора, может быть, искусство усыпления аудитории важнее речевых перлов? Я не видел случая, чтобы Грезе, что называется, «вспылил». Наморщит нос, сведет брови – это было максимальное выражение чувств. Если Грезе кому-то «выговаривал», то наиболее жесткое выражение в его устах было «это непорядочно!». А.В. Ковалев, который, кроме прочего, бывал секретарем парторганизации института, рассказывал мне, как они с Грезе провожали кого-то из киевского начальства, и один из провожавших тащил коробку с винами. Сзади к ним подошел обкомовец и поучающе произнес: «Вот как надо гостей провожать!». Ковалев сказал, что Грезе в этот момент взбеленился. Но я не могу себе представить Грезе в гнев. Хороший и добрый был человек.

Январь 2014 г.

**НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА
КУЛИКОВА (КОЛЕСНИКОВА),**

кандидат биологических наук

Воспоминания о В.Н. Грезе

В июне 1963 г. наша семья проводила отпуск в Евпатории. Естественно, что мы не могли не побывать в городе-герое Севастополе. И как только высадились с теплохода на Графской пристани, сразу направились на бывшую биологическую станцию, в этом году преобразованную в Институт биологии южных морей Академии наук УССР.

Прошли через уютный зелёный маленький садик, который располагался перед входом в Институт. Осмотрели аквариум, тогда ещё совсем небольшой и не такой красочный как теперь.

Муж (Анатолий Николаевич Колесников) захотел поговорить с директором. Но его не было на месте, посоветовали обратиться в отдел планктона к заведующему Владимиру Николаевичу Грезе.

В кабинете он увидел симпатичного стройного молоджавого мужчину в очках, который увлеченно «колдовал» над большими таблицами, разостланными на столе. Представившись, муж поведал ему о большом желании работать в таком институте. Дело в том, что после окончания в 1940 г. Казанского государственного университета с красным дипломом по специальности зоолога-гидробиолога А.Н. был направлен на Мурманскую биологическую станцию младшим научным сотрудником. Студентом проходил практику на Белом море, на Новороссийской биостанции, бывал на Севастопольской биостанции. Однако, вскоре грянувшая страшная война, которая, как говорится, смешала все карты. Молодой специалист с первых же дней ушел на фронт и артиллеристом провоевал до самой Победы. Но демобилизовался лишь в конце 1946 г. после войны с Японией и службы на Чукотке. Вернулся в Казань к тяжелобольной матери. После

окончания аспирантуры и защиты диссертации работает доцентом на кафедре зоологии Казанского ветеринарного института, тематика которой далека от гидробиологии. Постоянно контактирует с кафедрой зоологии КГУ, по приглашению заведующего проф. Вагина В.Л. принимал участие в трёх научных экспедициях (1960-1962 гг.) в Заполярье и Средиземное море на судне «Батыйск» в качестве начальника биологического отряда.

Выслушав его, Владимир Николаевич сказал, что такой сотрудник подошел бы отделу, пообещал поговорить с директором, а если будет вакансия, даст знать. И сдержал своё слово. Уже в августе пришло письмо с предложением срочно выслать документы для прохождения по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в отдел планктона. Заодно сообщалось о возможности принять жену (Куликову Н.М.), тоже по конкурсу ботаником в отдел бентоса. Вскоре было получено уведомление о положительном прохождении конкурса и вызове на работу, Колесников В.А. быстро собрался и выехал. На вокзале его встретил Владимир Николаевич, помог устроиться в гостиницу. В отделе выделили рабочее место, познакомился с сотрудниками. Обсудили с Владимиром Николаевичем тему и предварительную программу исследований.

Через некоторое время Колесников получил ключи от двухкомнатной квартиры в только что сданном доме на ул. Курсантов у самого моря. Я занимала должность доцента на кафедре геоботаники Казанского университета и могла освободиться только в январе Нового года после зимней сессии.

Владимир Николаевич познакомил Толю со своей женой Ираидой Ивановной и, учитывая, что человек пока в одиночестве, пригласил его на празднование Нового, 1964 года в свою семью. Всё сказанное свидетельствует о таких чертах характера как доброжелательность, понимание положения опекаемого человека, желание создать атмосферу семейного окружения.

В 1964 г. начала работу многомесячная советско-кубинская экспедиция. В её составе было несколько планктонистов, в том числе и Колесников А.Н. Так, благодаря В.Н. Грезе начала осуществляться его заветная мечта. В.Н. внимательно следил за работой сотрудников на Кубе, помогал советами.

В лаборатории к созданию Института набралась молодежь с университетскими дипломами. Одни из них поступили в аспирантуру, других зачислили на должности лаборантов. Владимир Николаевич очень ответственно относился к сбору и интерпретации научных материалов. Став заведующим, хотел поближе узнать каждого сотрудника, его научный потенциал и не очень торопился с переводом в научные сотрудники. В связи с этим вспоминаю курьёзный случай. Институт посетил наш непосредственный начальник академик-секретарь АН УССР А. Топачевский. Беседуя с сотрудниками, он высказал удивление, что Петипа Т.С. (*внучка артиста балета и балетмейстера Мариуса Петипа – прим. авт.*), опубликовавшая более десяти научных статей, всё ещё лаборант: «Как уже сложившийся учёный прозябает в лаборантах?». Конечно, порекомендовал смелее переводить успешную молодежь в научные сотрудники.

В 1968 г. В.Н. Грезе после избрания его членом-корреспондентом АН УССР стал директором ИнБЮМ. Этому обрадовался В.А. Водяницкий, вынужденный уйти в отставку из-за тяжелой болезни, потому что его главным условием было, чтобы преемником был только гидробиолог, придерживающийся аналогичных с ним взглядов относительно связи теоретических исследований с практикой (см. В.А. Водяницкий. Записки натуралиста. М., «Наука», 1975).

Я в это время занимала должность ученого секретаря и ежедневно общалась с Владимиром Николаевичем. С ним легко было работать. Истинный интеллигент, широко образованный, всегда подтянутый, вежливый и корректный в общении, он никогда не позволял себе повысить голос, выплеснуть отрицательную эмоцию.

За всю свою жизнь я не встречала такого скромнейшего человека. Видный ученый с высоким званием, он никогда не афишировал себя и не пользовался положением. В институте появилась служебная легковая машина, Владимир Николаевич не брал её для своих нужд. В обеденный перерыв ходил домой пешком или ехал на троллейбусе. Из командировок часто возвращался на рейсовом автобусе или такси. В декабре 1975 г. у Владимира Николаевича был юбилей. От имени ИнБЮМ и Крымского отделения Всесо-

юзного гидробиологического общества родственным учреждениям и другим инстанциям было разослано сообщение о том, что 9 декабря 1975 г. исполняется 60 лет со дня рождения и 35 лет научной и общественной деятельности директора ИнБЮМ АН УССР, члена-корреспондента АН УССР, доктора биологических наук Владимира Николаевича Гресе с припиской «по просьбе юбиляра официального чествования не будет». Насколько помню, и Ученого совета по этому поводу не проводилось. Но банкет в ресторане всё же состоялся. Было приглашено много сотрудников не только научных, но и секретариата, отдела кадров, хозчасти.

В отделе бентоса работала старшим научным сотрудником жена Владимира Николаевича Ираида Ивановна, изучавшая морских амфипод. Эта симпатичная доброжелательная женщина как-то расположила меня к себе и даже стала опекать. Ведь я попала в совершенно новую среду, должна была за короткий срок из сухопутного ботаника превратиться в морского фитобентосника.

Наступил черёд мне выйти в море. Ираида Ивановна предложила пойти вместе с ней на институтской фелюге. Была ещё зима, море холодное, неприветливое, захлёстывают волны. Она тщательно проинструктировала меня, как вести себя, одеться, что взять для сбора материала.

По договоренности с Калугиной А.А., которая должна была организовать лабораторию фитобентоса, мне предстояло заниматься морскими цветковыми растениями, прежде всего, зостерой. Уточнив, как проводить сбор и обработку материала, я с волнением погрузилась на фелюгу.

Предстояло посетить ряд севастопольских бухт. Команда рыбаков на фелюге благожелательная, помогла собирать материал. Через несколько часов мы с уловом, довольные, вернулись в Институт. Ираида Ивановна и другие сотрудники поздравили меня с первым рейсом. Потом я освоилась и спокойно ежемесячно собирала зостеру, чтобы проследить её рост на разных глубинах.

С Ираидой Ивановной постоянно общались и не раз выходили в море. Это была скромная, трудолюбивая, влюбленная в своих морских питомцев, женщина. Она могла круглосуточно не покидать лабораторию, если этого требовала необходимость: например, наблюдения за яйцекладками амфипод.

И.И. любила во всём порядок и чистоту. Без посторонней помощи убирала свою квартиру и содержала её в идеальном состоянии, даже стены мыла перед праздниками. Периодически организовывала генеральную уборку в лаборатории. Помню, однажды она даже пострадала: сильно поранила ногу краем толстого стекла, упавшего от шкафа во время мытья, так что пришлось срочно накладывать швы. Старалась сделать приятное коллегам ко дню рождения. Например, мне подарила живые благоухающие ландыши в красивом вазончике, заранее купив на рынке корневища и вырастив их к началу февраля.

Став женой директора (когда В.Н. был избран на эту должность), никогда не афишировала этого и не вмешивалась в его служебные дела (А что греха таить, ведь нередки случаи, когда жены начальников «суют свой нос, куда не следует»).

Элегантная, скромная, тактичная, рассудительная Ираида Ивановна всегда пользовалась уважением коллег. Мы сблизились и подружились семьями. Отмечали вместе большие праздники и Новый год. В компанию входили ещё супруги Кондратьевы Тамара Мироновна и Владимир Антонович, Николаевы Валентина Митрофановна и Аскольд Трифонович.

Главным организатором всегда выступала Ираида Ивановна, давала задания, кому что купить, приготовить. Обычно собирались в их квартире, да и основные хлопоты ложились на Ираиду Ивановну. После застолья – непринужденный отдых, разговоры о том, о сём, рассказы о комических случаях из жизни, весёлые игры (чаще шарады как миниспектакли). Вспоминаю один из новогодних вечеров, на который были приглашены Парухины – Амур Макарович и Алла Васильевна. Состоялся импровизированный концерт. У Амура оказался приятный тенор. Он исполнял романсы под аккомпанемент жены, А.Н. Колесников вдохновенно читал стихи Есенина.

Не забывали и вылазки «на природу». Несмотря на большую загруженность Владимира Николаевича, он выкраивал время, чтобы вместе с семьёй и сотрудниками выехать в лес (поездки организовывал местком) или просто прогуляться по степи пешком в район Омеги, где можно было пособирать незнакомые

степные растения для определения, беспозвоночных для музея в Университет, просто развести костерок, поджарить охотничьи сосиски, поиграть в мяч, попить чаю из термоса. В то время в степи ещё не было строений. Когда В.Н. купил машину (Жигули первой модели, итальянскую), выезжали в разные места. Помню 5 декабря 1971 г. (был День Конституции) мы выехали кавалькадой из трёх машин (Грезе, Кондратьевы, Николаевы, Колесниковы) на Сухую речку. День выдался солнечный, теплый. На широкой поляне Владимир Николаевич и его дочь Лена тренировались в вождении машины, остальные просто гуляли в ближайшем леске, играли в мяч. Как обычно, закусили заранее приготовленными бутербродами, пили чай.

Позднее Грезе приобрели садовый участок с домиком, трудились там. Правда, Владимир Николаевич сетовал, что семья не разрешает ему перегружаться физически из-за болезни сердца и поручает только легкую работу. Как-то я застала его за покраской забора на даче. Как семьянин, В.Н. заботился об обеспечении продуктами. Ираида Ивановна рассказывала, что перед отъездом в командировку он не забывал полностью загрузить холодильник.

А вот уделять большее внимание ему, как хотелось бы жене, он не соглашался и отказывался даже при недомогании. Но сердце, видимо, давало себя чувствовать. На работе он иногда жаловался на боли. Да и стрессы как отрицательные, так и положительные, не проходили бесследно: это и необходимость существенного сокращения штатов («это как бы резать по живому») и задержки со строительством радиобиологического корпуса и нового корабля. А сколько нервов и сил потребовала подготовка и проведение 100-летнего юбилея ИнБЮМ! И столь неожиданная скоропостижная преждевременная смерть самого близкого человека и друга Ираиды Ивановны.

В результате сердце не выдержало, 26 января 1988 года Владимир Николаевич ушел из жизни. Это был шок для всех знающих видного ученого и администратора – Человека с большой буквы.

Никогда не угаснет светлая память о нём у друзей и коллег.

Январь 1914 г.

ОЛЕГ ГЛЕБОВИЧ МИРОНОВ,
доктор биологических наук,
профессор

Мои воспоминания о В.Н.Гресе

Зимой 1972 г., будучи в экспедиции на НИС «Академик Вернадский», получаю радиограмму с предложением после окончания рейса занять должность замдиректора ИнБЮМ по науке. Подпись – директор Гресе. С этого

времени началось мое многолетнее сотрудничество с Владимиром Николаевичем Гресе.

Когда он сменил на посту директора В.А. Водяницкого, было мнение, что Владимир Николаевич для этой должности слишком мягкий и нерешительный. Запомнилось в этой связи кулуарное высказывание его половины Ираиды Ивановны: «Вы его не знаете. Он может быть твердым и даже жестким». Это у него проявлялось изредка, когда дело касалось организационных мероприятий, например, сокращения сотрудников института по указанию из Академии – привести состав института в соответствие с выделенным финансированием. Когда же вопрос касался его лично, он никогда не «применял власть». Время было сложное, везде были лимиты, в том числе и на бензин. Частенько замдиректора по общим вопросам не давал Владимиру Николаевичу директорскую легковушку: «У меня бензина нет, пусть сам покупает, если хочет ездить». Такая наглость вызывала тихое возмущение в институте. «Вот опять потопал пешком домой».

Несмотря на многолетнее сотрудничество, в памяти остались лишь отдельные фрагменты: «Олег Глебович, с Вас руб., и вот Вам абонемент на футбол (книжечка на весь сезон). Мне в Горкоме дали для распространения под персональную ответственность. Футбол у нас партийный вид спорта и мы должны его поддержать. Надо подумать, кому еще предложить, а то придется самому все выкупать» или «Приезжая в Киев, прежде, чем идти в Академию, иду на Владимирскую горку к своему святому – пусть поможет».

Идет строительство радиобиологического корпуса. Как всегда в авральном режиме завершается очередной этап. Работы идут 31 декабря. Владимир Николаевич: «Надо посмотреть, что делается, да и поздравить с Новым годом. Вот тут у меня ... (вижу на столе батон «Любительской» колбасы, еще той, советской)». Бегу в 45 гастронорм, беру водку, и мы едем в Мартынову бухту. Вечереет, тишина, ходим по этажам и, наконец, находим нескольких строителей, сидящих за столом. Владимир Николаевич говорит пару приветственных фраз, под восторженные взгляды оставляем снедь, и торопимся к своим семьям.

1 Мая 1974 г. Справа налево: В.Н. Грезе, О.Г. Миронов, Г.Г. Поликарпов.

Престольные праздники 1 Мая и 7 Ноября. Начальство должно идти на демонстрацию впереди институтской колонны. Но до прохождения перед трибуной приходится часами стоять на месте. Одно такое стояние кто-то запечатлел на фото.

Директору приходилось подписывать большое количество бумаг. У

Владимира Николаевича была своя методика подписывания однотипных бумаг. Он их складывал в стопку и начинал подписывать с нижней, последовательно опуская вышележащие листы. Получалось быстрее. Однажды после десятков подписей он в сердцах заметил: «Молоко бы надо давать за вредность!».

Запомнился Владимир Николаевич в неофициальной обстановке. Отмечали мое сорокалетие в арендованном помещении на ул. Новороссийской. Народу собралось много. Только сотрудников отдела морской санитарной гидробиологии свыше 30 человек. Было шумно, но когда поднялся Владимир Николаевич, стало тихо, т.к. он всегда говорил, не повышая голос. Владимир Николаевич подарил мне миниатюрную настольную композицию. Нептун, в одной руке которого был трезубец, а другую он

облокотил на бочонок с вином. На нем Владимир Николаевич крупно написал: «Нефть». Глядя на эту композицию, ко мне и пришли воспоминания, которые изложены выше.

Ноябрь 2013

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОКАРЕВ,
доктор биологических наук,
профессор

Несколько Уроков Человечности

Чем дальше уносит нас время от памятных для каждого событий, тем ярче проявляются те их характерные особенности (нюансы, как теперь модно говаривать), которые, собственно, и выделяют их в незабываемые для нас.

Одним из таких событий для меня стала встреча с выдающимся советским гидробиологом, доктором биологических наук, профессором, членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР Владимиром Николаевичем Грезе и незабываемые годы работы в возглавляемом им отделе планктона ИнБЮМ.

На работу в ИнБЮМ меня, тогда сотрудника 5-го отдела Краснознамённого Черноморского Флота, достаточно неожиданно пригласил кандидат биологических наук Эдуард Павлович Битюков по рекомендации моего преподавателя в Севастопольском Приборостроительном Институте, кандидата физ.-мат. наук Михаила Львовича Фиша. После довольно обстоятельной беседы Эдуард Павлович предложил пройти к его начальнику (и учителю, поскольку именно у него Э.П. закончил аспирантуру в Ленинградском Государственном Университете и защитил кандидатскую диссертацию), заведующему отделом планктона ИнБЮМ Владимиру Николаевичу Грезе для согласования моей кандидатуры на должность старшего инженера данного отдела. Постучав в дверь его кабинета и получив разрешение войти, я

вслед за Э.П. робко протиснулся в небольшое пространство обитания «шефа». Из-за стола медленно поднялся пожилой лысый мужчина и, поздоровавшись, предложил нам присесть. После представления меня Э.П. он удивительно буднично, тихо и скромно минут 5 беседовал со мной исключительно (!) о моих семейных делах, родителях, прежних местах работы. Затем он поднялся и предложил лично провести нас к директору ИнБЮМ, его «отцу-основателю», выдающемуся учёному-энциклопедисту, члену-корреспонденту АН УССР Владимиру Алексеевичу Водяницкому для окончательного решения о приёме меня на работу. Так втроем мы и вошли в кабинет «мэтра».

За массивным столом сидел седой, красивый немолодой уже человек и разбирал какие-то бумаги. Рядом стоял ещё один стол с шахматными фигурами и раскрытой книгой шахматных партий. Вся левую стену высокого кабинета занимали стеллажи с книгами, которые, как я позже выяснил, являлись частью отобранных лично Владимиром Алексеевичем из трофейных, вывезенных из Германии библиотек, взамен уникальных изданий, собранных по всей Европе первым директором СБС академиком А.О. Ковалевским и безвозвратно утерянных в годы военного лихолетья. Мэтр поднялся, вышел из-за стола, пожал всем руки и предложил садиться. После краткой вступительной речи Э.П. и рекомендации Владимира Николаевича, Владимир Алексеевич поздравил меня с приёмом на работу в ИнБЮМ, особенно подчеркнув выпавший мне шанс войти в замечательный коллектив отдела планктона, и пожелал «успехов в творчестве и стойкости в творческих неудачах». Много лет прошло с той поры, но до сих пор у меня в ушах слышится это напутствие мэтра, которое стало таким пророческим и не раз понадобилось мне, особенно во второй его части... Более всего, однако, тогда меня потрясла сама будничность исторического для меня шага – стать членом легендарного коллектива ИнБЮМ. Какая душевность, обаяние и интеллигентность руководства! Каков масштаб личностей! Какой разительный контраст с тем, что окружало меня до той поры на прежних местах моей трудовой деятельности! Уже много позже я узнал, что таков был порядок приёма на работу в СБС, введён-

ный академиком А.О. Ковалевским, и которого неукоснительно придерживались все её директора. Все сотрудники СБС – от уборщицы до заведующих научными подразделениями - принимались на работу директором после личной беседы с ним!

Шли годы. Проработав несколько лет в прекрасном коллективе кабинета биолюминесценции отдела планктона и побывав уже в паре океанических экспедиций, я «созрел» для написания своей первой научной статьи. Самомнения в молодые годы мне было не занимать, и я подготовил «классную», как мне казалось, статью по оптическим характеристикам культур водорослей. Естественно, перво-наперво, я показал её Эдуарду Павловичу, который просмотрел, сделав некоторые замечания, и предложил передать её Владимиру Николаевичу на рецензию, прежде чем на производственном совещании отдела ей бы был вынесен окончательный вердикт. Такая выверенная годами последовательность представления рукописи к печати была великолепным фильтром против серости псевдонаучных публикаций, гнусности плагиата, тиражирования полученных однажды результатов в разных изданиях и т.д. Вернёмся, однако, к собственному уроку. Поскольку Владимир Николаевич уже был директором Института, я отнёс рукопись статьи в его кабинет заведующего отделом планктона и оставил там. Прошло 2 дня и вдруг меня вызывают в приёмную директора, где вручают какой-то пакет. Распаковав его, я обнаружил свою статью с буквально раздавившим меня множеством поправок и замечаний, а также пару книг по актуальным проблемам гидробиологии. Я был в шоке! Мне, круглому отличнику в словесности, было сделано унижительно много редакторских правок! На полях рукописи рукою Владимира Николаевича было начертано «Статья нуждается в существенной мелиорации»...В крайне подавленном состоянии я вошёл в кабинет Э.П. и показал ему вердикт шефа. Просмотрев все замечания, Эдуард Павлович принялся утешать меня тем, что к его статьям шеф ещё более взыскателен. Разумеется, это не могло утешить меня, а ещё более раззадорило, в голове пронеслась протестная мысль об увольнении. Немного поостыв, однако, я принялся внимательно вчитываться в высказанные шефом заме-

чания и постарался следовать им. Не прошло и недели, как я ... полностью с ним согласился. Нет, неспроста Владимир Николаевич прислал мне книги для «биологического образования»! Мне его действительно не хватало и он мне тонко, не обижая менторским снисхождением, указал на это. Список моих работ сегодня далеко перевалил за 200, но каждую свою работу я мысленно сверяю с матрицей соответствия целей и задач научной статьи форме и содержанию её представления, в неукоснительные правила которой посвятил меня шеф.

Прошёл ещё год, коллектив нашей уже лаборатории в составе отдела планктона выполнил первую крупную хоздоговорную тему по повышению эффективности рыболовных светильников, подтвердив гипотезу Э.П. Битюкова об использовании рыбами поля биолюминесценции в тёмное время суток для пространственной ориентации и удерживании в стаях. Успех превзошёл все ожидания! Уловистость светильников, спектр которых имитировал поле биолюминесценции, увеличилась на 15-20%! Тонкость, продуманность и тщательность экспериментальной работы, применение уникальной аппаратуры для оценки спектра видности глаз рыб в воде, впервые в мире разработанный нами (В.И. Василенко и мною) спектробаيوفотометр, полученные справки об экономическом эффекте, премии... Мы с Володиёй Василенко стали известны и были везде востребованы. Голова закружилась от успеха! Тут и пришло предложение от Главка АзЧерРыба помочь в создании оптической лаборатории и её укомплектовании соответствующей техникой, разработке методик метрологической аттестации аппаратуры. Денег предложили сразу вдвое больше, чем получали мы в ИнБЮМ. Но уходить мы категорически отказались! Предложение изменили в сторону увеличения, но мы были непреклонны – из Института не уйдём. Тогда нам предложили работу по совместительству, на 0,5 ставки. Тут уже колебаний не было – мы согласились. Одна загвоздка – как получить согласие заведующего лабораторией и дирекции ИнБЮМ? Ни я, ни Володя не решились подойти с подобной просьбой к Эдуарду Павловичу, а тем более - идти с нею к Владимиру Николаевичу. Не обвинят ли нас в предательстве

интересов коллектива? Шли дни, а вариантов решения проблемы не появлялось. И тут главный энергетик института, участник жарких блицевых шахматных баталий в нашем коллективе, друг которого работал в АзЧерРыбе, доверительно предложил нам помощь в получении подобного разрешения дирекции. Мы тут же написали соответствующие заявления и на следующий день он вручил нам их с разрешительными визами руководства и печатями. Радости нашей не было предела, работа по созданию оптической лаборатории началась и каждый из нас выставил главному энергетика по бутылке коньяка!

Через месяц мы получили первую зарплату и я купил домой магнитоу – давнюю мечту моей жены! Жизнь удалась!!! Когда нас с Володей вызвали к директору в кабинет, нам казалось, что золотая цепь удачи сейчас пополнится очередным звеном. Войдя в кабинет, мы, однако, несколько опешили: за столом сидели секретарь партийной организации Александр Викторович Чепурнов, главный бухгалтер Татьяна Корнеевна Крайняя и зам. директора по общим вопросам Иосиф Анатольевич Пастернак. Все сидели молча и старались не смотреть в нашу сторону. После затянувшегося молчания, медленно, с нескрываемой грустью и сожалением в голосе Владимир Николаевич вдруг произнёс: «Как же Вы дошли до жизни такой?». Мы были ошарашены настолько, что потеряли дар речи! Какой такой? Мы растеряно переглянулись. И тут слово взял Иосиф Анатольевич. По его словам, мы подделали документы и незаконно приобретали материальные блага в другой организации. Вот это поворот! Я и мой товарищ – преступники?! За нас неожиданно вступилась Татьяна Корнеевна: «Но ведь печати подлинные и не они их рисовали. Кроме того, налоги с них удержали». Из дальнейшей беседы выяснилось, однако, что подписи директора и иные согласования на документе были действительно подделаны нашим партнёром по шахматам! Но выдать его мы не могли! Сидевший молча секретарь парторганизации ждал, как и все остальные, что скажет директор. Неожиданно громко Владимир Николаевич, поняв наше состояние и не дожидаясь наших оправданий, сказал следующее: «Вы ещё молодые люди и сейчас проходите

сложный урок жизни – разочарования в людях. Этот урок проходят все и не единожды, но с разными издержками. Дай Бог, чтобы они у Вас были минимальны. Никогда не идите на сделку с Совестью!» и сразу обратился к Иосифу Анатольевичу: «Какова утечка этой информации?». «Кроме присутствующих об этом не знает никто» – ответил А.А. Пестернак. – «Тогда замените документы на подлинные и пусть ребята доведут работу до конца» - неожиданно заключил директор. Мы с Володей были потрясены осознанием того, через какую пропасть перенёс нас этот вердикт! Откуда мне было знать тогда, что пройдя суровую школу жизни, вместившую предательство друга и поражение в правах, Владимир Николаевич просто не мог поступить иначе! Он не жалел пацанов, он учил их жизни! Много разных должностей занимал я впоследствии, но этот урок мудрости и человечности всегда был для меня эталоном и ориентиром, даже при общении с законченными подлецами...

Проработав несколько лет, имея несколько публикаций, отплавав уже на всех научно-исследовательских судах Академии наук и значительно «заматерев», как опытный морской волк, многократно пересекший экватор и посетивший множество стран, я неожиданно получил предложение от Эдуарда Павловича (несомненно, согласованное с Владимиром Николаевичем) полностью переключиться на научную работу и принять участие в конкурсе на должность младшего научного сотрудника (мнс) отдела планктона. Я не сомневался ни минуты, поскольку втайне мечтал об этом! И вот я «мнс», имею статус соискателя с утверждённой Учёным советом темой диссертации. На моё имя приходит приглашение принять участие во Всесоюзной конференции по биологии шельфа во Владивостоке, приуроченной к 5-летию создания Института биологии моря (ИБМ) – тезисы моего доклада одобрены научным комитетом Конференции. Я никогда не был на Дальнем Востоке и, честно говоря, не рассчитывал туда попасть. Но, из всех представленных докладов, только доклады Виктора Евгеньевича Заики, Людмилы Ивановны Сажиной, Александра Васильевича Ковалёва и...мой были отобраны для данной Конференции. Возглавил делегацию нашего

Института её директор – Владимир Николаевич Грезе, входивший в состав Организационного и Научного Комитетов и которого принимали там, как родного всем человека. Директор ИБМ Алексей Викторович Жирмунский буквально не отходил от него ни на шаг! Вся «питерская» делегация, во главе с директором Зоологического Института Орестом Александровичем Скарлато (имевшего за внешность прозвище «римлянин») и Президентом Всесоюзного Гидробиологического общества Георгием Георгиевичем Винбергом постоянно искала с ним встречи и привлекала его к обстоятельным дискуссиям. Надо отдать должное – марку Владимир Николаевич держать умел! Подчёркнуто вежливо, с неизменным уважением к собеседнику он чётко объяснял необходимость сохранения Институтами выбранного его основателем, Владимиром Алексеевичем Водяницким, биопродукционного направления исследований. При этом он тонко чувствовал важность и своевременность появления в гидробиологии иных взглядов и представлений. Именно в его отделе были начаты исследования различных аспектов функционирования планктонных сообществ, ныне успешно развиваемые в созданных по его инициативе отделах «Функционирования морских экосистем», «Экологической физиологии водорослей» и др.

Но всякие конференции когда-нибудь заканчиваются. Гостеприимные хозяева устроили грандиозный банкет на своей базе на острове Попова с вручением каждому презента – коробки с «дефицитами»: консервами икры, крабов, различной рыбы. Столы ломились от различных копчёных и жареных деликатесов, румынских и болгарских сухих вин. Учёные состязались в тостах, прославляющих организаторов конференции. Наконец, подали ноги камчатских крабов – главного сюрприза банкетного стола. На чей-то невинный вопрос – откуда здесь берутся крабы таких размеров, поскольку они тут не водятся, Алексей Викторович Жирмунский спокойно ответил: «У нас на острове есть соседи – крабовый завод при лагере женщин, направленных на спецпоселение. Женщины разделявают крабов и начальство презентовало часть этой продукции нам». Объяснение всех устроило и...только Владимир Николаевич изменился в лице. Он

медленно встал и вышел из-за стола. К нему тотчас с какими-то объяснениями кинулся Алексей Викторович, но за стол они оба уже не вернулись. Многие сочли это за достижение сытости обоими и не стали обращать внимание, продолжив шумное застолье. Возвратившись в гостиницу, я, однако, поинтересовался у Владимира Николаевича состоянием здоровья и причиной внезапного прекращения трапезы. Внимательно посмотрев на меня, он сказал, что не хотел быть причастным к омерзительному унижению человеческого достоинства. «Вы бы посмотрели на руки тех, кто разделяет крабов! На них нет живого места! И вот у этих несчастных женщин забрали часть заработанной каторжным трудом продукции, чтобы порадовать интеллигентов от науки!». Я был готов провалиться сквозь землю, так мне стало стыдно за моё праздное веселье за хлебосольным столом конференции...

Прошло несколько лет и при моём председательстве в Местном комитете ИнБЮМ нашему Институту выделили несколько квартир в недавно построенном доме Морского гидрофизического института. Вопросов было много, поскольку большая очередь на квартиры в Институте продвигалась очень медленно. Люди запасались различными справками о льготах, письмами в поддержку своих кандидатур, решениями профсоюзных собраний и т.д. ИнБЮМ бурлил, начались, как всегда бывает в таких случаях, письма различных «групп» в компетентные органы. Разумеется, партийная организация Института и его общественные организации также лоббировали некоторые кандидатуры. В общем – назревали крупные неприятности и, казалось, достойного решения «квартирного вопроса» нет и быть не может. Между тем было жаркое лето, многие сотрудники были в отпусках и, в частности, я работал практически в одиночестве в помещении «под крышей», одном из самых верхних помещений Института - комнате № 65. Неожиданно в комнату постучали. Я обернулся и, к моему нескрываемому удивлению, увидел на пороге запыхавшегося директора ИнБЮМ Владимира Николаевича Грезе: «Владимир Николаевич, зачем Вам подобная нагрузка при Вашем сердце! Почему не позвонили, я бы сам к Вам пришёл?!».

Отдышавшись, он спокойно ответил: «Сердце сердцем, но если из-за квартир мы потеряем головы, то зачем оно нам? У меня в кабинете работать конфиденциально невозможно – всё время посетители. Я выбрал иную схему – мы ещё раз уже только с Вами реально обсудим весь список и примем, по возможности, наиболее справедливое решение, которое будем совместно отстаивать во всех инстанциях. Почему я это решил сделать именно с Вами? Потому, что Вы лично лицо не заинтересованное и не претендующее на квартиру. К тому же, как выбранный коллективом Председатель Месткома, Вы гораздо ближе к массам, что в данном случае немаловажно». Надо ли говорить, что уже в течение часа все вопросы были решены и урегулированы! Владимир Николаевич, досконально изучив все документы и все нюансы отечественной юриспруденции по данному вопросу, обоснованно предлагал различные варианты распределения жилья, строго при этом соблюдая главный Закон – Справедливость! Я был буквально сражён его эрудицией в Гражданском праве! Докладывая впоследствии на комиссии Горисполкома Севастополя достигнутое в ИнБЮМ решение по квартирному вопросу, я не получил ни единого вопроса, что свидетельствовало о его тщательности и продуманности. Для меня, однако, гораздо большим событием явился преподанный мне Владимиром Николаевичем урок нестандартного подхода к решению ситуаций, возникающих в административной работе. Главное в любом деле не только результат, сколько то, каким путём он достигается и во имя чего. Ради этого можно пренебречь и субординацией, и реглациями. Главное – всегда оставаться Человеком.

Одна из наиболее памятных и, к сожалению, одна из последних встреч с Владимиром Николаевичем произошла в период Горбачёвской перестройки. В стране вовсю началась борьба с пьянством. За выпивку на работе исключали из партии, за постдиссертационные банкеты со спиртным лишали диссертаций. Практиковались и всецело пропагандировались безалкогольные свадьбы...Решено было учредить Всесоюзное Общество Трезвости и его филиалы в каждом городе и районе. В один из таких дней я был вызван на Бюро Городского комитета КПСС, где мне

было предложено, как заместителю секретаря партийной организации ИнБЮМ по идеологии, сообщить Владимиру Николаевичу Грезе о высоком доверии коммунистов Севастополя - назначить его Председателем Городского Общества Трезвости.

Владимир Николаевич работал в своём кабинете заведующего отделом, готовил очередную монографию и его рабочий стол был обложен кипами различных бумаг и литературы. Постучавшись, я бодро вошёл и, поздоровавшись, смело изложил Владимиру Николаевичу решение Бюро Горкома. Грустно посмотрев на меня, Владимир Николаевич предложил мне присесть и начал тихо говорить: «Юрий Николаевич! К сожалению, если я соглашусь на данное предложение, то по своему характеру и привитым мне с детства привычкам, решительно не смогу употреблять спиртное. Между тем, после смерти супруги, это единственная отдушина, кроме работы, которая мне осталась. Да и для моего здоровья это, иногда, просто необходимо. Не лишайте меня, голубчик, этой радости в жизни». Ну как можно было не согласиться с доводами Учителя. Засмеявшись, я пожелал Владимиру Николаевичу доброго здоровья и...пошёл на поиски иной кандидатуры на пост Председателя Городского Общества Трезвости. Разумеется, таковая была найдена и сообщена в Горком. Там поначалу потребовали объяснений о причинах невыполнения партийного поручения, но я нашёл достаточные аргументы в пользу замены.

Вот уже четверть века с нами нет Владимира Николаевича Грезе. Большой учёный и крупный руководитель, он запомнился своим ученикам, прежде всего, нравственным началом, принципиальностью и уроками человечности. Именно «человечности» в её понимании В.И. Далем и С.И. Ожеговым, которые дают ей следующее толкование: «отношение к людям, проникнутое состраданием и любовью к человеку, заботой о его благе, уважением к человеческому достоинству». Именно в этом была квинт-эссенция всей жизни Владимира Николаевича.

**ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
ШУЛЬМАН,**

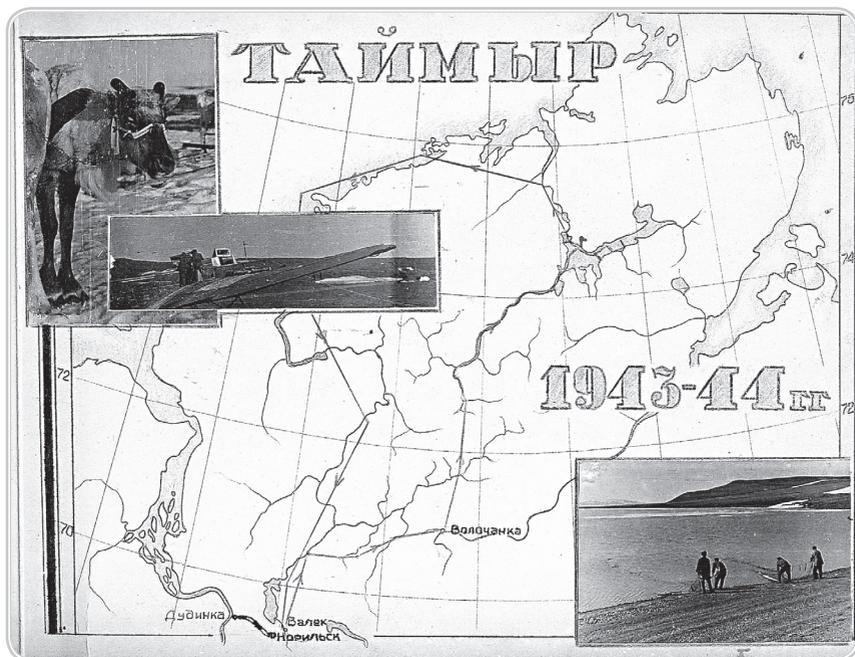
член-корр. НАНУ,
доктор биологических наук,
профессор

Владимир Николаевич Грезе

Когда думаешь о Владимире Николаевиче Грезе, то первое, что вспоминаешь – это два его необыкновенных качества: скромность и порядочность. Будучи крупным ученым, директором одного из лучших в Мире морских биологических институтов, Владимир Николаевич никогда не «выпячивал» свою значимость, и в наше время это казалось странным и необычным. А ведь годы его плодотворной деятельности в Севастополе, особенно почти десятилетнего руководства Институтом биологии южных морей были огромным вкладом в морскую биологическую науку. Что греха таить – с какой «значительностью» и «достоинством» несет себя в Мир Науки подавляющее большинство ученых деятелей разного качества и калибра! И невольно вспоминаешь слова Великого Льва Толстого о том, что человек – это дробь, в котором числитель – то, что ты собой представляешь, а знаменатель – то, что ты о себе думаешь. А для того, чтобы дробь была велика (это я уже добавляю от себя) нужен не только ум, но и чувство юмора, то есть умение посмотреть на себя со стороны. Оба эти качества были у Владимира Николаевича в превосходной степени. Негромко и деликатно вел Владимир Николаевич сложный и противоречивый коллектив сквозь «рифы» непростой действительности. И в эти годы в институте не было катаклизмов и склок, характерных для любого научного «серпентария». Даже в Киеве в Академии Наук такая ситуация в Севастополе казалась непривычной, что и стало подтверждением многочисленных неурядиц, которые возродились после того, как Владимир Николаевич оставил свой высокий пост. Но

неправильно думать, что у него был мягкотелый характер. Когда нужно, он мог восстановить равновесие «железной» рукой.

А ведь жизнь этого человека была далеко не простой. Попав в конце 30-х годов под «сталинский каток», он выдержал все невзгоды и участвовал в Великой Отечественной войне. А затем долго и плодотворно работал в Сибири, став известным пресноводным гидробиологом. И какое счастье для севастопольцев, что Владимир Алексеевич Водяницкий, обладавший при всех своих выдающихся качествах, еще и гениальной интуицией, разглядел в пресноводном ученом будущего замечательного морского исследователя.

*Первая страница фотоальбома В.Н. Грезе
о Таймырской экспедиции*

В.Н. Грезе

ТАЙМЫР

(Экспедиционная повесть)

*Светлой памяти Льва Лобовикова –
товарища многих дней пути,
ихтиолога и танкиста, в боях за
Родину павшего смертью храбрых.*

I. У карты.

В одной из лабораторий Института когда-то висела карта. В свободные минуты мы любили подойти к ней, припомнить старые свои маршруты, окинуть единым взглядом широкую и прекрасную нашу землю, по которой прошли не одну сотню ки-

лометров. При взгляде на синие змейки рек, на голубые пятна озёр каждому вспоминались долгие дни экспедиций, стоянки в цветущей весенней тундре, вечерние костры на берегу таёжных озёр, свежий ветер на широких плёсах.

У этой карты любили обсудить новый далёкий маршрут, и закоренелые бродяги с загорающимися глазами начинали сыпать экзотическими названиями неизведанных ещё уголков нашей Родины. Прикидывали расстояния, сроки, спорили о планах маршрутов.

Около этой карты в 1940 году появилась мысль об исследовании Таймырского озера.

Под 74-м градусом северной широты, в самом центре Таймырского полуострова обозначен был водоём, площадь которого, судя по карте, должна была немногим уступать крупнейшим озёрам Союза. Мощная водная магистраль Верхней и Нижней Таймыры, протекая через озеро, соединяла его с Карским морем. Кругом простирались совершенно неисследованные области тундр. Ближайший населенный пункт – посёлок Хатанга – лежал на 300 км южнее. На побережье Карского моря, на таком же примерно расстоянии находились полярные станции Усть-Таймыра и Мыс Челюскин – самая северная точка Азиатско-Европейского материка. Центральный Таймыр был ещё почти совершенно «белым пятном», и на более подробной карте в этой области речки струились ещё робким пунктиром, проведённым по прихоти картографа.

Но если для географов это «белое пятно» уже начинало «сересть», то для гидробиологов, для рыбопромышленников, для гидрологов Таймырское озеро представляло полную загадку. Что таили в себе его воды? Может, бесчисленные косяки омуля входили в озеро, поднимаясь из Карского моря? Может, безжизненными, отравленными сероводородом были его глубины? На этот счет можно было строить только предположения, но и это было трудно, так как не было у нас в Союзе, да и на всём земном шаре пресного водоёма таких размеров, расположенного так далеко на севере. Для науки было загадкой, каков общий характер озера, каков его гидрологический режим, какими животными оно

В январе 1943 г., в Игарке, мы с Лобовиковым получили телеграмму. В ней сообщалось, что Норильский комбинат организует экспедицию на Таймыр, и нарком рыбной промышленности по просьбе Комбината предлагает направить нас в Норильск. Вскоре поступило приглашение из Норильска и то, о чём мы когда-то мечтали у карты в тихой лаборатории, неожиданно стало претворяться в жизнь.

Срочно закончили мы дела и вылетели в Дудинку. Дальше до Норильска нужно было ехать по железной дороге. Вечером мы поместились в игрушечном вагончике хотя и узкоколейной, но самой северной железной дороги Дудинка – Норильск и утром уже увидели трубы норильских заводов, мешающими свой жёлтый дым с рваными тучами, клубящимися на вершине Шмидтихи.

После низких домиков, заметённых снегом, одиноких огоньков в замёрзших оконцах пустынных улиц заполярных станков мы увидели другую страну. Здесь были «Донбасс и Урал», пришедшие на 69-ю параллель, завоевавшие морозные тундры.

Дудинка родилась давно. О ней упоминает еще Миддендорф, бывший там сто лет назад. Норильск же живёт лишь первый десяток лет, но в отличие от Дудинки, он был рождён как город. Новенький голубой автобус, сошедший, будто с асфальтов Москвы, повез нас от вокзала по широким улицам каменных 2-4-х этажных домов. Вечером мы обедали в по-столичному оформленном зале столовой ДИТРа. За высокими окнами было видно, как пургой курились обрывы гор, клочьями рвался дым над индустриальными нагромождениями корпусов, труб, эстакад. Прохожие прятали носы и запахивали полы пальто, а в зале приятным теплом тянуло от электрических калориферов, расставленных между столиками.

В начале марта был окончательно выработан план похода и программа исследования Таймырского озера. Красным карандашом на карте обозначился наш маршрут. Он пролегал от Норильска через зимовье Чёрная речка по большой оленной дороге, пересекающей зимой юг Таймырского полуострова от Дудинки до Хатанги. В Волочанке – столице Авальской тундры – нам предстояло свернуть на север и выйти к реке Горбите – прито-

ку Верхней Таймыры. По ней с наступлением весны мы должны были достичь озера, спустившись к нему на привезённых лодках. Осенью самолёт должен был снять экспедицию.

Но так как успех осенних полётов на севере по неизвестной трассе гарантировать было нельзя, приходилось быть готовыми и к зимовке. Поэтому среди нашего снаряжения фигурировали резервные кули с мукой, радиостанция, ездовые собаки, пешни, нарты и многое другое ненужное летом оборудование, а в мастерской специально шились две палатки с тёплыми фланелевыми чехлами под брезентом.

Состав отряда определился в 6 человек: ихтиолога и начальника отряда – Лобовикова Л.Н., гидробиолога – автора этих строк, завхоза – Казнеделова И.Я., радиста и моториста Вавилова М.Т. и двух рабочих и рыбаков Фарифонова И.Ф. и Петлицина Н.В.

Перед нами стояли задачи: 1) общего знакомства с районом озера, с его климатическими, строительными и топливными условиями; 2) изучения возможностей судоходства в системе озера и рек Верхней и Нижней Таймыры и, наконец, 3) изучения возможностей рыболовства в этих водоёмах, определения их рыбных богатств.

II. Дальняя дорога.

Четырнадцатого апреля я ехал с зимовья Чёрная речка на станок Икон. С Лобовиковым пришлось на время разделить. Он остался заканчивать дела в Норильске, а я с двумя товарищами, частью груза и двумя лодками, добравшись самолётом в Чёрную, оттуда уходил в тундру на оленях, направляясь в Волочанку.

В тундре была весна. Местами бурели травы, а в тающих льдах лужиц и озерушек зеленел холодный и ветреный весенний закат. Груз уже давно был отправлен, и когда я приехал на Икон, Николай укладывал на нарты последние ящики. Оставалось совершить только традиционное чаепитие, без которого ничто не начинается в тундре. Неторопливо пьём чай с двумя каюрами-долганами, дожидаясь ночи. Они уже светлы теперь и по подмёрзшему с вечера снегу легче идут олени.

В 11 часов трогается наш караван-аргиш. Двое каюров ведут по пяти нарт, связанных цепочкой. Олени резво трясут перед глазами белыми «зеркальцами», пылят снегом и в 2 часа ночи мы прибываем на Абагалак – первый станок в пути, где стоят два нартяных чума-балка (Балок – в Сибири и на севере: передвижной дом на полозьях для временного жилья строителей, геологов и др.) на холме среди редких голых лиственниц. В один из них я иду ночевать. Хозяин старик-долган угощает чаем, спрашивает о новостях: – Как война теперь? Как наши, не слышал? Я рассказываю ему о Сталинградской битве. – Оо-о! Хоросо! Хоросо! – радуется он, – Так давно надо. Такой пурга надо как здесь: тундра ушёл – как слепой стал, не видать ничего. Тогда без войны немец весь пропал, подох!

Нартяной балок

Утром неторопливое пробуждение. Солнышко, лёгкий морозец. Пьём чай. Хорошо пить чай в тундре. В балке тепло от железной печурки. Открыты окошки. Видны холмы, тундра, низкорослые серые лиственницы, разбросанные по холмам. Лениво бродят олени.

Хорошо пьётся чай, крепкий и душистый. –Хоросый цяй, сапах хоросый! – хвалит наш подарок дед, заканчивая второй литр чая, – Век-то дородно такой цяй пить.

Чайник пустеет. Дед собирается «мало-мало шевелить». Втроём уходят ловить оленей. –Эге-эге-эге! - кричат они гортан-

но, сгоняя зверей в табун, и две чёрные собаки-оленегонки помогают, бегая вокруг и подгоняя отстающих оленей. Загонять и собирать оленей – единственная, но почетная задача этих собак. За эту работу в чуме им место у очага, а в пути, в большом аргише – на нарте, вместе с детьми, чайниками и котлами.

Собираются олени, запрягаются. Распутываются поводки, налаживаются лямки. Караван готов в путь. И снова покачиваешься, сидя на нарте, вытянув одну ногу вперед, а другую поставив на полоз. Тундра чуть прикрыта вчерашним пушистым снежком. Фиолетовая дымка кутает далёкие горы, и зеленоватые льды озёр поблёскивают в долинах между холмами. Выбирая более снежные места, мы едем низинами. На льду озёр олени бегут, мелко семеня лаковыми туфельками копыт.

Нарта покачивается на кочках, усыпляет дальняя дорога. Скоро ли станок?

Показывается чум и два балочка между холмами – Самоедская речка. Снова чай и дружелюбный разговор о новостях, о скверной погоде, о промысле в этом году и о дороге. Оленей на станке нет. Олени придут только завтра. Приходится ждать. А весна, очень ранняя в этом году, наступает, тундра чернеет с каждым днём, а до Волочанки путь ещё далёк.

В сакуе ложусь спать на нартах. Сплю, просыпаюсь, опять сплю. Возвращается с охоты хозяин с парой диких оленей и зовёт «сагудать» свежий мозг из костей. Ударами тупой стороны ножа мы раскалываем трубчатые кости и, посолив, едим нежно-розовый, чуть подмороженный мозг.

К вечеру приходят олени. Аргиш выходит в путь, но весна нагоняет – начинается мелкий дождь, тёплый туман поднимается над землёй. В тундре лужи, снег лежит отдельными плешинами, по которым извивается наш обоз. Местами снега нет совсем и олени, храпя от напряжения, волокут нарты по мокрому мху, по растаявшим «медальонам» земли. Упряжь, не рассчитанная на такие усилия, рвётся, лопаются непрерывно поводки, олени падают. Разрываются, связанные цепью звенья каравана, и тогда раздаётся горестный крик кого-либо заметившего аварию, обоз останавливается. Общими силами мы снова соединяем аргиш,

порванная упряжь связывается верёвочками. Продвигаемся немного вперёд и снова слышен тревожный вопль каюра – олень упал. Передние нарты, к которым он привязан за шею, тащат его вперёд, а сзади на нём – груз его нарт и нарт, привязанных за ними. В этой цепи упавший олень волочется, пока не заметит его каюр и не перережет ударом ножа веревку у шеи или не порвётся упряжь.

Снова подтягиваем мы, одну за другой, тяжёлые нарты, словно приросшие к раскисшей под дождём земле и мху. Распутываем поводки, поднимаем уставших оленей, немного ползём и опять останавливаемся.

– Век-то, век – мука! – жалуется каюр, зубами растягивая затянувшиеся в узлы мокрые ремни рваной упряжи.

Олени выбиваются из сил. К концу зимы они всегда слабеют, а дорога особенно тяжела. Приходится делать привал, кормить оленей. Останавливаемся и, одев сакуи, ложимся на нарты под брезент. Отпущенные олени разбредаются кругом, поедая мох. Дождь всё идёт, уничтожая последний снег в тундре.

На другой день добираемся до станка – Медвежий яр. Опять переговоры, чай, ожидание оленей и снова в путь.

Светлая весенняя водичка плещет на льду озёр, зеленеет мох и на тальничках уже распускаются почки, жёлтые и пушистые, как птенцы. Но мы продолжаем упорно продвигаться, дружно проклиная все эти отрадные явления природы. До Волочанки нужно пройти, пусть даже не останется ни снежинки в тундре. И мы погоняем оленей, тащим сани, связываем веревки и снова тащим. Иногда ломаются нарты. Тогда их разгружают. Каюры собирают совет и неторопливо чинят при помощи топора и верёвок. Сутки идём мы 40 км до следующего станка.

Станок Тунгусы. Тихое, тёплое и солнечное утро. Ночью выпал снег и в тундре празднично чисто. Около балочка мы сидим у стола, без шапок, пьём чай. Солнце печёт спины. Рядом двое оленей чешут рога о серый ствол лиственницы, вертятся у стола молодые оленные собачонки. Девчонка лет трёх, дочка бригадира, подходит к нам. На ней расшитая цветными лентами меховая шубка как у взрослых и два серебряных колокольчика приши-

ты к рукавам. Идёт и звенит. Так её не потеряют. Мы кормим её урюком и, пряча его за толстые розовые щёки, она косится на нас блестящими узкими глазками.

– Оень! – объясняет она, широким жестом показывая на оленя, тянущегося мордой к столу.

Чай у нас давно выпит. Пора в путь, пока снова не растаял выпавший вчера снег. Но каюры ещё не кончили чаевать. Они не хотят спешить. Широка тундра – не сочтёшь дней пути. Куда торопиться? Всё придёт в своё время. Прилетит гусь и важенка приведет телёнка. Выше поднимется солнце, неторопливо закружится в широком небе не считая дней. Побуреет песок и куропатка. Олень, кочуя от лайды к лайде, двинется на север. Всё будет своим чередом. Много дней у широкой тундры, далека дорога. Тундра не любит спешить.

К вечеру подмораживает и подсыпает свежего снега. Легко продвигаемся вперёд. Рано утром останавливаемся обогреться и чаевать в Тунгусах-II. При входе в балок нас обдаёт запахом аптеки. На станке работают двое врачей, проводя медицинское обследование населения района. Делают прививку оспы. Направо от двери - кабинет, отгороженный простынёй. Слева, где нары, находятся хозяева, пациенты, ожидающие очереди и неизбежный чайник, к которому пристраиваемся и мы. Врачи уже больше месяца как ездят от станка к станку и потому с интересом спрашивают нас о новостях. За чаем рассказываем известные нам сообщения Информбюро. В тундре знакомство завязывается легко. Кружка крепкого чая, выпитая с человеком на далёком станке, запоминается надолго, и когда мы собираемся в путь, медики провожают нас как друзей, обещают встретиться в Волочанке.

По свежему снегу легко идут олени холмистой тундрой с редко разбросанными низкорослыми лиственницами. В стороне от дороги показывается одиноко стоящий деревянный амбар. Это начало Авамо-Тагенарского волока. Здесь через несколько мелких озерушек низкими лайдами соединяется Авам с речкой Волочанкой, соединяется бассейн Пясины и Хатанги. За последние годы значение этого, когда-то единственного транспортного пути для грузов, идущих на Хатангу, упало. Освоенный теперь

Северный морской путь стал обеспечивать снабжение Хатанги всем необходимым.

Волочанка, районный центр, столица Авамской тундры. Серые домики на лесистом берегу реки Хеты. Издали виднеется полосатый – чёрный с белым – мешок над аэропортом, тонкие мачты антенн радиостанции. В центре – райисполком, школа, интернат, где живут съезжающиеся со всей тундры ребяташки, универмаг, столовая, больница, клуб и библиотека. Дощатые тротуары на улице и трибуна в центре посёлка.

Утром 1 Мая ярко цветут на снежных улицах красные флаги и полотнища. Весеннее солнце плавит звонкие сосульки на краях крыш. У трибуны – всё население посёлка. Колонной выстроены школьники и бойцы всевобуча. Речи выразительны, но кратки. Суровый климат приучил сокращать речи митингов под открытым небом.

Ко мне подходит начальник авиабазы. Норильск с утра требует погоду. Ждите ваших машин.

Около часу дня слышится мощное гудение приближающихся моторов, и две машины, с рёвом скользнув над крышами, садятся на льду аэродрома на озерке. Я подъезжаю туда на подводе. Машины уже разгрузились. На льду мешки, ящики, собаки, тюки и трое наших. От винтов рвётся ураганный ветер, уносится по льду рукавица, хлопает брезент и привязанные собаки съёживаются и жалобно поджимают хвосты. Вздрагивая крыльями, как тяжёлые ночные бабочки самолёты сдвигаются с места, ползут по льду медленно, потом быстрее и уходят в воздух. Рукопожатия, торопливый разговор, расспросы обо всём сразу. Вся экспедиция теперь в полном сборе.

Утром бужу экспедицию, запустив в комнату пса – нашего передового, старика Таймыра, вожака и умницу, понимающего человеческий язык. Обрадованный приглашением, Таймыр вертится по комнате, стуча когтями, громко бьёт хвостом по ножкам стола, по табуреткам и от избытка чувств лезет мордой в спальные мешки к храпящим на полу путешественникам. Он хорошо справляется с задачей и вскоре личный состав экспедиции оживает. Мы приступаем к подготовке дальнейшего путешествия.

Приходит радостно возбуждённый Иван. Рядом с ним, хватая его за руку, вертится рыжий лохматый пёс ростом с доброго телка. – Лев Николаич! – зовёт Иван, – Вот, пёсика купить нам надо бы. А то он здесь всё равно не останется. Видите, у него же лицо горит – в экспедиции поработать. Купим, Лев Николаич! – проникает в душу Иван, смеясь озорными глазами, – Я его всё равно так уведу. Видите какой он добрый.

Каюр Иван на нартах с собакой

Иван большой любитель собак и наш каюр-доброволец. Против его доводов устоять невозможно. Лев считает деньги и через полчаса возвращается с распиской в получении денег за «пса рыжего по кличке Мурзик». «Пёс рыжий» на законном основании помещается на цепи рядом с остальными собаками. Через некоторое время к нему присоединяется Дружок – тоже большой, золотисто-рыжий и лохматый, с острыми ушами и живыми весёлыми глазами. Потом появляются ещё купленные по дешёвке «две хорошие собачки».

При огромном стечении ребятшек Иван с энтузиазмом распоряжается в своём зверинце, раздавая мороженую рыбу. Девять собачьих морд внимательно следят за его движениями, заискивающе заглядывают снизу ему в лицо.

Хороший день. Солнце, курчавые летние облака в синем небе, лёгкий морозец. Вдвоём с Иваном мы делаем пробный выезд на собаках. Пятеро из них идут хорошо, но «две хорошие собачки», запряжённые в заднюю пару, падают на снег при первом движении саней. В панике они забиваются под нарты и с воплями волокутся там на лямках как удавленники. В глазах ужас и безумство. Иван, громогласно ругаясь, хлещет их бичом. Наконец «хорошие собачки» вырываются из лямок и, как от чёрта, с непостижимой быстротой уносятся прочь от Ивана. Мы далеко слышим их истерический визг.

Иван успокаивается. Ярко блестит снег. Солнце золотит рыжий мех собак и синие тени бегут рядом с ними по снегу. – Тах-тах-тах! – покрикивает Иван. – Таймыр, выручай, старик! – обращается он к передовому, старому своему другу.

Вечером у нас гости – нганасане. Председатель колхоза имени Шмидта – Нунка Порбин и председатель кочевого совета – Латеру. Сдвинув назад капюшоны коротких белых парок с меховыми пушистыми оборками на подолах, откинув со лба чуть выющиеся чёрные волосы, они спокойно усаживаются. Мы обмениваемся с ними табаком, угощаем чаем и, дымя трубками, неторопливо ведём беседу. Нганасане – самый северный народ в мире. Только несколько стойбищ эскимосов на севере Гренландии могут оспаривать у них близость к полюсу. Безграничные тундры Центрального Таймыра от 72 до 75 градуса северной широты всегда были исконными землями нганасан. Здесь по рекам Дудыпте, Верхней Таймыре и Балахне располагались богатые оленье пастбища и охотничьи угодья этого немногочисленного, но своеобразного народа. В 1927 г. их насчитывалось всего 870 человек – мужчин, женщин и детей.

В течение веков складывались пути ежегодных их кочёвок – аргишей с оленьими стадами. Весной – в тундру на север к Верхней Таймыре, к верховьям Балахны, осенью – к Дудыпте и Хатанге, ближе к границе леса. Этим же путём должны будем теперь аргишить и мы, договорившись с колхозом о доставке нас на реку Горбиту – один из притоков Верхней Таймыры.

Пустеет чайник. Николай – наш повар-доброволец, ставит на стол второй. Чашка за чашкой пьётся душистый и крепкий чай и крепнет знакомство. Мы расспрашиваем о колхозных делах – о промысле песка, о том, когда ожидают отёл важенок, где лежат летние стойбища колхоза. Разглядываем белые, выделанные под замшу парки с искусными узорами из чёрной и красной кожи с длинными ремешками, пришитыми за спиной. Рассматриваем бокари, сшитые в виде мешка с узким отверстием. От концев пальцев мех идёт прямо к коленям, где завязывается ремешками, и ноги кажутся утолщёнными книзу столбами. Иван примеряет щегольские снежные очки Латеру, у которых оправа сделана из

кожи, вышитой радужными переливами бисера, а тёмные стёкла заменяют медные пластинки с продольной узкой щелью. Эти очки надеваются теперь в яркие дни весны, когда сияние снега в тундре утомляет глаз, вызывая у иных приступы куриной слепоты.

Вечером мы расстаёмся с друзьями. Нунка поправляет шкуру, постеленную на своих лежах высоких санках, поднимает оленей и, покачивая перевешенным в руке хореом, пускает их с места быстрой как ветер рысью. Белым облачком клубится за ними снег. Он уезжает к верховьям Дудыпты, в тундру, где сейчас падут олени и где находится правление колхоза. Оттуда обещает он прислать аргиш за нами и нашим грузом.

14 мая караван вышел в путь. С радостью оставили мы Волочанку, надоевшую за две недели ожидания. В тундре - блеск снега и чернеющие, согретые солнцем тёплые проталинки. Пройдя часа три, мы делаем первый завтрак в пути. Мороженный чир режется толстыми стружками, нежно розовыми и кремовыми, похожими на бананы. Политые уксусом прохладные ломтики его тают во рту как фрукты, и горячий чай кажется особенно хорош после этого морозного деликатеса.

На другой день весна догоняет нас. Тепло, снег тает. Тяжела дорога и снова, как перед Волочанкой, то и дело слышится горестный крик каюра: – Олень упал, нарта вередился! Аргиш останавливается и Сачиптэ – бригадир, ответственный за доставку экспедиции, спокойно чинит поломку, связывая что-нибудь обрывком верёвки.

– Нарта этака шевели маленько... – рекомендует он, поднимая хорей и осторожно трогая оленей.

Труднее всего бывает снова «запустить» остановившийся караван. При этом упряжь испытывает наибольшее напряжение и в звене из четырёх-пяти нарт, связанных между собой, обязательно что-нибудь снова рвётся раз, другой, третий, пятый... Невозмутимый Сачиптэ снова и снова связывает и опять:

– Нарта мала мера шевели!

К запускаемому поезду собираются все, становятся у каждой нарты и по команде каюра олени и люди одновременно налегают на тяжёлые сани, стараясь сдвинуть весь обоз сразу. Если это уда-

ётся, мы отпускаем его, с замиранием сердца ожидая, что вот-вот что-нибудь порвётся опять, а когда всё обходится благополучно, приступаем к «запуску» следующего аргиша. Караван весь приходит в движение, извиваясь, ползёт всё дальше и дальше на север.

День становится жарким. Мы едем без шапок. В тундре размокает снег, стоят лужи талой воды, а на склонах журчит вода. Надо становиться на отдых и ждать, когда ночью подмёрзнет снег.

На бугорке разбираем лагерь. В палатке жара, и тёплой смолой пахнут ветки лиственницы, постеленные под брезент на тающий снег. В открытые окна видна весенняя тундра и синее небо. Мы чувствуем себя как в Африке. Где-то, пролетая, кричат гуси, волнуя охотничьи инстинкты. Николай и Миша скрываются в тундре, держа ружья наперевес.

Подбегает ушкан и кто-то растерянно выпаливает по нему дулетом двенадцатого калибра. Зайчишка в панике мчится прочь, мелькая белым задом. Кто-то торопится применить рекомендуемый долганами способ охоты, крича вслед убегающему ушкану: – Ушкан, ушкан! Мягам когоннэ!, – давая этим понять, что у него видна неподдающаяся воспроизведению в печати часть тела. По словам долган, всякий порядочный ушкан, услышав такие слова, сразу же стыдливо садится, позволяя охотнику взять его в это время на мушку. Но наш ушкан, по незнанию долганского языка, либо по врождённому бесстыдству, продолжает удирать. Визжат и стонут от досады привязанные к нартам собаки. Промазавший охотник приступает к теоретическому обоснованию своего промаха.

Утром неожиданно рано нас будит Сачиптэ:

– День дородный. Мой ум – аргишить надо.

Действительно, земля замёрзла и дорога хороша. Ветер быстро несёт рваные тучи. Временами проглянет яркое солнце, временами всё кругом темнеет от пурги. Проходим по росной тундре, по озёрам. Мы с Мишей, с тремя нартами, и Иван на собаках едем сзади, отстав в пути от остальных из-за сломавшихся саней. Несколько часов идём по хорошей дороге, почти без остановок. В конце дня, когда мы уже радуемся, что путь сегодня благополучен, начинается очередное испытание. Миша, мастерски ведя

аргиш, выезжает на озеро, и на середине его мы проваливаемся в наледь. Свежий лёд, замёрзший на поверхности воды, не выдерживает тяжести нарт. Они проваливаются на старый лёд озера и тащатся на четверть в воде, ломая передками ледяную корку. Продавливают лёд и олени и, не выдержав нагрузки, ложатся.

Аргиш в пути

Разумеется, рвётся упряжь. Мы начинаем бродить в воде, ломая сапогами ледяную корку, «шевелить» застрявшие нарты, поднимать и тащить падающих оленей. Они совсем ослабели. Двое ложатся и никакими репрессиями не удаётся их поднять. Мы тянем их за хвост и за шею, но скоро становится ясно, что эти олени вытащить нарты не смогут. Перепрягаем более сильных из передовой санки, но и это не помогает. Иван подпрягает в помощь оленям собак.

Наши болотные сапоги текут и наполнены ледяной водой. Ноги колет и жжёт. Мы ругаемся, тянем, погоняем свою скотинку, связываем рваные ремни. Часа через три удаётся вытянуть на твёрдое место одну нарту с грузом и нарту, на которой установлена моторная лодка. Третью оставляем на озере и торопимся дальше, рассуждая о свойствах гусяного супа. Но через километр пути снова проваливаются нарты - на этот раз в снег. Несколько часов назад он хорошо выдерживал прошедших впереди, а сейчас, подтаяв, садится под тяжестью нашего груза. Мы снова тащим, налегаем, тянем. Руки стынют распутывать и завязывать обледеневшие узлы ремней и упряжи. Олени ложатся и отказываются идти. Приходится бросить лодку, завязшую в снегу. Ивана посылаю на собаках вперёд прислать помощь, а мы с Мишей перепрягаем более сильных оленей в передовую санку и одну нарту и потихоньку продолжаем двигаться по следу. Вид у нас печальный. Впереди Миша на легкой нарте куцым обломком хоря грозит трём едва шевелящимся передовым. Достать их он

не может - хорей изломан при аварии на озере, и ему приходится довольствоваться угрожающими жестами и нехорошими словами. На задней нарте я сижу как на катафалке, окружённый печальной свитой привязанных сзади скелетов.

Подъезжаем к лагерю. Палатка стоит под лиственницами на берегу речки. Из двери пахнет долгожданным гусиным супом. Я снимаю оледенелые сапоги, а Иван – только мигни – с чудесной быстротой достаёт бутылку спирта из ящика, заколоченного и привязанного на нарте.

Вечером появляется караван, идущий с Летовья с продуктами. На пятнадцати нартах везут муку, табак, сахар, соль. В аргише много лёгких санок, женщин, ребяташек, возвращающихся на каникулы в родную тундру из школы в Летовье. К нам гостевать приходит бригадир, ведущий аргиш, и нганасан-второклассник Недя Муомде. Как у всех нганасан, на сакуе у него бодро торчит пришитый на лбу олений хвост. Под сакуем – красный пионерский галстук. Недя хорошо говорит по-русски, умеет писать и знает, что такое за штука фотоаппарат.

Наш полуведёрный медный чайник безотказно наполняет бесчисленные кружки тёмным, как пиво, кирпичным чаем. Бригадир просит помочь отпустить людям продуктов. Часть людей должна сейчас отделиться. Им нужно выдать продукты. Нужен человек, понимающий обращение с весами. Миша отправляется «помогать мало-мало торговаться». Он успешно отвешивает всем потребное количество муки, табаку, сахару, соли, выдаёт чай. Получившие товар обращаются к нему с просьбой «падергу писать, мне карман положить». Миша каждому пишет на бумажке количество отпущенного товара и покупатель, поставив на ней тонго – знак своей фамилии, прячет её под сакуем.

Бригадир, выдающий товар, не оставляет себе никаких документов. Он объясняет, что ему это не надо. Люди принесут свои «падерги» в колхоз, и соответствующий денежный расчёт будет произведён. В тундре обмана не будет. В чумах женщины быстро, по-походному, замешивают муку. Отвернув подол парки, разминают на ляжке куски теста в тонкие лепёшки и пекут их, держа пальцами над красными углями очага.

Испечены лепёшки, выпит чай. Женщины разбирают чумы. Уходит дальше один аргиш. За ним трогается второй.

Двигаемся и мы. Переход за переходом, остаются сзади километры тундры, то холмистой, то ровной. Мы переходим речки, местами уже с водой, зеленоватые льды озёр. Кончается переход - останавливаемся «мала мера чай пить, олень кормить».

- Солнце это место будет, тогда аргишить будем, - показывает нам Сачиптэ на небо. Солнце обходит полкруга и снова мы запрягаем оленей.

31 мая мы разбиваем лагерь в десятке километров от колхоза. Отсюда до устья реки Волчьей с нами пойдут другие каюры. Здесь же будут заменены наши усталые олени. С полевой сумкой и «лейкой» мы садимся на лёгкие санки, Лев - с Сачиптэ, я - с Индыптэ, и едем в колхоз. Пятёрка быков идёт как ветер. Нарта скачет по кочкам и снег комками летит в лицо. Это особенно хорошо после двух недель черепашьего шага, и Индыптэ, не жалея быков, толкает их в зад круглой костяшкой на конце хоря.

Остановка в пути таймырской экспедиции. Конопачение лодки

Появляются два чума и рядом стадо пасущихся важенок с маленькими чёрными телятами. Отёл в этом году начался рано и проходит хорошо. Пастухи довольны.

Перевалив через несколько холмов, подъезжаем к столице здешней тундры – правлению колхоза имени Шмидта. Столица передвижная. В ней три балочка и два шестовых чума. На одном из балков красный флаг - здесь правление. Мы идём гостевать к счетоводу – русскому, живущему уже несколько лет в колхозе. У него просторный балок. На открытых окнах – чистые занавески, и жена в мягком халатике возится с двумя ребятишками.

Мы договариваемся о дальнейшем продвижении. До устья реки Волчьей – притока Горбиты – дней 10 пути. Чтобы легче пересечь «камень» – возвышенность водораздела Дудыпты и бассейна реки Верхней Таймыры, количество нарт будет увеличено.

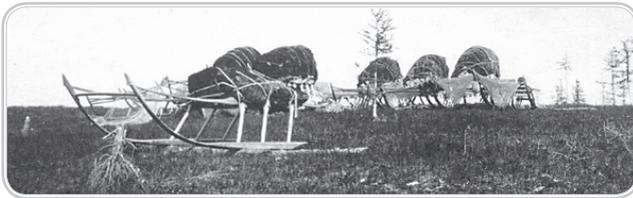
Дня через два в нашем лагере появляются новые каюры, везущие нас до Горбиты. Они приходят с чумом, с несколькими грузовыми нартами и лёгкими санками. Начинается перестройка аргиша. Тяжёлые нарты облегчаются, груз перекладывается на 27 саней. С нартами каюров караван наш образует длинную цепь, где в упряжке идёт более двухсот оленей. Головные звенья уходят далеко вперёд на пологих изгибах холмов.

Я еду сзади с молодым парнем Биля Торбиным. Он довольно хорошо говорит по-русски и долгие часы пути мы беседуем с ним о песце, о том, когда «кончал капиталистической Германия», где родят своих чёрно-бурых телят важенки диких оленей, о нашей моторной лодке и сотне других вещей, которыми полон широкий мир и весенняя тундра.

На другой день пути Биля сворачивает в сторону. Через полчаса мы подъезжаем к деревянному остову нартяного чума и несколькими высокими, крытыми шкурами нартам, стоящим на склоне холма. Биля по-хозяйски быстро развязывает шкуры на одних нартах и достаёт связку медных колокольчиков.

– Олень так-то повешу – волк-то боится, – объясняет он, прикладывая колокольчик к шее быка.

Здесь, в тундре, хранится на нартах его зимний гардероб и другое добро, лишнее в летней кочёвке. Осенью, возвращаясь на юг к лесам, Биля снова сюда заедет, чтобы взять всё нужное в хозяйстве зимой. Уложив колокольчики, мы трогаем оленей вдогонку ушедшим вперёд аргишам. Сзади, среди пустых снежных холмов, чернеют оставленные нарты.

Нарты с зимними чумами и одеждой, оставленные на лето в тундре

Неожиданно Биля останавливает нарты. – Гусь, там! – шепчет он и, схватив мелкокалиберку, пригнувшись бежит на пригорок. Через пять минут мы едем дальше. Рядом с колокольчиком на нартах вздрагивает серым крылом подбитый гусь.

Гусей в тундре всё больше и больше. Наши передовые олени, переваливая через холмы, спугивают их табуны с низких пустынных лайд. Начинают попадаться уже гнездящиеся пары. Куропатки перекрашиваются в летнюю бурю окраску, теряя белое перо. На тёплых проталинках, склонах они часто взлетают, треща пёстрыми крыльями.

Переезжаем ряд холмов. Начинается заметное понижение местности к северу и, показывая в долину, Биля говорит мне: – Тут речка Горбита место идёт !

До Горбиты остаётся три-четыре аргиша. Мы останавливаемся. Тут же Николай убивает двух куропаток, набирает воды из прозрачной лужицы, надирает с Яковлевичем распластанной среди кочек полярной берёзки. Мы ставим палатку. Стоянка со всеми удобствами. Дрова, вода и даже дичь на месте. Тут же находится и брусника, появившаяся из-под тающего снега. Мы начинаем пастись, злобно отгоняя подходящих к нам оленей. Две нганасанки тоже приходят и удивлённо глядят на нас. Мы показываем им ягоды, предлагаем попробовать. Иван сладостно чмокает, наглядно показывая им, сколь приятна эта пища, но нганасанки только смеются. – Какой такой еда? Это – заяц еда. Ягод нганасане не едят.

У палатки пролетает гусь. Иван вскидывает ружьё, лежащее всегда под рукой, и гусь падает к ногам нашего повара, занятого ошипыванием куропаток и уток. Охота теперь не отнимает много времени. Дичь доставляется прямо на дом и при этом в изобилии. В нашей ведёрной кастрюле варится не менее трёх-четырёх гусей. Мы начинаем уже обсуждать вопрос о необходимости варить по шести гусей – по гусю на каждого, и удивляемся, как могли две недели назад все шестером наесться деликатным бульоном из первых трёх куропаток.

Наступает весна. Туманная тёплая погода и дождь расплавляют снег. В тундре низины залиты водой и мокрым снегом, и

пушистые жёлтые почки тальничков уже распускаются на бугорках среди луж. Лемминги беспокойно шныряют, выгнанные из нор тальными водами, ищут сухих бугорков. Множество гусей летит на север.

Наш караван движется местами по воде, по глубокой каше из мокрого снега. Слышно бульканье сотен ног. На низких тяжёлых нартах подмокают грузы. Мы защищаем их брезентами. Более ценные перекладываем повыше. Чуть не вплавь переправляемся через Ямную – небольшую речонку, ставшую сейчас довольно бурной, и становимся на высоком, ещё не обсохшем её берегу. Чёрно-серые тучи и туман висят над тундрой. Со склонов стекают воды. С каждым часом всё более вздувается Ямная, и мы радуемся, что успели её пересечь. Теперь остаётся последний переход до Горбиты. После дождливой ночи погода проясняется. Мы движемся дальше по затопленной весенней тундре, лавируя низинами, где остатки снега чередуются с лужами.

В два часа дня 11 июня мы выходим к Горбите. Поваленные ветром и почерневшие остатки фанерного домика лежат на пустом берегу. Рядом три железных бочки из-под горючего, оставленные геологической экспедицией 1929 года. Пара гусей поднимается от них, заметив наш караван, и летит прочь низко над тундрой. Аргиш окончен. Мы подходим к обрывистому берегу реки. На ней взломанный лёд и большие разводья. Шурша и волнуя воду, со дна всплывают новые льдины.

III. В лодке.

Теперь мы сами себе хозяева. Наше дальнейшее продвижение зависит от нас самих. Людей встретить мы больше не ожидаем, но у каждого из нас есть пять хороших товарищей, не считая девяти собак, а это не так уж плохо, и в случае, если даже осенью нас не снимет с озера самолёт, мы не рассчитываем пропадать. У нас есть две утеплённых палатки, оружие и охотничьи припасы, сети и полуторастометровый невод. Значит, будет дом, будет и пища. Есть порядочный запас муки. Если же правы геологи, находившие на Таймыре выходы пластов каменного угля, то в на-

ших руках будет сделать зимовку достаточно тёплой и комфортабельной. Итак, никто не тужит и, едва оглядевшись на берегу, все дружно хватаются за работу. Иван смолит лодку, Миша распаковывает и налаживает радиохозяйство, Яковлевич раскладывает сушить подмокший невод, сакуи, крупу. Ставятся палатки. Я готовлю к работе гидробиологические приборы, Лев с Николаем налаживают сети. Вечером уже спущена на воду лодка и поставлены сети. Через два часа торжествующие рыбаки вынимают из них чира, сига, налима, трёх хариусов и двух уток. Особенно гордятся они, конечно, утками.

– Ты вот попробуй поймай утку в сеть. Не поймал! А я поймал! – пристаёт Николай к Мише – заядлому охотнику. Тот сидит молча, потом, сплюнув между колен, бросает окурочек и растирает его ногой.

– Ну что ты хочешь сказать? Ведь ты же рыбак. Ты должен рыбу ловить. А ты что такое добыл? – спрашивает он, кивая на взъерошенных уток, задохшихся под водой в сетях. – Разве такая рыба бывает? Мокрая, в перьях. Страм глядеть. Тьфу! – веско плюёт охотник и отходит.

Тихая, солнечная июньская ночь. Длинные тени ложатся на зеленеющую тундру от наших палаток, от поставленных на пятки нарт, где сушится одежда. На далёких холмах за рекой розовеют снега под низким солнцем. У берега, шурша на тихой воде, изредка шевелятся льдины и звенят рассыпающимися осколками.

Усталые, но довольные, мы кончаем тридцатичасовой рабочий день холодной гусятиной. Солнце не устаёт светить, и незаметно идёт время, не замечается усталость. И только когда, присев на шкуры и торопливо жуя гусятину, мы обсуждаем планы на завтрашний, вернее, уже сегодняшний день, вдруг понимаем, как хорошо будет вытянуться в мягком собачьем меху спальных мешков.

С утра мы со Львом принимаемся за ихтиологические работы, исследуя утренний улов сетей, состоящий из чира, сига, пеляди, хариуса. Мы сидим перед ящиком, заменяющим стол, у большой корзины с рыбой. Взвешиваем, измеряем, вскрываем её, определяем стадии зрелости икры, берём пробы чешуи для определения возраста рыб. Как на срезанной ветви дерева видны концентри-

ческие кольца, нарастающие каждый год, так и на чешуйке рыбы каждая зима её жизни отмечается новым тёмным кольцом. По этим кольцам мы сможем определить не только возраст пойманной рыбы, но и сказать, как она росла на протяжении всей своей жизни: какова была её длина на первом, втором, пятом, десятом году, определим темп её роста.

Мы сидим, аккуратно заворачивая образцы чешуй в специальные пакеты, а девять собак, расположившись кругом, глядят на нас внимательными умными глазами. Изученная рыба немедленно передаётся им для дальнейшей обработки, поэтому наши научные исследования вызывают у них самый живейший интерес. Последние дни они жили, добывая себе пропитание самостоятельно, промысляя в тундре лемминга, и теперь особенно приветствуют начало ихтиологических работ Льва.

У берега Яковлевич с Иваном сооружают из остатков домика и трёх бочек из-под горючего плот. Моторная лодка оказалась меньших размеров, чем предполагалось по плану, и часть груза не размещается на наших судах. Кроме того, на лодки приходится брать и собак, так как половодье, залившее широкую пойму реки, не даёт возможности пустить их идти за нами по берегу, как предполагалось раньше. Поэтому и сооружается плот, который должен будет буксироваться моторкой. Кроме того, несколько пятидесятилитровых железных бочонков с горючим мы связываем решёткой из шестов, вытянув их один за другим, и спускаем на воду. Наш флот пополняется танкерным судном. Теперь он будет состоять из полутонного неводника, моторки, сетной полутонной лодки, долблёной «ветки», плота и «танкера».

Вечером – авария. На седьмом часу зарядки аккумуляторов сгорела обмотка динамо. Исправить её едва ли возможно. Прощай известия, концерты и вести из дома. Надо считать, что мы остались без связи и даже сообщить о случившемся не сможем, так как аккумуляторы ещё только начали заряжаться и не смогут дать достаточного накала.

Огорчённый Миша принимается разбирать злополучную машину, надеясь исправить изоляцию обмотки, но это почти безнадежное предприятие.

20 июня весь наш флот спущен на воду и опробован. Плот прекрасно держит всех нас шестерых. Довольные сооружением, мы лежим на его тёплых досках. Солнце печёт как на юге, плавитя смола в щелях. Под плотом о бочки чуть плещется, булькающая, вода. Она нагрелась до 11 градусов. В воздухе 23 в тени и мы соблазняемся купанием. Иван сталкивает в воду Мурзика, вторую неделю пропадающего от жары, и, гогоча, бросается за ним. Живописные берега Горбиты неожиданно украшаются курортно-пляжными картинками. Не хватает только киоска с газированной водой и вместо традиционного курортного толстяка, растопившегося от жары в своих полосатых трусах, на нас глядят удивлённые нганасане в меховых парках. После купанья начинаем погрузку. К вечеру весь груз распределяется по лодкам и на плоту, но у всех судов борта поднимаются всего на два-три пальца над водой. Нагрузка оказывается предельной, но мы решаем двигаться так, насколько будет возможно.

Рано утром, одна за другой, отходит маленькая лодка Ивана, отваливают Яковлевич с Николаем на своём неводнике, Лев уходит вперёд на «ветке», разведывая путь и, наконец, мы с Мишей заводим мотор шлюпки. На буксире у нас плот, а за ним «танкер». Дощатый помост плота покрыт водой, из которой поднимается первый ряд ящиков с консервами, маслом и другими, не боящимися воды предметами. Всё сооружение имеет вид плавучего острова из ящиков, верёвок, сетей, тюков, шкур, собак, чудесным образом держащегося на поверхности воды. При отчаливании плот даёт сильный крен. Валятся в воду брошенные сверху дрова, оленья

Плот на р. Горбита. Караван движется к р. Верхняя Таймыра

шкура, пустая бочка. Испуганные собаки, сидящие сверху, сбиваются в кучу, ещё усиливая крен. Первый ряд ящиков справа целиком уходит под воду. Приходится причалить и снова перегружать плот, равномерно рас-

Речной караван на р. Горбите

пределяя нагрузку. Мурзика, как самого тяжёлого из собак, переводим к себе в лодку. Остальных четырёх пассажиров плота коротко привязываем за ошейники по четырём углам. Кое-как равновесие устанавливается и отходим вслед за товарищами.

Используя хорошую погоду, идём целый день по широкой весенней воде, в затопленных берегах. К ночи поднимается ветер. Он дует прямо навстречу, и на широком плёсе сразу появляются белые гребешки. Волна начинает захлёстывать лодку Ивана, вкатываться через борт неводника. Наш плот раскачивает и треплет. «Танкер» бьется об него сзади. Приходится буксировать плот к берегу, куда уже пристают лодки. Мотор едва вытягивает против ветра. Винт глухо завывает на волнах, дёргается буксир, перепуганные собаки скулят и с тоской оглядываются на берег. Причаливаем, разгружаемся, ставим палатку. Ровный и сильный северо-восточный ветер приносит холод и мы с удовольствием забираемся в спальные мешки.

Трое суток мы глядим в неизменно ясное небо и ждём, когда кончится ветер. Только на четвёртый день к вечеру он стихает и мы получаем возможность идти дальше. Часть груза приходится оставить здесь. Плот, намкнув за последние дни, потерял часть грузоподъёмности, да и лодки слишком тяжелы. Поэтому оставляем на берегу около тонны всякого добра, прикрыв его брезентом и прикрепив к вехе закупоренную банку с записью что, кем и когда оставлено здесь. За всем этим придётся возвратиться с озера одной лодке.

30 июня выходим в Верхнюю Таймыру. Река становится более полноводной, течёт прямыми, спокойными плёсами. На другой день за поворотом реки вырастает чум. Нас приветствуют удивлённые нганасане: двое мужчин, две женщины, двое ребят.

- Здравствуй! Здравствуй товарищ! Табак-то давай. Табаку нет. Мало совсем табаку!

Яковлевич потчует их папиросами. Мы осматриваем «чум-место». Выясняется, что нет не только табаку, но и вообще ничего, кроме юколы, развешенной тут же на нескольких нартах. Эти две семьи, колхозники колхоза имени Шмидта, зимовали здесь, карауля добытые в прошлом году несколько тонн рыбы, которые не удалось вывезти. Продукты у них давно кончились, оленей при них нет, так как зимой здесь нет корма. Они прожили зиму, питаясь юколой и мороженой рыбой и иногда подогревая воду для питья на тощих скрюченных веточках тальничков, выкопанных из-под снега.

Мы отдаём должное их выносливости и, подарив им чаю и соли, садимся по своим лодкам. Ниже устья Логаты – правого притока Верхней Таймыры – останавливаемся. Сухой высокий берег укрыт цветами. К воде полого спускается галечно-песчаная отмель. Здесь хорошо поставить палатку, закинуть невод и поработать.

Я делаю несколько гидробиологических станций и сажусь за разборку проб. Лев с товарищами отправляется неводить. Возвращаются они довольные, с хорошим уловом. Крупный чир, муксун и, что особенно интересно, омуль – ценнейшая из сиговых рыб, поднимающаяся сюда на нерестилища из Таймырского залива Карского моря через Нижнюю Таймыру и озеро Таймыр.

Весь следующий день сидим мы за ихтиологическими анализами, окружённые собаками, а вечером свёртываем лагерь. Один за другим открываются голубые повороты реки.

Миша проектирует экономить бензин, не останавливаясь с плотом и моторкой для отдыха и сна, а непрерывно сплавляясь по течению. Спать по очереди на плоту. Пищей снабжаться у Николая, при встречах с остальными товарищами, останавливающимися для сна на берегу. Горючего у нас не так много, и предложение Миши принимается. Подкрепившись на остановке, мы оставляем товарищей в палатке и выбираемся с плотом на середину реки. Миша ложится спать, укрывшись брезентом, а я остаюсь дежурить в лодке. Не проходит и получаса, как погода

резко портится. Встречный ветер гонит плот назад и на противоположный мелкий берег. Начинается холодный дождь. Три раза я на вёслах оттаскиваю плот, надеясь, что на середине более сильное течение всё же понесёт его против ветра. Но ветер пересиливает, и я бужу Мишу. Надо завести мотор, отбуксировать плот под защиту высокого правого берега и идти спать в палатку, виднеющуюся метрах в восьмистах сзади. Миша поворачивает ручку мотора раз, другой, третий. Передохнув, крутит её с удвоенной силой. Крутит её правой рукой, потом пробует левой, потом дёргает обеими руками сразу. Проклятая машина в ответ только изредка как-то гнусно чавкает. А отвратительный холодный дождь всё усиливается, и ветер снова и снова относит нас на мель. Мокрый и злой, я работаю вёслами, оттаскивая весь наш плавучий остров от мели. Миша, почти такой же мокрый, с молчаливым ожесточением вертит ручку мотора. Шипящим голосом он произносит сквозь зубы какие-то невнятные слова, потом смолкает и бросает крутить ручку. Мы поднимаем парус, и с помощью его и вёсел после долгих усилий подтягиваем плот в нужное место. Причалив его, подъезжаем к лагерю мокрые с ног до головы, злые и замёрзшие. Там все мирно спят под ровный шум дождя о брезентовую крышу палатки. Раздевшись, мы прячемся в сухие и тёплые спальные мешки.

Утром печальное пробуждение. Моторку затопило. За ночь ветер переменял направление и усилился. Через низкие борта наполовину вытасченной моторки волнами наплескало воды, и лодка опустилась кормой на дно. Натягиваем мокрую одежду и вылезаем из палатки. Тундра и берега покрыты снегом, а с неба падает какая-то холодная слизь, чередующаяся с дождём, тем более отвратительная, что сегодня пятое июля. Спускаемся к лодке. Вылавливаем из воды бочонок бензина, коробку зубного порошка, Мишин чемоданчик. Но особенно огорчает нас подмокшее магнето мотора. Оно и до этого доставляло много хлопот, теперь же капризы его должны увеличиться. Механик наш полон мрачных предчувствий, который разделяются и всеми остальными.

Чтобы рассеять чёрные мысли, Николай прибегает к испытанному средству – открывает кастрюлю с горячим и благоуха-

ющим супом из четырёх гусей. Это помогает. Дурное настроение исчезает вместе с крылышками последнего гуся. Миша с Иваном принимаются за чистку мотора и сушку магнето.

На другой день стихает ветер, солнце снова по-летнему прогревает и исчезает снег. Мы пускаемся в путь, греемся на солнышке, сушим мокрую одежду. Мотор, конечно, толком не работает. Он - то заводится, то не заводится. Вечером работает часа полтора, потом у него «искра теряется» и Миша проводит ночь в безуспешных поисках пропавшей «искры». Плот дрейфует по течению, по тихим плёсам реки вслед за ушедшими лодками. При помощи вёсел я направляю иногда его движение.

По плоскому песчаному берегу бегут три табуна линных гусей. Их штук полтора. Как на картинке из детской книжки, они бегут гуськом, кричат, широко разевая клювы, шлёпают по песку красными лапами. Крылья у них облябли и, не имея возможности улететь, птицы убегают от нас пешком.

За поворотом останавливаемся у лагеря наших. На сухом бугорке в цветах стоит их палатка. Чайник греется на огне и десяток битых палками линных гусей лежит у костра. Поев, мы с сожалением покидаем всё это благополучие и пускаемся дрейфовать дальше. Времени терять нельзя. На мотор теперь надежда плохая, и плот должен дрейфовать без остановок, чтобы не задерживать продвижение остальных единиц нашего флота.

На следующее утро будит Михаил. Мотор, который ему удалось пустить ещё раз ночью, стал. Встречный ветер усилился и плот относит назад. Приходится бросить якорь вблизи от берега и заниматься починкой машины. Я выхожу на берег. На крутых склонах стелется ковёр цветов, и ветер несёт их медовый запах. Цветы яркие и крупные, на маленьких стебельках, прижатых к земле, напоминают растения высокогорной флоры. Я собираю немного мелкого плавника и начинаю кипятить чай в закрытом от ветра овраге, где бежит по камням ручей и след дикого оленя отпечатан на берегу. Миша располагает тут же чистить и шлифовать коллектор магнето.

Проходят сутки, вторые. Ветер стихает. Можно бы ехать, и механик начинает крутить свою машину. Две чайки, кружась

над нами, истерически хохочут и стонут от смеха. Мотор молчит. Картина печальная, и только солнце да цветущий берег, да синие горы Бырранга, уже близкие теперь, смягчают наше мрачное настроение.

Приходится поднять якорь и продолжать дрейф по воле течения, но река здесь течёт неторопливо в спокойных широких плёсах, делая полтора-два километра в час. Я сажусь за вёсла и убеждаю себя в том, что наш плавучий остров продвигается от этого быстрее. В конце дня вдали показывается палатка товарищей, ожидающих нас. Бесконечно долго приближаемся мы к заманчивому оазису, где среди цветущих кочек у палатки расставлены тарелки с грудками пирогов, лепёшек и где Николай в дыму костра смалит десяток жирных гусей и колдует кухонными ароматами. Друзья встречают нас по меньшей мере как челюскинцев и наперебой угощают омулёвой ухой, гусятиной, пирогами.

На плоту уходит дрейфовать с Михаилом Яковлевич, а я остаюсь, чтобы взять гидробиологические пробы в районе лагеря, где Лев уже провёл ихтиологические работы.

Вечером я долго сижу на берегу, разбирая собранный материал. Какой-то плеск раздаётся в десятке шагов от меня, и, подняв голову, я вижу оленя, выходящего из воды. Собаки сразу спугивают его и, слегка закинув на спину коричневые бархатные рога, он через минуту скрывается за бугром. Туда же с лаем уносится вся свора.

На другой день мы продолжаем путь. Гуси непрерывно беспокоят наших стрелков и собак. На берегу всюду виднеются выводки только что вылупившихся гусят, то и дело встречаются табуны линных, не гнездящихся в этом году гусей. Попадается особенно большая стая их – штук до пятисот. Собаки, шедшие за лодками по другому берегу, бросаются вплавь к добыче. Не выдерживает и Иван. Грохоча по берегу огромными болотными сапогами, широкими как у пиратов времён старой весёлой Англии, он гоняется за орущими желтолапыми гусями и бешено машет веслом как палицей. Птицы разбегаются в тундру. В небольшой речонке спасаются несколько выводков гусят. Мурзик – огромный, мокрый и косматый – как нечистая сила гоняется за ни-

*Л.Н. Лобовиков с Мурзиком
у палатки*

чтожными птенчиками, сея среди них смятение. Пушистые жёлтые гусята с писком опрокидываются при его приближении кверху хвостиком и ныряют. Огромная, жадно разинутая пасть пса с шумом захлопывается впустую. Мурзик растерянно оглядывается, вертя головой, и, заметив хитрого гусёнка, неожиданно выскакивающего из-под воды в нескольких метрах от него, снова яростно бросается вдогонку.

На повороте реки показываются четыре чума. Подъехав ближе, мы видим на воде штук полтора-два гусей, орущих и машущих обильными крыльями и с шумом и брызгами спасающихся на берегу от нескольких нгансан, снующих вокруг их табуна на своих лёгких долблёных «ветках». В отдалении на берегу стоит цепь ребятишек и женщин с собаками. Когда гуси выходят на сушу, на них спускают собак. Попавшие между двух огней, птицы разбегаются куда возможно, но около трёх десятков достаётся охотникам.

Охота кончается. Мы выходим на берег и всё население «деревни» собирается к нам. Это хатангские нганасане из колхоза «Ленинский путь». Здесь, в нижнем течении Верхней Таймыры, около порога Сале-Моля, находятся постоянные места их летних стоянок, где добывают они рыбу, линного гуся, дикого оленя, табунами возвращающегося осенью на юг с побережья Карского моря. Ниже по течению располагаются ещё две стоянки хатангских нгансан группы Асянду и Кокорэ.

– Табак, табак! – повторяет старая бабка в нарядном нагруднике из блестящих медных блях и суёт нам почерневшую пустую трубку огромных размеров. Николай даёт ей несколько листов сверхмощного табака-самосада, какой любят курить в тундре и

который нельзя курить в более густо населённых местах. Бабушка, растерев его ладонями, набивает в трубку и удовлетворённо сплёвывает, затянувшись.

19 июля мы подходим к устью Верхней Таймыры. Её воды вливаются здесь в озеро Вайкура-Турку, которое широким проливом переходит на севере в Таймыр. На мысу, у подножья правого высокого берега, стоят четыре чума. На нескольких нартах – вороха зелёной полярной берёзки, привезённой для топлива, золотистые и розовые ломти юколы, вялящиеся на солнце, и пятток маленьких лохматых оленных собачек роется в гряде гусиных костей.

Это последнее стойбище нганасан в устье реки у переката Няромо. К этим чумам у Няромо сто лет назад, 16 сентября 1843 года, вышли истощённые голодом и лишениями спутники Миддендорфа и послали оленей на выручку своего начальника, заболевшего и оставшегося на берегу Таймыра недалеко от места гибели их лодки.

Сейчас нас встречает Асянду - председатель колхоза «Ленинский путь». Он рассказывает о промысле рыбы, о гусе, об осенней «поколке» оленей, которая ежегодно проводится здесь. Около стойбища лежит путь диких оленей, возвращающихся осенью с побережья. Здесь они вплавь переправляются на восточный берег Верхней Таймыры, входя в воду большими табунами. Охотники окружают их на челноках и колют копьями. По окончании хода оленей, в конце сентября - начале октября, женщины разбирают чумы и нганасане уходят на Хатангу, к границам леса и к зимним оленьим пастбищам.

С Асянду мы поднимаемся на высокий берег, откуда видно бесконечную сеть протоков и островов, уходящую на север, где чуть виднеется в тумане полоска воды Таймыра и синее тёмный массив Бырранга.

Внимательно изучаем мы лабиринт протоков, намечая отсюда дальнейший путь. Имеющаяся у нас карта не зря называется «картой первого приближения». Она не близка к действительности и мало помогает разобраться в запутанном многоостровье. Избираем путь по левобережным протокам, где местами выхо-

дят к воде обрывистые коренные берега. Оставив Асянду письма для передачи их осенью на Хатангу, мы рассаживаемся по лодкам. Плот разгружен и разобран на берегу, в десяти километрах выше по реке, и теперь можно идти свободнее.

Мы лавируем между низменными островами, сложенными выносами Верхней Таймыры. Двое суток нас задерживает северо-восточный шторм у самых ворот Таймыра. Но, наконец, он стихает и поднимается лёгкий попутный ветер. Последние несколько часов идём мы под парусами между отмелей и островков, держа курс на темнеющий километрах в двадцати обрывистый мыс западного берега. Это мыс Саблера - ворота Таймыра. Я сижу у мачты с биноклем, рассматриваю берега. Временами отливаю воду, когда волны набегают сзади на борт. Справа уходит назад низкая песчаная коса и на востоке открывается голубая ширь озера. На горизонте, приподнятые как облака, плавают далёкие мысы, острова. На северном берегу горы окутаны туманами и сизыми дождевыми тучами. На мысе Саблера мы причаливаем, чтобы с его высокого обрыва взглянуть на озеро и на дальнейший путь. Сверху видны широкие просторы мелководий, уходящих на восток и на север. Вдали от берега темнеет узкая дорожка глубокой воды фарватера, где ветер гонит крупную белоголовую зыбь. На отмелях он не может поднять волну, и только мелкая рябь блестит на солнце на севере и востоке насколько хватает глаз.

Используя попутный ветер, продолжаем путь по руслу вод Верхней Таймыры вдоль западных берегов озера. Фарватер приводит нас к высокому каменистому мысу Фусса. Голые изломанные скалы серого камня поднимаются на сотню метров у самой воды. Узкий берег усыпан неокатанным острым щебнем. Нависшие вершины скал трескаются и раскалываются на огромные правильные кирпичи и кажется, что развалины крепостей стерегут тишину двух синих бухт у подножья гор.

Над озером стихает ветер и просторы его спокойны. Мы решаем не терять такой погоды и, наскоро напившись чая с шоколадом, снова рассаживаемся по лодкам, чтобы двинуться на северный берег мимо островов Фёдорова. Только при такой погоде

Первая тоня на озере Таймыр

можно проделать этот двадцатикилометровый рейс через озеро в наших гружёных до отказа лодках, у которых даже лёгкая зыбь плещет через борта. Но сегодня Таймыр принимает гостей и на озере полный штиль.

Проходим мимо островов Фёдорова. На их пологих берегах, на отмелях бродят чайки. Волнующиеся, скользкие и сверкающие под солнцем рисунки рождаются под вёслами на синей глади воды. Впереди всё выше и выше поднимаются горы северо-восточного берега.

В семь часов вечера 24 июля мы пристаём к высокой и узкой галечной косе, как мол, вдающейся далеко в озеро. Здесь нам не страшен никакой ветер. Здесь мы дома.

Используя хорошую погоду, мы прошли без отдыха 28 часов, но, несмотря на усталость, все разбредаются по берегу. Осмотревшись, собираемся к лодкам. Все довольны. Иван уже видел двух оленей в ущелье. Яковлевич набрёл на большой выводок зайцев.

Довольные, мы решаем не медля бросить в озере первую тоню. Осторожно, метр за метром тянем мы из воды крылья невода, постепенно сходясь к середине и стеля за собой по гальке мокрую дель. Подошедшая, наконец, мотня дружно вытягивается на берег. Несколько пёстрых хариусов и крупный голец, близкий родич благородного лосося, бьётся в сети, сверкая оранжевыми плавниками.

IV. На озере.

9 августа к ночи стихает ветер. Светлое небо отражается в тихой воде озера, и на горизонте, приподнятый рефракцией, как мираж синее далёкий южный берег. Мы сидим перед палаткой на каменистых уступах, террасами поднятых над небольшой овальной бухтой с чистым галечным берегом.

Озеро Таймыр

Здесь, в бухте, защищённой горами от восточных и северных ветров, мы устроили свою базу и отсюда будем вести обследование озера. Внизу в синей бухте плавают несколько чаек, и две

снаряжённые лодки ждут нас, уткнувшись в берег. Мы пьём чай, подкрепляясь перед предстоящим маршрутом на север к истокам Нижней Таймыры.

За две недели работ мы многое узнали об озере. Разведочные ловы сетями и неводом показали, что рыбное население его состоит, в своей массе, из сига, муксуна, чира, гольца, налима и хариуса. В небольших количествах встречается также ряпушка и бычок – сибирский подкаменщик, найденный нами в желудках крупных налимов. Два первых гидрологических разреза в районе базы дали нам представление о распределении глубин и грунтов. Вдоль северного галечно-каменистого берега озера тянется сравнительно узкая, около километра, борозда, где наибольшие глубины достигают десяти метров. Дальше на юг и запад на многие километры лежат песчаные отмели. В прибрежной борозде заметное течение несёт воды с основного восточного плёса озера на северо-запад к истокам Нижней Таймыры.

Гидробиологические пробы дали нам первые сведения о кормовых ресурсах, которыми может располагать населяющая озеро рыба. За исключением хищников – налима и гольца, пожирающих других рыб, остальные виды их могут питаться из двух источников. Одни употребляют в пищу различных червей, ракообразных и личинок насекомых, населяющих дно всякого водоёма и называемых в гидробиологии бентосом. Другие виды, благодаря особому устройству жаберного аппарата, имеют возможность отфильтровывать с его помощью, как через сито, микроскопические водоросли, рачков и других животных, всю свою жизнь плавающих и парящих в толще воды, подобно висящим в

воздухе пылинкам. Этим мельчайшим кормом – планктоном – обычно питается ряпушка, в Таймырском озере также муксун и, кроме того, молодь всех остальных рыб. Определяя, насколько богат водоём всеми этими животными и растениями, гидробиолог выясняет его продуктивность. И как агроном говорит об урожае, который может быть получен с плодородного чернозёмного поля или с бедных песчаных почв, так гидробиолог говорит о том количестве рыбы, которое может ежегодно вылавливаться в водоёме. Для ответа на этот вопрос и ведём мы гидробиологические работы на Таймыре, определяя его продуктивность. При помощи специального прибора – дночерпателя – берутся пробы грунта со дна озера и учитывается его население. При помощи особых сетей, сделанных из тончайшего шёлкового газа, мы профильтровываем пробы воды и определяем количество планктона в известном объёме её.

Первые пробы уже показывают нам, что наиболее богато развивается донная жизнь на заиленных участках дна, где общий вес организмов, их общая биомасса достигает 20-30 килограмм на гектар. Обширные отмели озера оказываются беднее. Здесь только немногочисленные виды червей и личинок комаров - мотылей могут служить пищей рыб, развиваясь в количестве всего двух-трёх килограмм на гектар.

Но, чтобы судить о продуктивности озера в целом, надо большое количество проб в различных его частях и, собираясь в путь, мы подготавливаем приборы. В первом часу ночи мы выезжаем. На затихшем озере, словно никогда не бывало шторма, чуть шевелятся на нём краски полуночной зари и отражения голубых гор, обступивших его долину. Но часа через три прилетает ветер. Издали, с другого берега нам становится слышен шум волн и прибой. У нас под защитой гор пока ещё штиль, но вот приходит глубокая и спокойная, как дыхание, зыбь, а через несколько минут налетает полоса ветра. Волны становятся круче, злее и белые гребни рождаются из глубины. Через горы в светлую долину озера, как водопады, текут белые дымящиеся тучи, разорванные острыми вершинами скал. Пристаём в защищённой от волн бухточке и высаживаемся, радостно приветствуемые собаками, идущими

за нами по берегу. Разыскивая скудный плавник для костра, мы слышим время от времени какой-то глухой гул. Лев прислушивается: – Может быть обвалы в горах? – неуверенно говорит он. – Может быть. О вулканах здесь не приходится говорить. – так же неуверенно поддерживаю я его. Мы снова слушаем, и когда опять раздаются глухие раскаты, все сразу догадываются – это гроза. Проведя не одно лето на Севере, никто из нас уже давно не слышал грома, и тем более удивительным он оказывается здесь, на 75-й параллели.

На другой день продолжаем путь, идя вдоль берега с лёгким попутным ветром. Неожиданно Николай взволнованно восклицает: «Братцы! Катер идёт!» Мы хватаемся за бинокли. Впереди, серединой озера, действительно движется небольшой катер. Постепенно мы сближаемся, катер поворачивает к нам. На носу человек непрерывно кидает лот, промеряя глубину. На катере бросают якорь и, поднявшись на борт, мы пожимаем руки незнакомым людям в ватниках и тёплых шапках. Мы знакомимся с экспедицией Главсевморпути, прибывшей для организации на озере полярной станции. Поднявшись по Нижней Таймыре с полярной станции Усть-Таймыры до озера с паузком на буксире, они идут на разведку для выбора места строительства. Мы рассказываем им о фарватере, о глубинах у берегов, расспрашиваем про обстановку в истоках Нижней Таймыры. Не забываем и о последних известиях, которых не слышим уже три месяца, и они сообщают нам добрые вести о провале немецкого «весеннего наступления», об успехах наших войск.

Мы прощаемся, обрадованные новостями с фронтов и тем, что даже здесь, на самой северной и пустынной окраине нашей великой страны встретились друзья, принесшие нам эти новости. Пожелав успеха товарищам, мы снова подняли парус. Ветер долго доносил сзади деловитый стук машины, и мы следили за уходящим силуэтом катера.

Рано утром сквозь сон я слышу, как шумит дождь о брезентовую крышу палатки. В бухте, защищенной высокими скалами, тихо, но на озере видно как ходят серые волны. Дует свежий норд-ост. Понемногу стихает дождь. Я сижу у костра, где Нико-

лай печёт лепёшки, грею над углями стынущие руки и вдыхаю запах тёплого хлеба. В такую погоду хочется сидеть дома, даже если этот дом – всего лишь брезентовая палатка и костёр из нескольких тощих палочек плавника. Но надо ехать, чтобы сделать гидробиологический разрез. Совсем близко, километрах в восьми – десяти, поднимаются скалистые обрывы западного берега озера, куда лежит наш путь. Над скалами горы, уходя вверх, громоздятся одна над другой и прячут опушённые снегом головы в низкие тучи.

Наш путь не далёк, но при здешней погоде можно не выбраться обратно несколько суток, и мы собираемся как в большой поход. Едем мы вдвоём с Мишей, и товарищи, провожая нас, грузят в лодку ведро варёных зайцев, добытых вчера Николаем, огромный запас свежих лепёшек, шоколад. Мы берём полушубки, запасные сапоги, спички и чувствуем себя вполне законченными робинзонами, которым не хватает только необитаемого острова, чтобы немедленно приступить к исполнению своих прямых обязанностей.

Выезжаем под добрые пожелания Льва и Николая. На открытом плёсе ветер гонит с севера крупную волну. Миша работает вёслами, я держу руль и иногда отливаю воду, заплёскивающую через борта. Временами мы бросаем якорь и, балансируя в прыгающей на волне шлюпке, я беру гидробиологические пробы, измеряю температуру воды, глубину. Потом мы снимаемся с якоря и продвигаемся дальше, до следующей остановки. К вечеру наша шлюпка пристаёт к чистому галечнику западного берега. Под защитой скал кипятим себе чай, уничтожаем припасённых зайцев. Покусывая шоколад, я пишу дневник и привожу в порядок вымокшие записи сегодняшнего разреза.

Потом мы собираем и грузим в лодку плавник, которого здесь оказывается сравнительно много. На северо-восточном берегу его почти нет, а для растопки угля он необходим. Поэтому мы бережливо собираем все палки и куски дерева, принесённые водами Верхней Таймыры и выброшенные здесь на берег. С грузом драгоценного топлива мы пускаемся в обратный путь. Ветер, мешавший раньше, теперь нам по пути. Надувшийся парус рвётся

из рук, как норовистая лошадь, и упрямо клонит мачту. За рулём бурлят пенистые зелёные завитки воды. Ближе и ближе поднимаются обрывы скал, у подножья которых приютилась палатка товарищей. Ранним утром мы причаливаем в бухте. Лев и Николай помогают выгрузиться и вытянуть лодку.

На другой день лагерь снимается. После восьми часов хода с попутным ветром мы причаливаем у своей базы. Промёрзнув дорогой, все бросаются растапливать печку. Весёлый огонёк сразу делает одинокую палатку в пустынной бухте Таймыра родным домом. Мы отдыхаем в тепле, и Лев «угощает» патефоном.

С утра начинается домашняя трудовая жизнь. Анализы уловов рыбы, паразитологические исследования, очередные сборы гидробиологических проб, три раза в сутки метеорологические наблюдения, а в свободные минуты – разные хозяйственные работы. Дни заполнены до отказа, и мы радуемся, что ночи пока ещё светлы и позволяют заканчивать незавершённые днём дела.

С Николаем расчищаем место для установки палаток на зиму. Наметили выбрать нишу в уступе полуосыпавшегося скалисто-го холма, где стоит палатка. В этом гнезде, углублённом в скалы и огороженном снаружи каменным барьером, мы будем защищены почти от всех ветров. Между поставленными друг против друга палатками проектируем соорудить из камней и дёрна тамбур, который будет служить тёплой передней и кухней. В глубине её Николай лепит из многопудовых серых камней и глины огромную печь, покрыв её сверху листом железа из разрубленного бензинового бочонка. От небольшой площадки перед входом

База экспедиции на о. Таймыр

вниз, на вымытый прибоем галечник бухты, ведёт лестница каменных широких уступов, спускающихся к самой воде. Пониже палаток намечается хранилище для всяких запасов, а наверху, на скалистой высотке над палатками устанавливается флюгер. Всё хозяйство постепенно приводится в порядок и удобно, компактно размещается под защитой скал в глубине бухты.

В одно утро мы, наконец, просыпаемся от радостного крика Ивана, приветствующего встретивших его на берегу собак. Они с Яковлевичем вернулись из обратного рейса на Горбиту за оставленным там грузом. Теперь все у нас дома, весь груз на месте, и мы кормим, поим и угощаем музыкой путешественников. Слушаем рассказы. Теперь остаётся сделать последний и наиболее интересный маршрут в восточную часть озера. Там ещё никто не был. Мы торопим выезд. Идёт последняя декада августа, время не ждёт. В начале сентября уже могут начаться забереги.

Утром накануне отъезда мы вдруг слышим нарастающий гул мотора. С востока, из-за гребня гор, появляется самолёт. Через минуту большая красная машина, сделав быстрый круг, садится на озеро и с разгона вбегает в бухту, вспенивая воду поплавками. У берега бросают якорь. По надписи на борту и номеру мы с радостью узнаём машину Верибрюсова и спешим столкнуть на воду лодку, чтобы перевезти на берег неожиданных гостей. На берег сходят А.П. Завенягин – заместитель наркома внутренних дел, А.А. Панюков – начальник Норильского комбината, его заместители, команда самолёта. Направляясь на мыс Входной в устья Пясины, они разыскали нашу стоянку на озере. Молчание нашей рации, так и не появившейся в эфире в условленные сроки, вызвало в Норильске некоторое беспокойство. В палатке, заваленной сложенными сюда перед отъездом запасами, снаряжением, оборудованием, кое-как размещаем гостей. Николай приносит чай, жарит рыбу. Мы рассказываем о первых результатах работ, спрашиваем об известиях и новостях. После чая вместе с гостями бросаем в бухте тоню неводом, и на самолёт уносят таймырские гостинцы – несколько чиров, сигов и довольно крупного гольца. Александр Алексеевич обещает прислать самолёт с новым магнето к мотору, аккумуляторами для рации

и другим нужным нам оборудованием. Мы наскоро записываем наши нужды и отдаём ему список. Иван перевозит гостей на борт самолёта. Мы желаем друг другу счастливой дороги и самолёт легко взлетает из бухты. Через минуту он скрывается за горой. На озере опять пустынно и только недопитые кружки чая и конфетные бумажки убеждают нас, что самолёт был реальностью.

Обрадованные надеждами на получение поддержки, убедившись в том, что нас не забывают и беспокоятся, мы с новой энергией оканчиваем сборы в последний в этом году маршрут на восток.

Утром дует свежий запад и вчетвером на двух лодках мы выходим из бухты. На базе остаются Яковлевич с Михаилом, продолжать строительство и вести очередные стационарные наблюдения.

Часа через полтора мы подходим к бухте Ожидания, где обособиваются наши соседи-полярники. На косе уже стоит довольно высокий домик, обдуваемый со всех сторон ветрами, как положено метеостанции. Хозяева встречают нас у лодок. Вид у всех сильно утомлённый. Уже около двух недель они вшестером работают не покладая рук, торопясь закончить выгрузку двух кунгасов с продовольствием, стройматериалами, каменным углем, горючим и всем необходимым оборудованием полярной станции. Постоянные шторма не дают возможности подвести кунгасы к открытому берегу косы, на котором строится дом. Поэтому выгрузку приходится производить в бухте и около полукилометра перетаскивать на руках весь груз к месту стройки. Но сейчас дом уже вчерне готов. Сложена плита, вставлены окна. Постоянно дующий ветер ещё не даёт им покрыть крышу, но всё же товарищи приглашают нас через несколько дней заезжать отдыхать и греться в новом доме.

Ветер усиливается и, распрощавшись, мы снова поднимаем паруса. Идём серединой озера, держа курс на виднеющиеся вдалеке мысы. Здесь озеро широко – более 20 километров, и глубины тоже сравнительно велики. Широкая, как в море, волна равномерно бросает шлюпку вперёд и вверх. Иногда зелёные гребни, догоняя лодку, осыпают на корму шумящую пену, и вода обливает спину и наполняет карманы моего брезентового плаща.

Плоская коса далеко вдаётся в озеро, перегораживая его почти до половины. Мы огибаем её и входим в широкий залив. Пристаём к берегу. Невысокие глинистые обрывы и галечный, обмытый волнами берег под ними. Выше – пологие склоны тундры, постепенно повышающейся к отступившим от озера горам. Дикий, пустынный берег. Только серая галька, камни и след одинокого волка на песчаной полоске под обрывами. С трудом разыскиваем три маленьких кусочка дерева-плавника.

Вслед за нами, с опущенным до половины парусом, подходят Лев с Николаем. В пути у них сломало рею, и пока они её наскоро чинили, в лодку нахлестало довольно много воды. Путешественники намokли и замёрзли. В связи с этим палатка разбивается с исключительной быстротой, через полчаса лагерь приводится в полный порядок и на печке с жарко пылающим углем уже шипит чайник. А ветер всё усиливается и, повернув, начинает дуть с северо-востока. Наутро в лужицах на берегу блестит тонкий лёд и земля стучит под каблуками сапог. В синем небе солнце и ветер. Из озера, шумя, катятся белоголовые ряды волн и мягко ложатся на береговую отмель. Приходится сидеть и ждать, пока утихнет погода. Только на третьи сутки немного стихает, и мы выезжаем на южный берег озера, начиная гидробиологический разрез. Необходимый инструментарий раскладывается в лодке в строгом порядке. Всё лишнее берёт в свою лодку Лев. Мы выезжаем вперёд. Иван гребёт, останавливаясь через определённые промежутки времени, я меряю глубины, определяю грунт. В некоторых местах берутся пробы бентоса, делаются планктонные ловы, измеряется температура воды. На озере слегка штормит, дует норд-ост и мокрые руки на ветру сильно мёрзнут. К концу разреза пальцы уже плохо слушаются, и на помощь приходит Иван. Он энергично помогает мне возиться с приборами, а я заменяю его, разогреваясь на вёслах. Медленно, но верно приближается южный берег. В стороне уже виднеется палатка, разбитая нашими товарищами, под парусом быстро пересёкшими озеро.

Равномерные 5-6-метровые глубины у южного берега постепенно уменьшаются. Илистые отложения переходят в песчаные отмели. Мы доходим до берега и, окончив работу, спешим к ла-

герю. Ветер опять усиливается и, сидя в палатке за разборкой гидробиологических проб, мы снова слушаем, как он шумит брезентом крыши, гудит в оттяжках.

Вернувшись с разведки, Лев с Николаем рассказывают, что берег этот богат дичью и в доказательство предъявляют гуся и нескольких куропаток. Кроме того, они находят бруснику, не встречавшуюся нам нигде на северном берегу. Маленькие ручьи, впадающие в озеро, и тундровые лужицы делают этот берег гораздо более пригодным для гнездования гусей, гаги и различных других уток, чем каменистые и крутые северные склоны. Там мы почти не видели водоплавающей птицы и теперь, переехав озеро, чувствуем себя на берегах южной страны, где в изобилии гнездятся птицы и произрастает даже такой редкостный фрукт, как брусника.

Кроме того, Лев находит на широкой галечно-песчаной косе клык мамонта. Его заострённый желтоватый конец торчит из земли, как только что пробившийся проросток какого-то чудовищного растения. На другой день ветер всё так же бешено дует, принося иногда холодный дождь. Охотники бродят в поисках дичи, а я отправляюсь на раскопки бивня. Основанием своим он глубоко уходит в песок, и мне приходится долго окапывать и расшатывать его небольшим ломиком, пока наконец он вытягивается. Клык оказывается великолепной сохранности и весом не менее 35 килограмм. Торжествуя, но кряхтя под тяжестью, я волоку его километра два до лагеря и с грохотом роняю на камни у палатки. Товарищи дружным смехом встречают появление охотника за мамонтами и предлагают мне подкрепиться добытой ими гусятиной. Но, несмотря на смех, все живо интересуются моей добычей и строят проекты выделки трубок, мундштуков, ложек, портсигаров и прочих предметов первой необходимости из мамонтовой кости. Экспедиция теперь обеспечена работой на всю полярную ночь.

Л.Н. Лобовиков
с бивнем мамонта

Ветер всё не стихает. В тумане на озере ревет шторм, накатывая на берег грязные волны. Дрожит от его напора намокший брезент палатки. Снова сидение в ожидании погоды.

Вечером на третьи сутки ветер стихает и мы отправляемся дальше на восток вдоль южного берега. Вскоре он отходит вправо, образуя широкий залив, в глубине которого должна впадать речка Яму-Тариди, но прибрежная отмель всё расширяется, отходя от берега влево. Мы долго идём вдоль её края, прощупывая глубину веслом и пытаюсь отыскать какой-либо фарватер, позволяющий пройти в залив к устью реки. Но прохода нигде нет и, миновав залив, поворачиваем на северный берег. На озере устанавливается полный штиль. Спокойно мы начинаем разрез. Всё дальше отходит южный берег, уже пройдена половина озера, уже близок северный берег, а глубины не увеличиваются, колеблясь от одного до полутора метров. Только у самого берега наконец находится узенькая борозда, где глубина падает до трёх метров. Такого мелководья не ожидал никто и все дружно ругают «лужу». Только гидробиолог, радуясь тихой погоде и лёгкости работы на такой малой глубине, берёт пробу за пробой. Улов «червяков», хотя и небольшой, ему всё же обеспечен и здесь. Немногочисленные черви, личинки комаров-мотылей и некоторые другие животные населяют эти отмели.

Подойдя к северному берегу, мы снова поворачиваем на восток и долго идём в поисках места, пригодного для стоянки, где берег был бы не таким обмелённым, где возможна была бы ловля неводом и постановка сетей.

Наконец находим бухту с высокими берегами, с глубинами около двух-трёх метров. Лодки вплотную подходят к чистому галечнику и после двенадцатичасовой езды мы с удовольствием разминаем ноги на сухом берегу. Выше, на довольно крутых склонах перелетают табуны уже начинающих белеть куропаток.

Выгрузив лодки, разбираем палатку и, используя штилевую погоду, ставим в бухте сети и закидываем две тони неводом. Лев садится за анализ улова, я – за разборку проб, взятых на последнем разрезе.

После работы усаживаемся за поспевшую к этому времени уху и жареную рыбу. Перед палаткой мы заканчиваем обед чаем,

когда к нам подходит песок. Он садится на камнях шагах в пятнадцати, недовольно смотрит на наше мирное занятие, а потом начинает рассерженно, ворчливо тьявкать. Некоторое время мы рассматриваем его спокойно. Но, наконец, Ивана возмущает наглое поведение зверька и, в свою очередь обругав его, он швыряет в песка камнем. Сварливый хозяин здешних мест поспешно убегает. На нём ещё совсем тёмная летняя шкура.

На другой день тихо, но сыплет мелкий, беспросветный дождь. С утра мы снова рыбачим, потом со Львом в палатке анализируем улов. В приподнятую дверь виден низкий галечный берег с лужами воды, переходящий в серую муть тумана и дождя. Не видно ни озера, ни неба, ни противоположного берега. Иван с Николаем бродят с ружьями, охотясь на куропаток, и скоро приносят десятка полтора птиц.

К вечеру проясняется, и я отправляюсь на горки посмотреть, какой характер берегов дальше к востоку. Озеро всё больше сужается и отмели становятся шире. Видов на улучшение обстановки к востоку нет. На обратном пути натываюсь на песцовый норник. На сухом холме в ряд сидят семеро щенят. Они ещё молодые, большеголовые, с торчащими ушками, глядят на меня с любопытством и хрипло лают. Я поднимаю «Лейку» и, постепенно приближаясь, снимаю их несколько раз. Подпустив меня метров на пятнадцать-двадцать, щенки один за другим прячутся в норы. Из-под земли из многочисленных дыр только глухо слышится их тьявканье.

На другой день опять мелкий дождь и северо-восточный ветер. Уже 6 сентября и где-то близко, за горами, чувствуется близость зимы. Встречный ветер не позволяет плыть дальше на восток. Ожидать перемены ветра в скором времени не приходится: восточные ветра здесь очень сильны, длительны и уже два раза задерживали нас по трое суток. Поэтому решаем возвращаться.

Используя попутный ветер, отправляемся домой. У бухты Ожидания с крыльца машут нам зимовщики – заезжайте. За прошедшие дни они окончательно устроились. Катер с двумя товарищами ушёл на свою базу в Усть-Таймыру. На озере осталось четверо. Нас радушно приглашают в новый дом, угощают

обедом, чаем, мы греемся в тепло натопленной комнате и окончательно знакомимся. Алексей Андреевич Левыкин, метеоролог и начальник полярной станции, и его трое товарищей – метеоролог, радист и механик – все старые полярники. Много лет они работали в Главсевморпути, и каждый из них может немало вспомнить о зимовках на Земле Франца-Иосифа, на острове Домашнем, на Новой Земле и мысе Челюскина.

Отдохнув и согревшись, прощаемся с хозяевами. Они дарят нам так необходимый для нашего строительства лист толя и два листа железа. Мы оставляем им на прощанье несколько чиров покрупнее и уезжаем. Северо-восточный ветер работает безотказно, и через два часа лодки входят в бухту. Собаки радостным гвалтом встречают нас, Яковлевич рассказывает местные новости и с гордостью показывает шестерых великолепных щенят Мымры, недавно появившихся на свет. Колония процветает.

С нашим приездом подготовка к зиме усиливается. День у всех заполнен до отказа. Я делаю очередные серии наблюдений в бухте, Лев сидит над своими анализами, а в свободные минуты мы присоединяемся к товарищам, занятым строительством и прочими хозяйственными делами.

Место зимовки на озере Таймыр

В тёплый безветренный день палатки переставляются в заготовленные для них гнёзда, построенные у подножья каменистой высоты. Устанавливаются они со всей возможной тщательностью.

Мы привязываем к брезенту внутренние фланелевые чехлы палаток, оставляя между ними промежуток. Благодаря этому внутренние стенки будут у нас всегда сухи. Пары будут оседать инеем под чехлом, на брезентовой крышке палатки. При остром недостатке дерева установка требует много изобретательности и расчётливости. Для каркаса приходится использовать несколько привезённых палок и вёсла.

Внутреннее убранство зимовального дома. Справа – окошко В.Н. Грезе, слева – Л.Н. Лобовикова. Сентябрь 1943 г.

К вечеру сооружение заканчивается. Мы переселяемся на новое место. В большей палатке размещаемся Лев, я и Миша. Здесь же, под окошками, устанавливаются ящики, служащие нам рабочими столами. Миша устанавливает рацию. Здесь же будет у нас столовая. В другой палатке устраивают спальню Яковлевич, Николай и Иван.

В тамбуре Николай по-хозяйски оборудует свою кухню-лабораторию. Каждый день жилище приобретает всё более законченный и культурный вид. Из грузовых брезентов над тамбуром натягивается крыша, поддерживаемая мачтой, положенной на каменные стены. В двери его вставляется окошко из небьющегося стекла. У стены из крупных камней строится умывальник, на котором стоит таз. Мы с Мишей проектируем и два дня паяем и налаживаем бак для умывальника. Он делается сложной формы, располагается на верхнем колене печной трубы в палатке. От него медная трубка с краном выводится через стенку к умывальнику. Стоит потянуть кольцо рычажка, соединённого с краном, и к услугам вашим из трубки появляется струя тёплой воды. Здесь же, над умывальником, на стенке из серых камней и местами зеленоющего дёрна, укрепляется полочка для мыльницы и зубного порошка. Эта смесь каменного века и современной техники доставляет всем большое удовольствие, и никто не пропускает малейшего предлога для того, чтобы лишний раз вымыть руки.

В палатках также всё постепенно приводится в порядок. Из ящиков и дощечек сооружаются койки. Из остатков фанеры и дерева я делаю шестиугольный стол с откидной крышкой. Днём её половина устанавливается в ногах над моей койкой посередине палатки. За обедом мы с удобством размещаемся за этим сто-

лом. Каждая вещь находит себе определённое место, и в палатке устанавливается та уютная и удобная теснота, какая бывает в судовых каютах.

Оборудовав себе рабочие места, мы со Львом целыми днями сидим рядом, каждый перед своим окошком, за работой. Осенний лов рыбы сейчас обилен, и Лев много работает над ней. Я веду паразитологические анализы рыб. Тороплюсь взять до ледостава гидробиологические пробы возможно в большем количестве и много сижу над их разборкой.

10 -15 сентября начинает уже выпадать снег. Замерзает земля. У берега на камнях уже налипает ледок. Но теперь мы готовы к зиме и ожидаем её спокойно. Начинает появляться олень. Как-то вечером трое охотников возвращаются домой возбуждённые, принеся одного зайца, олений помёт и патетический рассказ о том, какой он был тёплый, когда они его подобрали в качестве вещественного доказательства правдивости сообщения о множестве виденных оленей. Для нас это действительно очень важно. Хотя в складе надёжно убран порядочный запас муки и кое-каких других продуктов, но на одних этих резервах дожить до весны будет трудно при отсутствии подкрепления. А так как прибытие самолёта в осеннее и зимнее время на озеро, по почти неизвестной трассе, дело малонадёжное, то возможность заготовить оленьего мяса нас очень радует. Это тем более важно, что собаки также требуют большого количества корма.

Первый табун оленей был замечен на базе 15 сентября. Все заметались, лова отвязанных собак, разыскивая патроны. Защёлкали затворы карабинов, и трое охотников ушли по следам зверей. В бинокль мы со Львом наблюдали, как вдалеке около сорока оленей, блестя белыми зеркальцами, обращёнными к заходящему солнцу, медленно уходили от базы по горам, покрытым молодым розовеющим снегом.

Возвращаются охотники утром. Героем дня оказывается Иван, добывший первого оленя. Ночью прошло ещё несколько их табунов. Началась массовая откочёвка оленей с побережья Карского моря. Все они идут по строго определённому пути от Нижней Таймыры по берегу озера на восток, очевидно, обхо-

дя его кругом. Тропы их проходят в узкой прибрежной полосе между озером и горами, в которые они далеко не углубляются. Поэтому положение нашей базы оказывается очень выгодным. Табуны оленей по 10, 30, 50, 100 штук приходят к самому дому, и охотникам нет ни минуты покоя. Миша с утра до ночи пропадает в тундре, и однажды его дневной счёт достигает рекордной цифры - 8 убитых оленей. Его успехи заставляют и нас со Львом, на время оставив занятия, отправиться в тундру с карабинами.

Поднявшись на перевал, я замечаю невдалеке оленей. Они бродят на открытом месте, пасутся, некоторые лежат. Подойти к ним нельзя, и я сажусь караулить их за камнем. В тундре в последнее время стало довольно оживлённо. Кругом, как заводные игрушки, катаются лемминги, расплодившиеся к осени в огромных количествах. Прибегает несколько зайцев. Они садятся недалеко, смотрят на меня, потом принимаются пастись, что-то выискивают в сухой траве между камнями, обеими лапами моют морды. Олени постепенно поднимаются и уходят от меня в горы, но вдалеке я вижу с горы следующий табун, направляющийся вдоль берега озера. Спустившись вниз, устраиваюсь в новой засаде. По кромке берега мимо меня бесшумно пробегает пара песцов. Они уже почти белые. Только сероватая тень остаётся от летнего наряда. Я сижу не шевелясь, ожидая оленей. Из-под камня появляется горностай. Белой атласной змейкой он струится между камнями, столбиком поднимается на задних лапках, рассматривает меня чёрными бусинками глаз. Он, видимо, заинтересован и вертится рядом, в четырёх-пяти метрах. Когда я протягиваю руку, он прячется под камень и сердито цыкает на меня оттуда.

Из-за поворота берега показываются олени. Крупный бык с тяжёлыми рогами идёт впереди. Притаившись, я пропускаю часть табуна мимо и тогда сверху стреляю, выбирая самого крупного. Зверь падает. Табун, услышав выстрел, останавливается, насторожившись, стараясь понять, где опасность. Я стреляю вторично и, заметив меня, олени бросаются бежать. Я стреляю вдогонку и иду посмотреть добычу - крупного быка и важенку. Достав нож, начинаю потрошить и освежёвывать туши. Долго сижу над ними, снимая шкуры. Слабый стук заставляет меня по-

вернуть голову. Пониже, на берегу, метрах в тридцати за моей спиной спокойно проходит ещё один табун. Потихоньку, чуть шевелясь, поворачиваюсь и медленно поднимаю карабин. Крупная важенка падает от первого выстрела, вторая пуля улетает в озеро. Патронов у меня больше нет, и я с досадой смотрю, как штук тридцать оленей в растерянности топчутся передо мной, не понимая куда бежать. Поднявшись из-за камня, я спугиваю их.

Покончив с разделкой третьей туши, я отправляюсь домой. На лайде, на склонах горы, всюду попадаются лемминги. Они шныряют под ногами буквально на каждом метре. Из-под каждого камня и кустика травы видны их злобно оскаленные мордочки, встречающие приближение врага ожесточённым писком. Наши палатки непрерывно осаждаются ими. Они зачем-то постоянно залезают на крышу и потом скатываются оттуда, скребя когтями по брезенту. Лезут они и внутрь. Однажды я нашёл лемминга сидящим на книгах на моём столе, а ночью Лев поймал одного у себя в спальном мешке. Он лез к нему под рубашку, но был схвачен и отброшен в дальний угол палатки. Из шерсти спавшего у своей конуры Дружка был вытащен лемминг, забравшийся, видимо, погреться в это тёплое место. Нахальство этих зверьков превзошло всякие пределы, но в последнее время стали заметны признаки какой-то эпизоотии, сильно распространившейся среди них. Они начали в массах дохнуть и вскоре почти исчезли. Весной следующего года мы не видели ни одного.

Дома Миша возится с радиохозяйством. Наши друзья из бухты Ожидания зарядили нам аккумуляторы, и вечером ожидается слушание известий. Днём были установлены мачты, и сейчас к палатке подводится антенна. Поздно вечером среди визга, треска и завываний, слышных в телефонах, вдруг раздаётся спокойный ясный голос:

– Внимание! Говорит Москва.

На Таймыре, в палатке, обметаемой сентябрьской пургой, после четырёх месяцев, проведённых в безлюдной тундре, эта обычная фраза звучит особенно, необычно волнует. Вспоминаются яркие огни вечернего города, мягкие гудки машин, быстрый и полнокровный пульс столицы.

Я выхожу из палатки. Внизу, в смутно белеющих берегах, стынет тёмное озеро. Позёмок замечает снегом свернувшихся у входа двух собак и над головой медленно шевелится зеленоватый сполох, первый в этом году. А где-то далеко говорит столица, и Красная площадь салютует в честь взятия Новороссийска.

10 октября. Наконец затянулась льдом долго не замерзавшая полоса воды на фарватере, и мы вышли ставить сети. Идем на некотором расстоянии друг от друга, осторожно прощупывая лёд. Толщина его уже доходит в бухте до 8 см, но местами, где на нем наметен снег, он тоньше и в одном из таких мест я проваливаюсь. Выручает взятый специально для такого случая хорей и я выбираюсь на лед, немного намкнув выше колен. Переодевшись в палатке, присоединяюсь к товарищам, благополучно добравшимся до фарватера и ставящим там порядок сетей. Для привязки их над прорубями вмораживаются ветвистые олени рога. В бухте устанавливается несколько крючков и великолепные гольцы в большом количестве попадают на приманку из их же мяса. Все по очереди бегают к прорубям, чтобы вытащить одну-две 5–8 килограммовых рыбины.

Зима начинается хорошо, и когда проглядывает солнце, я пользуюсь этим, чтобы заснять товарищей. Все, как сговорившись, хватают на руки щенят, вертящихся под ногами, и фотографируются с видом счастливых папаш, нянчащих малолетних первенцев. Лохматые и толстые щенки действительно очень хороши и теперь служат предметом всеобщих забот. В их распоряжение предоставлена половина оленя, и мы с удовольствием наблюдаем, как они грызут ее, облепив со всех сторон.

V. Без солнца.

На базе устанавливается размеренный порядок жизни. В семь утра дежурный встает делать метеонаблюдения. Николай поднимается готовить завтрак. Понемногу оживают остальные. Собираются за шестиугольным столом вокруг кастрюли или сковороды. За завтраком обсуждается план работ на день и Лев распределяет силы. Рыбаки отправляются смотреть сети,

кто-нибудь идет в тундру с ружьем пострелять зайцев, Иван едет на собаках привезти воды (или угля с «шахты»).

В час-два приходим с сетей и мы со Львом начинаем работать за столом. Вечер заполняется, если нет текущей работы, книгами, игрой в домино, работой с мамонтовой костью, иногда патефоном.

У нас со Львом пока безработицы нет. Сиг, муксун, чир ловятся сейчас в изобилии в связи с нерестовыми передвижениями. Иногда улов достигает 30 штук на сеть, и потому нам много хлопот с его анализами. У этих рыб происходит сейчас икрометание. Лев занят определением плодовитости здешних рыб, которая оказывается примерно такой же, как на Енисее. Я изучаю их питание, вскрывая желудки. Выясняется, что у муксуна они часто наполнены большим количеством икры сигов, а частично, быть может, и самого же муксуна, пожирающего её без разбора. Как у самцов, так и у самок иногда находилось по несколько сотен совершенно свежих икринок, наполнявших желудок. Прекрасная сохранность икры и встречаемость её почти у 100% муксунов показали нам, что нерестилища находятся в непосредственной близости от наших сетей, на дне фарватерной части. Проточность этих мест, их сравнительно твердый, мало заиленный песчано-каменистый грунт создают здесь благоприятные условия для развития икры. Но своеобразный «каннибализм», проявляемый рыбами, поедающими собственную икру, несомненно, наносит большой ущерб их размножению.

В свободное время я выхожу пострелять зайчиков. В окрестностях базы их водится очень много и все лето зайчатина была постоянным блюдом нашего стола. Осенью число их ещё увеличилось. Они стали собираться большими группами по несколько выводков и на склоне, особенно любимой ими Ушкан-горы, однажды мы смогли насчитать до трех десятков пасущихся зайцев. Никогда не пуганные человеком, они относятся к охотнику с удивительным равнодушием, быть может, принимая его за двуногую разновидность оленя. Поэтому охота на них очень проста. Я беру ружьё и иду как в домашний крольчатник к подножию Ушкан-горы. Преследуемые полярной совой, ко мне бегут рядышком три зайца. В сотне метров от меня они останавливаются пастишь.

*Лев Лобовиков у «своего» окошка
занят биологическим анализом рыб*

Я взвожу курки централки и, медленно переступая, подхожу к ним метров на двадцать. Одного убиваю. Двое других отбегают на несколько шагов и снова начинают жевать и раскапывать в снегу какую-то травку. Я подхожу опять и убиваю второго. Третий на минуту отрывается от своего занятия и снова начинает жевать. Я подхожу к нему

шагов на десять и стреляю. В полчаса вся охота закончена. Только в ноябре-декабре зайцев становится меньше, а позже они совсем исчезают, быть может, откочевав в другие места.

26 октября просыпаюсь рано и слушаю шум пурги. В палатке темно – окна замело снегом. С фонарём выхожу делать метеонаблюдения. На крышу палатки под защитой скалы намело массу снега. Совершенно замело вход в снеговую пещеру, вырытую недавно внизу, в сугробе, для собак. Пурга очень сильна. С трудом можно ходить, пригибаясь к земле и отвернув лицо от ветра, забивающего дыхание, слепящего глаза снегом. В 30–40 шагах на земле уже ничего не видно, но вверху светло и красный флаг ярко цветёт в прозрачном небе, поднятый на радиомачте высоко над пургой.

Когда я возвращаюсь, раздаётся треск, и Лев выскакивает мне навстречу из палатки. У неё ломается деревянный конёк крыши, не выдержавший тяжести навалившегося сугроба. Палатка сильно оседает и проваливается, грозя окончательным крушением. Кое-как мы подпираем конёк пешней и бросаемся все откапывать сугроб. Очень нескоро удаётся нам это. Пурга заносит раскопанное пространство почти с такой же быстротой, как мы откапываем его. Наконец удаётся приподнять осевший конёк палатки, связать проволокой его сломанные концы и подставить под них деревянную подпорку. Некоторое время всё спокойно, но вскоре

крыша опять начинает угрожающе оседать под новыми массами снега. Подпорок больше нет, наши ресурсы стройматериалов давно использованы. Я вспоминаю про железный лом, оставленный на озере у сетей. Приношу его, и нам удаётся вовремя поддержать быстро оседающую крышу. В тамбуре я вычищаю карманы полушубка, в которые пурга до отказа набила снега. Выбрасываю его из-за пазухи, из-за ворота, из-за голенищ валенок.

Наступает некоторое затишье, но скоро опять начинается тревожно трещать каркас и оседать крыша. Оба её ската сильно прогибаются, палатка становится тесной. Мы чувствуем, что наше благополучие висит на волоске, и лихорадочно ищем ещё какую-нибудь подпорку. Раскапываем полузанесённые снегом дрова, но среди них только корявые мелкие палки трухлявого плавника. Наконец кто-то замечает половину бензиновой бочки, разрубленной вдоль и служащей нам ванной. Мы втаскиваем её в палатку и, поставив на ящик, ещё раз подпираем грозящий обвалом кров. Ещё один натиск пурги пока отбит.

В палатке теснота, темнота и беспорядок. Койка Льва и моя ликвидированы. Там стоят подпорки. Только Миша, заболевший простудой, ещё помещается на своём обычном месте. Вечером мы сидим со Львом на полу у печки на шкурах, прислушиваемся к шуму пурги, к тревожному потрескиванию подпорок и ждём обвала. Всё бьющееся и легко ломающееся убрано. Спать ложимся не раздеваясь, на шкурах у выхода. Надо быть готовым выбираться из-под обломков рухнувшего жилища.

Пурга всё с такой же силой дует третьи сутки. Нас начинает беспокоить судьба собак, заметённых снегом, где-то глубоко в снежной пещере. Трое из них, отвязавшиеся перед пургой, сейчас устраиваются по собственной инициативе и, поселившись у мясного склада, чувствуют себя как нельзя лучше. Положение же остальных не известно. Кроме того, громадный сугроб надвинулся на топливный склад и если пурга продлится ещё долго, нам придётся мёрзнуть. На четвёртые сутки к вечеру пурга стала стихать. Я вышел. В небе яркие звёзды и бледное сияние, скользящее над горами на севере. Внизу чётко рисуются белые берега бухты и тёмный, вычищенный пургой лёд, а в дверях нашего за-

несённого снегом приюта тепло светится окошко и чуть слышно из палатки звенит рояль: «За окнами шумит метель роями белых пчёл» (*«Ирландская застольная» в исполнении Луканина В.М – прим. авт.*). Это Миша завёл патефон. В последних вздохах пурги чуть дымятся гребни сугробов.

С утра на базе аврал. Раскапываем собак. Они радостно встречают своих освободителей, но Бобка, хороший сильный пёс, оказывается мёртвым. Он, видимо, удавился, запутавшись в своей привязи. Лев с Яковлевичем уходят проверять сети. Остальные заняты у палатки. Раскопав и исправив её, мы решаем построить вокруг из снежных кирпичей купол, который защитит палатку от подобных натисков пурги. Из хрустящего, прессованного ветром снега вырезаются огромные кирпичи и вокруг жилища воздвигается снежная пирамида. Иван на собаках подвозит воду, и снеговые кирпичи поливаются ею. Все дыры замазываются идеальным арктическим цементом из воды и снега. В куполе для вентиляции пробиваются три отдушины и защищаются от заноса снеговыми трубами. Тёплый воздух и пар лёгкими облачками дымится над ними, и сооружение сильно напоминает какую-то печь, но мы очень им довольны. Используя полученный опыт снегового строительства, мы потом постепенно превращаем базу в сложный архитектурный ансамбль из снежных куполов и других строений. По мере того, как сугробы, нарастая, скрывают нашу квартиру, она всё растёт. Перед тамбуром появляется просторный снежный вестибюль с верхним освещением через окна, застеклённые большими ледяными пластинами. Система подснежных ходов идёт отсюда к складу, и теперь пурга совершенно бессильна причинить нам вред. Мы можем выдержать месячную осаду её, не выходя на поверхность.

Подснежное жилище собак в недрах сугроба тоже совершенствуется. Каждая из них располагается в отдельной комнате-нише, выходящей в общий коридор, как бывает в гостиницах. Вытяжная труба обеспечивает вентиляцию. Вход закрывается оленьими шкурами.

Зимовка совершенно занесена снегом, и её место обозначается только десятком снеговых труб, слегка дымящихся на морозе, и тёмной дырой, ведущей куда-то вглубь сугробов. На посторонне-

го человека это произвело бы странное впечатление. В большом городе это звучит как сказка. На краю земли, где не светит солнце, и холодный ветер шуршит сыпучим снегом, под скалами на берегу застывшего озера, виднеется дыра, уходящая в сугробы. Когда влезает в неё, открывается снежный коридор, освещённый сверху зеленоватым светом ледяных окон. В конце его дверца, обитая белым заячьим мехом, и маленькое оконце светится тёплым огоньком. Боковые ходы уводят куда-то вниз, в глубину снега. Открыв дверцу, вы попадаете в низкую комнату. Её стены сложены из дикого серого камня, и мох торчит между ними. В глубине огромная печь из таких же грубых, угловатых камней, светится багровыми и синими огнями, и котлы с мясом дымятся на ней. В красном свете печи и огонька коптилки движется фигура повара этой подземной кухни. Направо и налево в стенах две низенькие узкие двери, задрапированные материей. Откиньте штору - и вы в сводчатой низкой комнате, обтянутой материей, где пол усыпан галькой и выложен оленьими шкурами. Керосиновая лампа под абажуром освещает сверху шестиугольный стол и шесть молодцов сидят вокруг, уплетая действительно сказочные порции мяса, рыбы, пирогов, крепко подсолённые шутками. Мы чувствуем себя здесь дома, в привычных деловых буднях, и только когда отвлечёшься, вдруг бросится в глаза необычность обстановки.

Утром я встаю на дежурство в 7 утра. Оживляю печку, прикрываю на ночь, и выхожу делать наблюдения. Мороз 35 градусов, северо-восточный ветер четыре балла. Ясно. На небе яркие звёзды и лениво бродят между ними бледные полосы сияния.

Пока спят товарищи, я заливаю в лампу керосин, добавляю снега в бак умывальника. Поднимаются остальные и вскоре собираются завтракать. После завтрака слушаем последние известия, обычно хорошо слышимые в 10 часов. Известия хороши, как всегда в этом году. Взят Гомель. Наступление Красной Армии успешно развивается, и мы поочерёдно рассматриваем маленькую затрёпанную карту, где крошечным кружочком обозначен далёкий Гомель.

К одиннадцати часам немного светает и со Львом и Яковлевичем, как обычно, мы идём на сети. Фиолетовые сумерки лежат

над тихими просторами льда, на дальних горах. Бледная заря тлеет на юге за озером. Краски тонки и нежны. Полярная сова смотрит на нас круглыми жёлтыми глазами, сидя у прорубей, и бесшумно улетает при нашем приближении.

На сетях наши обязанности строго распределены. Яковлевич высматривает сети, одну за другой кидая на лёд прыгающих и постепенно замирающих рыб. Лев ходит с прогоном, растягивая снова и привязывая на место просмотренную сеть. Я иду впереди с пешнёй, продавливаю замёрзшие проруби и очищаю их проволочным сачком. Это хорошая зарядка на день и хотя обычно мёрзнет нос, щёки, пальцы, а самому приходится жарко, я стараюсь не пропустить этих утренних работ. На воздухе мы все бываем помногу и поэтому пользуемся прекрасным аппетитом, хорошим сном и таким же хорошим настроением.

Периодически я провожу серии гидробиологических работ, изучая сезонные изменения, происходящие в бентосе и планктоне. Работа с приборами на морозе затруднительна и требует особых приёмов. Дночерпатель, остывший по дороге к проруби, при погружении в воду сразу покрывается коркой льда и отказывается работать. То же происходит и с металлическим батометром. Замерзают узкие краны в стаканчиках планктонных сетей. Поэтому мне приходится для каждой пробы разогревать приборы на печке и, завернув их в оленью шкуру, спешить к проруби. Тёплый дночерпатель безотказно берёт первую пробу, но вторую взять обычно уже не удаётся и приходится возвращаться домой, снова разогревать его.

Вечером мы со Львом сидим, придвинувшись к лампе. Я разбираю пробы. Он обрабатывает вариационные ряды. Яковлевич занят решением задач по математике, которой мы занимаемся с ним в свободное время по вечерам. Что-то читает Иван, Миша шлифует трубку, выделяет из мамонтового клыка. На чугушке по-домашнему шипит чайник, а над головой слышно, как гудит в трубах ночная пурга.

В девять часов я делаю вечерние метеонаблюдения. К одиннадцати все расходятся спать. Я залезаю в постель и, поставив лампу у изголовья, заканчиваю день несколькими страничками Пушкина.

VI. Весна.

Полярная ночь подходит к концу. С каждым днём ярче горит заря за озером. 5 февраля после трёхмесячного отсутствия должно появиться солнце.

Накануне днём ясная погода и каждый входящий в палатку в сильных выражениях описывает яркость дня.

– Вы посмотрите сейчас как светло! Уже смотреть больно! – вдохновенно рассказывает Иван. Это явное преувеличение. Но привыкнув, как кроты, жить в темноте, может быть, мы и действительно не сможем вынести блеска солнечных лучей. Я отрываюсь от работы и выхожу.

День действительно очень светлый. На всём вокруг рождаются краски, о которых мы забыли. Ко мне подбегает весёлая стая щенят, и я с удивлением замечаю, что они разных цветов. Пальма оказывается рыжей с белыми лапами и грудью, у Трезора – чёрные уши. Среди щенят есть серые, есть тёмно-коричневые и светло-рыжие. До сих пор все они были одинаковыми, неопределённо-серого цвета зверьками, а сегодня блещут разнообразными красками.

Краски зарождаются и на горах, где снег сметён последними ветрами, и на льду озера, зеленоватом, сером, розовом и на снегах, зарумянившихся на склонах.

На следующее утро мы, как обычно, втроём отправляемся на сети. Погода тихая и ясная, но мороз, несмотря на непосредственную близость солнца, подбирается к 40 градусам. В положенное время солнце действительно появляется в соответствующей точке горизонта и точно в соответствии с многочисленными классическими описаниями этого события, о котором обязательно повествовал каждый порядочный полярник, переживавший хотя бы одну зиму в Арктике.

Поглядев на появившийся над горизонтом багровый диск, мы продолжаем своё дело.

– Температура солнца определяется в миллион градусов, – флегматично и разочарованно констатирует Яковлевич, отдирая примёрзшую к проруби сеть и пряча руки в мех рукавиц. Он недавно читал «Популярную астрономию» Фламариона.

Я оттираю мёрзнувший нос и утешаюсь игрой тёплых тонов, разливающихся по небу великолепным светилом. Обычно дети рисуют небо синим, а землю коричневой, но сегодня ни на небе, ни на земле не найти ни синего, ни коричневого. Кругом какая-то перламутровая игра тонов, туманных и нежных.

Я не восторженный поклонник Арктики. Я знаю, что Север - это Север. Знаю его серое небо, туманы и дожди, и долгие ночи, наполненные пустынным ветром и струйками сухого колючего снега. Но я знаю также, что порой бывает он необычайно красив особенной, тонкой и бледной красотой, перед которой кажутся грубыми роскошные краски юга.

С появлением солнца оживают наши надежды на самолёт. Из бухты Ожидания Иван привозит нам радиограмму: «Самолёт будет вам феврале. Подготовьте аэродром».

Отправляюсь со Львом подыскивать место для площадки. Чтобы осмотреть лёд, поднялись на склоны Ушкан-горы. На крутом откосе, покрытом твёрдым, отполированным пургой снегом, я падаю и соскальзываю вниз. На искрящейся белизне снега, чуть розовеющего под лучами низкого солнца, остаётся грязный жирный след от моих ватных штанов. Уберечься от грязи, пыли и копоти нет никакой возможности, и одежда наша не блещет чистотой. В темноте полярной ночи в нашем подземном жилище мы считали себя довольно чисто и хорошо одетыми, но появившееся солнце разоблачило эти приятные иллюзии.

Под аэродром намечаем площадку на льду и, обозначив её временно снежными пирамидками, возвращаемся домой. Площадку надо обставить. Предлагается несколько проектов, но наиболее удачным оказывается предложение обозначить аэродром налимими.

В декабре-январе осенний промысел сиговых почти совершенно прекратился. Отнерестившийся сиг, муксун, чир больше почти не попадался в контрольные сети, оставленные в озере, и мы усилили крючковый промысел на хищников – налима и гольца. Налим ловился особенно хорошо и на льду у нас лежал штабель 5–10-килограммовых мороженных рыб. Они были вывезены на аэродром и поодиночке или парами расставлены в снегу

вниз головами, очертив границы площадки. В обоих концах её особенно крупные налимы должны были встречать пилота, приветливо изогнув хвосты. Но ждать им приходится долго. Самолёт всё задерживается.

Проходит февраль. Идёт март. Дни становятся светлыми, и мы проектируем дать в палатку дневной свет. Семилинейная лампа с заклеенным треснувшим стеклом всем надоела. Кроме того, к концу подходит и керосин. После тщательного обсуждения этого вопроса принимается решение выкопать перед окнами палатки колодец и сверху закрыть его ледяными пластинами. В тихий морозный день на прорубях у сетей открывается стекольный цех. Три больших прямоугольных проруби очищаются от льда и снега. На следующее утро «стёкла» в несколько сантиметров толщины готовы. Ручной ножовкой ледяные пластины аккуратно выпиливаются и на нартах осторожно перевозятся к месту работ. Над ямой перед окнами они устанавливаются полукруглым фонарём, обращённым к югу. Щели замазываются водой со снегом и, собравшись в палатку, мы открываем брезентовые клапаны, закрывавшие окна. Солнце, отражаясь от снежных стен ниши, ярко светит в два оконца. Оно освещает толстый слой пыли, лежащий на моём столе у окна, которым зимой я не пользовался. Мы все тянулись к свету лампы посреди обеденного стола, который служил нам и рабочим.

С удовольствием мы со Львом приводим в порядок свои рабочие места. После четырёх месяцев пещерной жизни в темноте замечательно хорошо сидеть за столом у окошка, даже если этот «стол» всего лишь ящик, а окошко размером 20х25 сантиметров. Весеннее солнце работает добросовестно и у окна светло от семи утра до семи вечера.

Пришла весна и снова времени стало не хватать. Некоторая безработица и связанная с ней скука, появившаяся в конце зимы, исчезают. Мы проектируем съёмку северного берега озера. Нужно провести нивелировку зимнего футштока, чтобы привязать его наблюдения к береговому реперу. Нужно провести исследования кислородного режима, слагающегося в озере к концу зимы, провести некоторые другие гидрохимические анализы.

Учащаются и гидробиологические наблюдения. Наступает период размножения у многих животных планктона и бентоса, и наблюдения в это время становятся особенно интересны для выяснения продуктивности озера, для изучения биологии водных животных в арктических водоёмах. Необходимо провести специальную серию наблюдений, чтобы выяснить, какова судьба нескольких видов животных, в летнее время встречавшихся на обширнейших мелководьях озера, промёрзших уже несколько месяцев назад. Погибли ли они от действия полярной стужи или же, находясь в замороженном состоянии, провели зиму без вреда для здоровья и оживут, оттаяв под весенним солнцем вместе со льдами.

Нужно, наконец, подвести итоги некоторым наблюдениям и мы со Львом с утра до ночи сидим перед своими окошками или пропадаем на озере.

Обработка метеорологических наблюдений даёт нам средние температуры; самую низкую в январе -31° и самую высокую $-7,5^{\circ}$ – в августе. Замечательным оказывается резкое преобладание восточных и северо-восточных ветров, особенно сильное в зимние месяцы.

Футшточные наблюдения показывают общую картину изменений уровня воды за год. Эти наблюдения особенно интересны для нас. Они показывают, что во время весеннего паводка вскрывающееся озеро наполняется снеговыми водами, притекающими с тундры. Уровень достигает наивысшей точки, а затем начинает беспрерывно падать. Падение это продолжается и после ледостава и к весне он понижается на 5.5–6 метров. Одновременно с этим происходит нарастание льда и промерзание, захватывая сначала прибрежные зоны, распространяется всё дальше и дальше вглубь озера, замораживает огромные площади его мелководий. Лёд к концу зимы достигает толщины более двух метров и в узкой борозде фарватера, прогнувшись, опускается, трескаясь по краям и оседая по мере понижения уровня воды.

Отрицательная роль этого явления ясна. Оно сокращает полезную площадь водоёма, не позволяет развиваться на отмелях богатой животной и растительной жизни, которая могла бы использоваться рыбами в качестве корма.

Для окончательного выяснения этого я начинаю опыты по оттаиванию грунта промёрзших отмелей. Он добывается из-под слоя льда, выдалбливаясь пешней и ножом площадками определённого размера. Сравнивая количество встреченных на этой площади организмов с данными летних проб бентоса, я смогу выяснить, изменяет ли зимнее промерзание количество и качество данного населения. Но больше всего интересует меня, оживут или не оживут заключённые в замёрзшем илу животные. Пробы его помещаются в воду и медленно оттаиваются. Через сутки их температура поднимается до 8° выше нуля, и я промываю ил в специальной сетке. На дне её остаётся осадок более крупных частиц. В эмалированной белой ванночке проба разбирается пинцетом. Вот попадает тонкий розоватый червячок-олигохета. Затем ещё и ещё. Находится зеленоватая членистая личинка комара-тендипедиды, наконец, некоторые круглые черви, белые и тонкие как нитки. Я кладу их в воду в часовое стекло и вскоре замечаю слабые движения. Постепенно животные просыпаются и начинают двигаться более активно. Я заканчиваю разборку проб. Процент не оживших очень невелик – не более 10–15. Для меня становится ясно, что всё население отмелей, промерзающих зимой, не погибает, а только консервируется морозами на несколько месяцев в году и таким образом лишь временно выключается из общего баланса кормовых ресурсов озера. Эта необычайная выносливость организмов оказывается тем более замечательной, что согласно имеющимся данным, температура ила под метровым льдом должна в зимние месяцы опускаться не менее чем до 20 градусов ниже нуля.

В конце марта приходит радиограмма: «самолёт будет 1 апреля». Эта дата заставляет нас невольно улыбнуться, но телеграмма есть телеграмма, тем более, что подписана она Алексеевым, деловым человеком и начальником промыслово-заготовительного отдела Комбината.

Утром 1 апреля умеренный северо-восточный ветер и ясность необычайная. В семь утра ребята заканчивают последние приготовления на аэродроме. Из листа толя, которым нас снабдили для такого случая наши друзья из бухты Ожидания, выложено

великолепное «Т». Кроме того, пропитаны машинным маслом и бензином мои старые штаны. Подожжённые Мишей – начальником нашего аэропорта – они должны будут вспыхнуть при приближении самолёта приветственной иллюминацией и дымом и копотью указать пилоту направление ветра.

День проходит, и промёрзший начальник порта возвращается домой. Мы огорчены, но рассуждаем, что этого нужно было ожидать, и что первое апреля не было бы первым апреля, если бы самолёт прилетел. Утешением нам служит холодец из оленьих ног, приготовленный Николаем для угощения лётчиков, и какой-то особый квас трёхдневной выдержки.

Через несколько дней выясняется, что самолёт потерпел аварию на мысе Входном, но будет послан другой. Жизнь снова течёт по-старому. Утром тихая мягкая погода. Редкие пушистые снежинки медленно кружатся в воздухе. Рассеянно светит сквозь них солнце и обманчивы кажутся льды озера, точёные заструги снега, контуры гор и островов. С Иваном мы выезжаем километров за пять на русло вод Верхней Таймыры, к заброшенным зимой сетным прорубям, чтобы взять там гидробиологические и гидрохимические пробы. Равномерно трусит Таймыр, потряхивая кончиками ушей. Шесть собак идут за ним веером. Перед нами появляются торосы, ледяные холмы, но в 30–40 метрах от нас они превращаются в обыкновенные заструги, в маленькую льдинку, торчащую вверх на бугорке. В рассеянном свете на снегу часто трудно бывает определить расстояние до предмета и определить его истинные размеры. Недавно была тревога. Из тундры прямо к зимовке бежал огромный волк. Яковлевич, заметивший его первым, схватил карабин и бесшумно, со змеиной хитростью и быстротой залёг за бочкой, готовясь уничтожить свирепого хищника одной меткой пулей. Остальные охотники, сжимая в руках оружие, вытягивали шеи из дверей и с волнением следили за надвигающимися событиями. И вдруг всё изменилось. Всем стало ясно, что метрах в полутораэта, жизнерадостно виляя хвостом, бежит домой Полярка – один из наших щенков. Велик был тогда позор бесстрашного стрелка.

Сейчас мы ездим по озеру в обманчивом рассеянном свете и разыскиваем старые проруби, которые должны обозначаться

большущим налимом, вмороженным стоймя на снеговом постаменте, как статуя рыбьего бога. По расчётам мы уже должны были быть на месте, но налима всё не видно. Мы колесим вокруг по всем направлениям. Снегопад становится сильнее и горы на берегах скрываются. Ездим наугад и вдруг натываемся на заметённые снегом проруби. Вот снежный холм, но «рыбьего бога» нет и кругом многочисленные следы песка.

Всю зиму следов его почти не было в окрестностях зимовки. Это первые признаки его появления и мы с тревогой думаем о том, что аэропорт может быть разрушен зверями до прихода самолёта.

Окончив работу, мы заезжаем на посадочную площадку, но здесь пока все налимы целы, хотя рядом встречается свежий след волка. Тундра, видимо, начинает оживать. Недалеко от дома попадает сова и, наконец, на склоне Ушкан-горы мы замечаем табун куропаток. Весна наступает.

В бухте Ожидания метеоролог Пётр Степанович Свирненко отправляется с Иваном Георгиевичем делать гидрологический разрез через озеро, продавливая лёд через каждый километр, измеряя глубины, температуры, толщину льда, определяя грунты. Договорившись с ними, мы выезжаем на этот разрез взять гидробиологические пробы и провести гидрохимические анализы. Тихая солнечная погода и, несмотря на то, что термометр показывает -27° , солнце греет так, что я сижу на нарте без рукавиц, а на валенках у меня блестят капли растаявшего снега. Не заезжая в бухту Ожидания, мы отправляемся на середину озера, на 10-й километр разреза. По разрезу трасса обставлена великолепными снежными обелисками-гуриями, блестящими под солнцем и видными издали. На каждой гурии надпись, обозначающая километр разреза и глубину станции. Видна опытная рука бывалых полярников. Прибыв на место, расчищаем заметённую снегом широкую и аккуратную прорубь и начинаем работу. Несмотря на мороз, реактивы на солнце почти не замерзают, и работать сегодня сносно. Только к концу дня становится холоднее, и начинают застывать пипетки, склянки, батометр. Приходится всё это поочерёдно прятать в карманы, в рукавицы, греть в руках, но руки тоже замерзают, и я заканчиваю гидрохимические рабо-

ты. Особенно интересные для меня кислородные пробы взяты, и флаконы с ними спрятаны от мороза в специальную меховую сумку, надетую на поясе под шубой, как патронташ. Гидробиологические пробы берутся без особых затруднений, и мы трогаемся к берегу, на полярную станцию. К ночи подъезжаем к домику наших друзей. Пётр Степанович угощает горячим бульоном из большого чугуна, тушёным мясом. Всё это особенно хорошо после восьмичасовой езды и работы на морозе. Пользуясь гостеприимством хозяев, мы ночуем, чтобы завтра утром сделать ещё одну-две станции. На следующий день, закончив работу, отправляемся домой, увозя с собой нивелир, одолженный нам Алексеем Андреевичем.

Кислородные серии оказываются очень интересны. В центральной, наиболее глубокой части озера, у дна обнаруживаются признаки недостатка кислорода. Анализы показывают, что у дна в глубинной зоне его количество понижается до 15 процентов насыщения, в то время как в верхних слоях воды оно близко к 100 процентам. Данные эти подтверждаются и распределением донной фауны. В обеднённой кислородом зоне население дна беднее. Совершенно отсутствуют рачки-бокоплавы, обильные в других частях озера и представляющие излюбленную пищу многих рыб. Всё это говорит нам, во-первых, о том, что донные организмы в довольно обширной глубинной зоне развиваются менее обильно и, во-вторых, указывает на то, что даже эти пищевые ресурсы не могут, во всяком случае, зимой, использоваться рыбами. Сиговые породы их, особенно требовательные к кислороду, не могут опускаться в придонные слои бедных кислородом глубин озера.

За работой проходит апрель. Над входом в жилище вечером Лев укрепляет Красный флаг. Завтра 1 мая. Утром мы втроём, как обычно, идём на проруби. Дорогой гадаем, попадётся ли сегодня в сети хорошая рыбина, способная украсить праздничный стол. Продукты у нас кончаются. Рыба последние месяцы ловится очень плохо и добыча её не покрывает ежедневной потребности в корме собак. Запасы постепенно съедаются. Подходит к концу и мясо заготовленных осенью оленей. Олень, правда, уже

начинает снова появляться. Небольшие группы их иногда переходят с южного берега озера, направляясь на север. Но идут они рассеянно, не в таком количестве, как осенью, и охотникам пока не удаётся убить ни одного. Зайцев нет. Для охоты на появившихся куропаток у нас слишком мало пороха. Поэтому нас так интересует сегодняшняя улов. Но сети оказываются пусты, и праздничный стол украшается только тарелкой чёрных пирогов с оленьей печёнкой и мороженой налишьей печенью, нарезанной ломтиками и тающей во рту как масло. Деликатес этот был опробован и единогласно одобрен месяца два назад, когда наши запасы жиров подошли к концу. Но, несмотря на некоторую скудность стола, мы не особенно грустим за обедом. Пускай долгожданный самолёт летит или не летит, а мы будем веселиться.

5 мая Лев отправляется в бухту Ожидания дать телеграммы и выяснить у Алексея Андреевича, сможет ли он до прихода самолёта снабдить нас из своих уже тоже небольших запасов мукой и некоторыми другими продуктами. Надо полагать, что это если и можно будет сделать, то только по договоренности с Норильском и ГУСМП.

Яковлевич, Иван, я и одиннадцать собак отправляемся к руслу Верхне-Таймырских вод, провести там нивелировку. Впереди со шнуром идёт Иван, разбивая пикеты, обозначая их рядом белеющих снеговых столбиков. Размечая ряд пикетов, он возвращается, перегоняет вперёд собак с нартами и снова идёт дальше. Яковлевич ходит, перенося рейку, я работаю с инструментом.

На озере штиль, ясно и даже в перчатках пальцы чувствуют теплоту солнца. На севере и на западе, за снежно-голубыми горами, с озера видны края клубящихся облаков. Но горы стерегут солнечный покой долины. Над озером безоблачно. Эту тишину томящихся под солнцем снегов вдруг нарушает дикий лай и скандал. Сцепились собаки. Мы с Яковлевичем бежим к нартам и бросаемся в гущу боя. Схватились передовой Таймыр и Мурзик – лохматый рыжий пёс, ростом с телёнка. И хотя Таймыр уже стар и потерял половину зубов, а Мурзик похудел и ослаб за зиму, растащить их удаётся не сразу. К счастью, остальная свора не успела вступить в драку. Только ехидный Разбой иногда

дёргал сзади Мурзика, видя, что его зубы заняты ухом Таймыра. Взволнованно дрожал мелкой дрожью Сиверок, пугливо жалась молодёжь, глядя на драку больших, и только Дружок, тоже большой и сильный, спокойно смотрел на происходящее. Наконец, драчунов растащили, а подоспевший Иван окончательно укрепил мир внушительными и как всегда эмоционально насыщенными речами, сопровождающимися пинками его огромных валенок.

Полярная метеостанция в бухте Ожидания

К вечеру мы заканчиваем работу. Нивелировка даёт нам профиль, по которому мы можем судить о рельефе дна озера, на котором лежит лёд, о местоположении фарватера, где образуется впадина на осевшем льду. Наконец, нивелировка показывает нам высоту береговых террас, отмечающих более высокий уровень озера в прежние времена. На берегах, на высоте 8–10 метров над современной береговой линией, местами отчётливо видны валы отшлифованной прибоем гальки, говорящие о когда-то гораздо более высоком уровне вод Таймырского озера. Историю его рассказывают нам также некоторые живущие в нём организмы. Среди этих животных наиболее интересны рачок-мизид, два других из отряда бокоплавов – палласия и понтопорей. Все эти

организмы принадлежат к видам, имеющим морское происхождение. Все они теперь встречаются в опреснённых реками предустьевых участках моря, проникают оттуда на некоторое расстояние вверх по рекам или же населяют пресные воды, которые в недавнем прошлом были связаны с морем.

Найдя их в Таймыре, мы разгадываем происхождение этого озера. Оно оказывается остатком моря, покрывавшего в конце ледникового периода низменные тундры Таймырского полуострова от южных склонов плато Бырранга до северных окраин Среднесибирской возвышенности. Отступая, море оставило часть своих вод во впадине, тянувшейся у подножья горы Бырранга. Притекающие тундровые воды постепенно опреснили озеро. В связи с недостаточным поступлением влаги с окружающих местностей, имеющих довольно сухой климат, водоём стал мелеть и свидетелями этого процесса остались старые береговые галечные террасы, лежащие теперь высоко над водой. Сравнение карты озера, сто лет назад составленной Миддендорфом, и карты последних лет говорит о том, что усыхание это продолжается и в настоящее время.

В ожидании самолёта и текущей работе проходит май. Весна постепенно делает своё дело. Наш подснежный городок незаметно приходит в ветхость. 30-го утром раздаётся шум обвала. Из тамбура выскакивает испуганный Николай. Там обрушился снежный купол. К счастью, потолок, покрытый брезентом и шкурами, не провалился. После завтрака объявляется аврал, и тамбур очищается от снега. За ним приходит очередь палаток. Они тоже откапываются. С удовольствием отбрасываем мы от них снеговые глыбы, помогая весне в её наступлении. Над озером слышны голоса птиц: летят чайки, гуси. Куропатки клохчут в тундре. Не летит только самолёт и на аэродроме приземляются чайки, расхищающие расставленных там налимов. Аэропорт скоро придётся закрыть, и мы связываем теперь больше надежд с начавшимся прилётом гусей.

Охотники усиленно гоняются за ними, но наш каменистый и крутой берег мало привлекает дичь, и пока добычи нет. Выручает нас Алексей Андреевич, снабдив мукой, солью и некоторым количеством разных лакомств.

Используя последние дни санного пути, мы с Иваном отправляемся на западный берег с буссолью провести съёмку русла Верхней Таймыры и взять ряд пеленгов с берега и с острова Макарова.

Русло реки хорошо обозначается прогибом льда и грядой шуги, наторошенной осенью на лёд замёрзших отмелей. Но дальше к западу картина становится не так ясна. На льду лежит много снега, маскирующего неровности. Погода тёплая, снег тает и становится рыхлым. Собаки проваливаются в нём по брюхо и с трудом волокут нарты, высунув языки. Особенно глубок снег на русле. Здесь под ним уже скапливается вода и у западного берега приходится метров шестьсот брести в мокрой снежной каше, подтянув выше голенища болотных сапог. Прерывисто, быстро дыша, собаки ползут за нами.

На берегу мы располагаемся на отдых. Следует кормёжка собак. Внимательные настороженные морды искательно заглядывают в лицо каюру, рубящему порции мяса. Каждый получает кусок в соответствии со своими размерами и заслугами, и минут двадцать потом слышится хруст, чавканье и урчанье.

С буссолью я поднимаюсь к астрономическому пункту, обозначенному большим земляным гурием на высоком обрыве берега. Видимость великолепная и я беру пеленги на все выдающиеся точки на берегах озера. Окончив, мы отыскиваем с Иваном несколько веточек полярной ивы и разжигаем костёр. В маленькую кастрюлю набирается вода из светлой весенней лужицы на льду озера в тундре. Кастрюля ставится на огонь, и мы хлопочем вокруг неё, расчётливо подкладывая сухие, скрюченные ветрами и стужей корешки. Чёрная копоть садится от пламени на светлый алюминиевый котелок, и мы гадаем, хватит или нет оставшихся нескольких корешков, чтобы чай закипел. Он закипает, и мы пьём его, расстелив на снегу две оленьих шкуры. Пьём и смотрим, как за горами северного берега клубятся тучи, как ползут их синие тени на снегу озера, как два гуся, крича, пролетают, держа путь на другой берег. Из-за глинистого бугра, метрах в десяти от нас, выскакивает песок. У него тёмная полоса вдоль спины и поперечная на бёдрах. На боках клочьями вылезает белая

шерсть зимнего наряда. Заметив нас, зверь несколькими прыжками скрывается на верху берегового обрыва. Вслед ему несётся горестный визг и вой рвущихся с привязи собак.

Ночью мы подъезжаем к острову Макарова. Он имеет не более ста метров длины. Всего на два-три метра поднимаются над снегом его каменистые обрывы. При нашем приближении в воздух поднимается стая чаек – хозяек острова. Наверху, между камнями, много небрежно сделанных гнёзд из травы и мха. В одном из них находится серо-зелёное с тёмными крапинками яйцо, размером побольше куриного. Взяв пеленги на острове, мы направляемся домой. Снег ночью подмерз, и собаки идут хорошо. Редкие снежинки кружатся в воздухе.

За работами по съёмке северного берега проходит июнь. В последних числах его вода всё больше и больше затопляет льды озера, стекая с берегов. В тундре лужи, ручьи; талый снег кружевами лежит у обогретых солнцем кочек. Щетинится бурая прошлогодняя трава, влагой набухают мхи и всё чаще начинают появляться крошечные цветы, едва поднимающиеся от камней. 29-го июня от Верхней Таймыры начинает появляться вода. Она быстро подвигается к нашему берегу, разливаясь тёмной полосой по льду. Вода постепенно покрывает лёд, лежащий на дне нашей бухты. Он тает, частью всплывает и разрушается. На фарватере лёд начинает подниматься – воды прибывает. Мы убираем стоявшие там сети и крючки. На озере пока невозможны никакие работы.

Чтобы соединить съёмку побережья, проведённую мною к востоку за бухту Ожидания, с имеющейся съёмкой экспедиции ГУСМП, обрывающейся километрах в 20 к северо-западу от нашей базы, я отправляюсь с буссолью и Лейкой в сторону Нижней Таймыры. На берегах уже нигде нет снега и идти легко. Я обхожу одну бухту за другой, продвигаясь всё дальше. У ручья на сухих и тёплых камнях располагаюсь отдохнуть. Жую ржаную лепёшку, запивая её водой из ручья, и рассматриваю оленей. Метрах в пятистах от меня они пасутся на склоне горы. Пониже, совсем близко, рыщет песец, обыскивая каждую кочку. Леммингов ещё нет, и ему приходится промышлять птичками и их яйцами.

Погода хороша, горы кругом красивы. Зеленоватые льдины плавают в зеркальной воде озера. Отдохнув, продолжаю путь. Через час я приближаюсь к конечной точке съёмки. Дальше побережье уже положено на карту. Но в небе с удивительной быстротой сгущаются и темнеют тучи. И когда я беру пеленги на последнем пикете, первые редкие капли дождя падают на страницы моей записной книжки. До дома надо идти назад двадцать километров, и я сразу понимаю, что из двух главных арктических удовольствий – замёрзнуть и вымокнуть – одно мне, во всяком случае, обеспечено. Форсированным маршем я пускаюсь в обратный путь, но дождь также удваивает свои старания и начинает лить, как в Батуме – крупный и частый. Вскоре промокает ватная куртка и брюки. Около четырёх часов я иду мокрый и злой, завидуя гусям, сидящим на лайде и гогочущим над моим бедственным положением. В довершение всего, с гор срывается резкий холодный ветер и, несмотря на быструю ходьбу, я начинаю мёрзнуть. В половине пятого утра я подхожу к дому. Дождь выливает на меня последние капли и прекращается. В палатке я застаю Мишу, развешивающего у печки мокрый ватник. Его тоже обманула погода. Он вымок, возвращаясь с охоты. Наскоро переодевшись, я уничтожаю половину жирной варёной гаги и ныряю в тёплый меховой мешок. Работы по съёмке кончены и я доволен.

На озере вода начинает прибывать быстрее и быстрее, льды становятся реже. В западной части озера скоро должно совсем очиститься и можно будет снова ожидать самолёт. Кроме того, появится возможность ловить рыбу, и тогда мы сможем считать себя обеспеченными людьми. А пока все наши пищевые ресурсы состоят из куска солёной оленины и десятидневного запаса муки. Дичи на нашем берегу мало. Миша взял на учёт всю птицу в окрестностях – 15 гусей, 6 гаг и пару каких-то других уток и ежедневно наши охотники преследуют их.

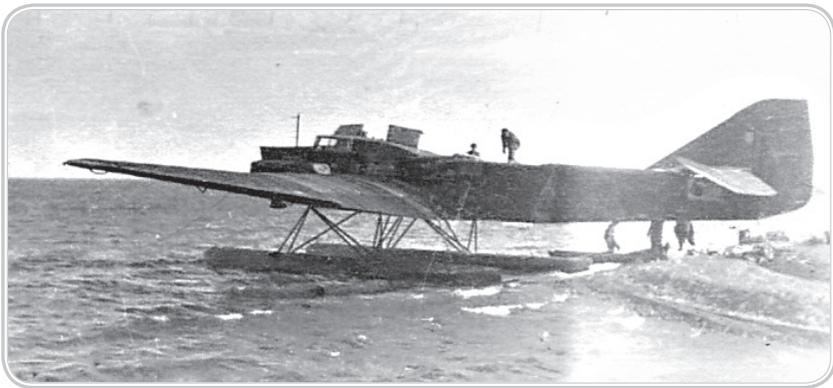
Сегодня погода тиха и Яковлевич с Иваном спускают на воду маленькую лодку, собираясь совершить корсарский налёт на остров Макарова. Там должны быть яйца чаек. Перетащив лодку через полосу льда на фарватере, они продолжают путь и скоро

исчезают из вида. Михаил, бродивший всю ночь, поспав утром часа четыре, снова уходит с ружьём добывать птицу. Все остальные тоже разбредаются промышлять.

Утром мы были бедняки, а вечером у нас снова изобилие. Николаю удаётся убить оленя. Миша приносит пять уток и, наконец, возвращаются яичные корсары. В носу лодки аккуратно переложены сухой травой 196 штук яиц и гусь.

На следующий день ветер уносит лёд из бухты, и мы ставим сети. К вечеру рыбаки привозят первый летний улов – штук двадцать крупных рыбин, из них два омуля. Две первые тони неводом тоже дают хороший улов и все довольны. Мы садимся за анализ рыбы, окружённые собаками, отощавшими за последнее время. Теперь они тоже обеспечены пищей.

19 июля. Обычный день. Дует восточный ветер. Работать на воде нельзя. Я с утра сижу у своего окошка, заканчивая карту побережья. Лев занимается гербарием. Иван, увидев днём на лайде четырёх оленей, ушёл за ними с ружьём. Михаил приносит с охоты утку. Мы пьём после обеда чай и слушаем его рассказ об охоте, о том, как он встретил гнездо куличков на косе у бухты. Неторопливо гадаем, удастся ли Ивану убить оленя, и какие это были олени: важенки или может быть лончаки. Рассуждали о том, что интересно бы съездить на остров посмотреть, снесли ли чайки яйца вторично, после того, как были ограблены Яковлевичем. В бухте шумит прибой. Незаметно проходит экзотика будней.

За нами прилетел самолёт. 20 июля 1944 г.

А рано утром нас будит Миша. Над палаткой мощно ревут моторы. Едва одевшись, выскакиваем. Тяжёлая зелёная машина кружит над бухтой, садится и рулит к берегу. Появляется Алексеев, весёлый, толстый, жизнерадостный. Пилот Штегман в светло-сером костюме и по-летнему расстёгнутой светлой рубашке легко спрыгивает на гальку. Прилетели нас снимать.

Вечером мы оставляем опустевшие палатки, оставив в них нашим друзьям продукты, привезённые самолётом, и прощальную записку.

Медленно поворачиваются под крылом машины гористые берега Таймыра. В восточной части ещё стоят льды. Самолёт идёт на север над Нижней Таймырой и выходит к морю. По побережью мы поворачиваем на запад. В тундре под нами убегает прочь табун оленей, напуганных шумом мотора. Направо ослепительно сверкают под низким ночным солнцем льды Карского моря. Мы идём на мыс Входной.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ
В.Н. ГРЕЗЕ [21]****КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ
ПОД РУКОВОДСТВОМ В.Н. ГРЕЗЕ**

1. Петипа Т.С. Питание и энергетический баланс некоторых массовых планктонных копепод Черного моря, относящихся к различным экологическим группировкам : автореф. дис. ... канд. биол. наук. - Москва, 1965. - 15 с.
2. Ковалев А.В. Изменчивость и некоторые экологические особенности Сорерода черноморского планктонного комплекса в морях Средиземноморского бассейна : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 097-зоология; 105-гидробиология. - Ленинград, 1967. - 17 с. - (АН СССР, Зоол. ин-т.).
3. Сажина Л.И. Развитие и размножение массовых пелагических Сорерода Черного моря : автореф. дис. ... канд. биол. наук. - Севастополь, 1969. - 27 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
4. Шмелева А.А. Зоопланктон и в частности Сорерода Адриатического моря : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.105-гидробиология. - Севастополь, 1972. - 30 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
5. Загородняя Ю.А. Суточная трофодинамика *Pseudocalanus elongatus* (Voesck) в Черном море : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1977. - 23 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
6. Георгиева Л.В. Фитопланктон проливов и прилежащих вод Средиземноморского бассейна : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1979. - 23 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
7. Билева О.К. Основные черты сукцессии зоопланктонного сообщества по мере «старения» вод прибрежного апвеллинга в юго-восточной Атлантике : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1979. - 23 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
8. Светличный Л.С. Биомеханические аспекты парения и плавания копепод : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1982. - 21 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
9. Скрыбин В.А. Пространственные и временные изменения разнообразия морского мезозоопланктона : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1985. - 20 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
10. Мельников В.В. Вертикальное распределение макрозоопланктона в эпипелагиали умеренных и тропических вод Атлантического океана : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1986. - 19 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
11. Драпун И.Е. Остракоды в планктонных сообществах южноатлантического антициклонального круговорота : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1988. - 22 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).
12. Токарев Ю.Н. Биолуминесценция как экспрессивный показатель жизнедеятельности *Noctiluca miliaris* Suriray : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.18-гидробиология. - Севастополь, 1990. - 26 с. - (АН УССР, ИнБЮМ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ РАБОТ В.Н. ГРЕЗЕ

1942

1. Планктон р. Пясины / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1942. - Т. 21, вып. 4. - С. 136-140.

1944

2. Количественная драга для учета донной фауны / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1944. - Т. 23, вып. 2-3. - С. 102-105.

1947

3. Анабиоз зообентоса Таймырского озера и его продуктивность / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1947. - Т. 26, вып. 1. - С. 3-8.
4. Обнаружение нерестилищ методом анализа питания рыб / Грезе В.Н. // Рыбное хозяйство. - 1947. - № 10. - С. 36-39.
5. Таймырское озеро / Грезе В.Н. // Известия Всесоюзного Географического общества. - 1947. - Т. 79, вып. 3. - С. 289-302.

1948

6. Паразиты рыб озера Таймыр / Бауэр О.Н., Грезе В.Н. // Известия ВНИОРХ. - 1948. - Т. 27.

1950

7. Зоопланктон водоемов бассейна р. Чульчи / Грезе В.Н. // Труды Томского государственного университета. Сер. Биология. - 1950. - Т. 111. - С. 105-112.

1951

8. Байкальские элементы фауны, как акклиматизационный фонд / Грезе В.Н. // Труды Всесоюзного гидробиологического общества. - 1951. - Т. 3. - С. 221-226.
9. К обнаружению паразитической копеподы *Paraergasilus rylovi* Mark на Байкале / Грезе В.Н. // Доклады академии наук СССР. - 1951. - Т. 79, № 2. - С. 361-363.
10. Придонный планктон, его роль в питании рыб и методика учета / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1951. - Т. 30, вып. 1. - С. 44-50.
11. Продукция *Pontoporeia affinis* и метод ее определения / Грезе В.Н. // Труды Всесоюзного Гидробиологического общества. - 1951. - Т. 3. - С. 33-43.

1953

12. Биологическая продуктивность реки Енисея и ее рыбохозяйственное значение / Грезе В.Н. // Труды Томского государственного университета. Сер. Биология. - 1953. - Т. 125. - С. 55-62.
13. Гидрофауна и флора низовья реки Ангары и ее рыбохозяйственное значение : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Грезе Владимир Николаевич ; Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. - Томск, 1953. - 19 с.

14. Личинки тендипедид Таймырского озера / Грезе В.Н. // Труды Иркутского государственного университета. - 1953. - Т. 7, вып. 1-2. - С. 77-82.

15. Озера западной окраины Среднесибирского плоскогорья / Грезе В.Н. // Вопросы географии Сибири. - 1953. - № 3. - С. 201-217.

16. Паразитофауна европейских сигов, акклиматизированных в Сибири / Грезе В.Н. // Труды Всесоюзного Гидробиологического общества. - 1953. - Т. 5. - С. 254-257.

17. Продукционно-биологический очерк р. Енисея / Грезе В.Н. // Труды Барабинского отделения ВНИОРХ. - 1953. - Т. 6, вып. 1. - С. 103-135.

18. Рыбное хозяйство Томской области и продуктивность водоемов / Грезе В.Н. // Рыбное хозяйство. - 1953. - № 1. - С. 61.

1954

19. О закономерностях распределения донной фауны р. Енисея / Грезе В.Н. // Труды проблемных и тематических совещаний. - Москва; Ленинград, 1954. - Вып. 2. Проблемы гидробиологии внутренних вод. 2. - С. 68-74.

1955

20. Водная фауна реки Енисея : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Грезе Владимир Николаевич ; АН СССР, Зоологический институт. - Ленинград, 1955. - 22 с.

21. К фауне коловраток Сибири / Грезе В.Н. // Заметки по фауне и флоре Сибири. - Томск, 1955. - Вып. 18. - С. 55-62.

22. Озера Большое и Инголь как среда акклиматизации сиговых рыб / Грезе В.Н. // Труды Томского государственного университета. Сер. Биология. - 1955. - Т. 131. - С. 107-129.

1956

23. О гольянах верховьев реки Енисея / Грезе В.Н. // Заметки по фауне и флоре Сибири. - Новосибирск, 1956. - Вып. 19.

24. Опыт акклиматизационных перевозок реликтовых ракообразных / Грезе В.Н. // Научно-технический бюллетень ВНИОРХ. - 1956. - № 3/4.

25. Продуктивность реки Енисея и возможности ее повышения / Грезе В.Н. // Биологические основы рыбного хозяйства. - Томск, 1956. - С. 243-248.

26. Сток и продукция зоопланктона реки Енисея / Грезе В.Н. // Доклады АН СССР. - 1956. - Т. 110, № 6. - С. 1108-1110.

1957

27. Кормовые ресурсы рыб реки Енисея и их использование / Грезе В.Н. - Москва : Пищепромиздат, 1957. - 236 с. - (Известия ВНИОРХ, Т. 41).

28. Основные черты гидробиологии озера Таймыр / Грезе В.Н. // Труды Всесоюзного Гидробиологического общества. - 1957. - Т. 8. - С. 183-218.

1958

29. Из опыта выращивания сеголетков карпа в Сибири / Грезе В.Н. // Вопросы ихтиологии. - 1958. - Вып. 10. - С. 90-98.

30. Исследования речного планктона и их задачи / Грезе В.Н. // Научно-технический бюллетень ВНИОРХ. - 1958. - № 6-7. - С. 59-62.

31. Как лучше использовать рыбные богатства Красноярского края / В.Н. Грезе ; отв. за вып. Б. В. Киреев ; лит. ред. Т. Ф. Воронцова ; Краснояр. краев. Дом техники ВСНТО, НТО пищевой пром-ти. - Красноярск : Трансжелдориздат, 1958. - 24 с.

32. Неводные пески Енисея и их промысловое использование / Грезе В.Н. // Известия ВНИОРХ. - 1958. - Т. 44. - С. 215-239.

33. Об унификации рыбохозяйственных исследований водохранилищ / Грезе В.Н. // Тезисы Всесоюзного совещания по рыбохозяйственному освоению водохранилищ. - Ленинград, 1958. - С. 10-11.

34. Озеро Чагытай (к изучению озер Тувинской автономной области) / Грезе В.Н. // Известия Всесоюзного Географического общества. - 1958. - Т. 90, № 3. - С. 279-284.

35. Реликтовые мизиды (*Mysis oculata relicta* Lov.) и понтопорей (*Pontoporeia affinis* Lindstr.) как объекты акклиматизации / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1958. - Т. 37, вып. 10. - С. 1449-1461.

1959

36. Водохранилище Красноярской ГЭС и прогноз его гидробиологических особенностей / Грезе В.Н. // Труды VI совещания по проблемам гидробиологии внутренних водоемов. - Москва ; Ленинград, 1959. - С. 490-494.

1960

37. Холодостойкость литоральной фауны Камского водохранилища и его биологическая продуктивность / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1960. - Т. 39, вып. 12. - С. 1761-1773.

1961

38. Инструкция по лимнологическим исследованиям водоемов западной части Тихого океана: на русском, вьетнамском, китайском и корейском языках / Боруцкий Е.В., Грезе В.Н., Яблонская Е.А. - Пекин, 1961. - 57 с. - (Комиссия по рыбохозяйственному исследованию западной части Тихого океана) : на русском.

39. Красноярское водохранилище / Грезе В.Н. // Известия ГОСНИОРХ. - 1961. - Т. 50. - С. 213-224.

40. Об унификации рыбохозяйственных исследований водохранилищ / Грезе В.Н. // Труды совещаний Ихтиологической комиссии АН СССР. - Москва, 1961.

1962

41. Опыт применения планктометра при исследованиях морского планктона / Грезе В.Н. // Океанология. - 1962. - Т. 2, № 2. - С. 305-310.

1963

42. Зоопланктон Ионического моря / Грезе В.Н. // Океанологические исследования. - 1963. - № 9. - С. 42-59. - (Междувед. геофиз. комитет при

Президиуме АН СССР. Результаты исследований по программе Геофиз. Междунар. года)

43. Метод расчета продукции планктонных копепод / Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1963. - Т. 42, вып. 9. - С. 1329-1337.

44. Определение прозрачности планктонных организмов и ее защитного значения / Грезе В.Н. // Доклады АН СССР. - 1963. - Т. 151, № 2. - С. 435-438.

45. Особенности биологической структуры пелагиали Ионического моря / Грезе В.Н. // Океанология. - 1963. - Т. 3, вып. 1. - С. 100-109.

1964

46. Гидробиологическая характеристика Енисея до его зарегулирования плотиной Красноярской ГЭС / Грезе В.Н. // Труды Сибирского отделения ГОСНИОРХ. - 1964. - Т. 8. - С. 79-91.

47. Динамика популяций и годовая продукция *Acartia clausi* Giesbr. и *Centropages* Kroyeri Giesbr. в неритической зоне Черного моря / Грезе В.Н., Балдина Э.П. // Труды Севастопольской биологической станции АН УССР. - 1964. - Т. 17. - С. 249-261.

48. Оцінка продукційних можливостей рыб за темпом росту і розмірним складом популяцій / Грезе В.Н. // Тези доп. 1 Респ. конф. Всесоюз. гидробиол. т-ва. - Київ, 1964. - С. 7-8.

49. Прогноз формирования кормовых ресурсов рыб в Красноярском водохранилище / Грезе В.Н. // Труды Сибирского отделения ГосНИОРХ. - 1964. - Т. 8. - С. 93-109.

50. Прозрачность планктонных животных экваториальной Атлантики / Грезе В.Н. // Океанология. - 1964. - Т. 4, № 1. - С. 125-127.

51. Результаты планктонологічних досліджень Середземного моря / Грезе В.Н. // Тези доп. 1 Респ. конф. Всесоюз. гидробиол. т-ва. - Київ, 1964. - С. 6-7.

52. Темпы продукции в популяциях пелагических копепод Байкала / Грезе В.Н. // Совещание по вопросам круговорота вещества и энергии в озерных водоемах (Вопросы биотического, химического, теплового и водного балансов озерных водоемов) : тез. докл. (Лиственичное на Байкале, 8-11 сент. 1964 г.). - Лиственичное на Байкале, 1964. - С. 69-70.

53. Experimental tests of a plankton sampler in investigations of marine plankton / Greze V.N. // Deep-Sea Research. - 1964. - Vol. 11, no. 1. - P. 109-112.

54. Plankton / Greze V.N., Pavlova E.V. // Data Rep. Equalant 1. - Washington, 1964. - Vol. 1. - P. 419-445.

1965

55. Определение продукции в популяции водных животных / Грезе В.Н. // Вопросы гидробиологии : тез. докл. 1-го съезда Всесоюз. гидробиол. о-ва. (Москва, 1-6 февр. 1965 г.). - Москва, 1965. - С. 107-108.

56. К характеристике зимнего планктона Девисова пролива и Карибского моря / Грезе В.Н., Балдина Э.П. // Исследования в Атлантическом океане (17-й рейс НИС «Михаил Ломоносов»). - Киев, 1965. - С. 75-80. - (Экспресс информ. № 1).

57. Предварительные результаты исследований люминесценции планктона Девисова пролива и Карибского моря / Артемкин А.С., Балдина Э.П., Грезе В.Н., Филимонов В.С. // Исследования в Атлантическом океане (17-й рейс НИС «Михаил Ломоносов»). - Киев, 1965. - С. 81-91. - (Экспресс информ. № 1).

58. Темп роста и продукционные возможности популяции рыб (на примере азовских бычков) / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1965. - Т. 1, № 2. - С. 35-41.

1966

59. Определение продукции популяций планктонных организмов в реках / Грезе В.Н. // Методы определения продукции водных животных. - Минск, 1966. - С. 202-203.

60. Предварительные результаты исследований зоопланктона и его люминесценции в восточной части Карибского моря / Артемкин А.С., Балдина Э.П., Грезе В.Н., Филимонов В.С. // Исследования Центрально-Американских морей (по материалам советско-кубинской морской экспедиции) / АН УССР, ИнБЮМ им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1966. - Вып. 1. - С. 117-124.

61. Темп продукции в популяциях гетеротрофных морских организмов / Грезе В.Н. // II Международный океанографический конгресс : тез. докл. - Москва, 1966. - С. 127-128.

62. Distribution of zooplankton and biological structure in the Tropical Atlantic / Greze V. N., Gordeeva K. T., Shmeleva A. A. // Actes du Symposium sur l' Oceanographie et les Resouces Halieutiques de l'Atlantique Tropical. - Paris (Unesco), 1966. - P. 85-90.

63. Sur la composition et la repartition quantitative du zooplancton dans la Mediterranee orientale / Greze V. N., Delalo E. P., Pavlova E. V., Shmeleva A. A. // XX-eme Congres de la C.I.E.S.M.M. - Bucarest, 1966. - P. 4.

1967

64. Темп продукции в популяциях гетеротрофных морских организмов / Грезе В.Н. // Вопросы биоокеанографии / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1967. - С. 121-127.

65. Темпы продукции в популяциях пелагических Copepoda Байкала / Грезе В.Н. // Круговорот вещества и энергии в озерных водоемах. - Москва, 1967. - С. 182-191.

66. Distribution of zooplankton and biological structure in the Tropical Atlantic / Greze V.N., Gordeeva K.T., Shmeleva A.A. // Proceedings of the Oceanography and Fisheries Resources of the Tropical Atlantic. - Rome, 1967. - P. 44.

1968

67. Графический метод расчета продукции : 2-й вариант / Грезе В.Н. // Методы определения продукции водных животных : методическое руководство и материалы. - Минск, 1968. - С. 121-126.

68. Динамика численности и продукция некоторых копепод Черного моря / Грезе В.Н., Балдина Э.П., Билева О.К. // Биологические исследования Черного моря и его промысловых ресурсов / АН СССР, Океанографическая комиссия. - Москва, 1968. - С. 60-63.

69. Исследования зоопланктона Черного моря / Грезе В.Н. // Биологические исследования Черного моря и его промысловых ресурсов / АН СССР, Океанографическая комиссия. - Москва, 1968. - С. 47-52.

70. Продукция планктонных копепод в неритической зоне Черного моря / Грезе В.Н., Балдина Э.П., Билева О.К. // Океанология. - 1968. - Т. 8, № 6. - С. 1066-1070.

71. The biomass and production of different trophic levels in the pelagic communities of south Seas / Grese V. N. // Symposium on Marine Food Chains. - Denmark (UNESCO), 1968. - № 27. - P. 5-6.

72. Sur la composition et la repartition quantitative du zooplancton dans la Mediterranee orientale / Grese V.N., Delalo E.P., Pavlova E.V., Shmeleva A.A. // Rapp. et Proc.-Verb. des Reunions C.I.E.S.M. - 1968. - Vol. 19, fasc. 3. - P. 427.

73. Trophic composition in the plankton community / Grese V. N. // Bull. Nat. Inst. Oceanogr. (Mahasagar). - 1968. - Vol. 1, № 1-2. - P. 33-34.

1969

74. Биологическая структура и утилизация энергии в пелагиали тропической Атлантики / Грезе В.Н. // Научная конференция по тропической зоне Мирового океана : тез. докл. (24-28 нояб. 1969 г.). - Москва, 1969. - С. 79-80.

75. Биологические ресурсы Черного и Азовского морей на картах Атласа природных условий и естественных ресурсов Украинской ССР / Грезе В.Н. // Природные условия и естественные ресурсы Крыма, пути их рационального использования : материалы конф. (17-18 мая 1968 года). - Симферополь, 1969. - С. 87-88.

76. Вивчення біології моря на Україні / Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1969. - № 3. - С. 56-60.

77. Относительная продукция популяций некоторых амфипод Черного моря / Грезе И.И., Грезе В.Н. // Зоологический журнал. - 1969. - Т. 48, вып. 3. - С. 350-355.

78. Проблемы охраны Черного моря / Грезе В.Н. // Совещание по охране, использованию и развитию природных богатств Крымской области. - Симферополь, 1969.

79. Рецензия] / Грезе В.Н. // Океанология. - 1969. - Т. 9, вып. 4. - С. 743-744. - Рец. на кн.: Виноградов М.Е. Вертикальное распределение океанического зоопланктона. - Москва : Наука, 1968. - 319 с.

80. Розвиток морської гідробіології в Академії наук УРСР / Грезе В. Н. // Ювілейна сесія віддела Загальної біології. - Київ, 1969.

81. Resultados preliminares sobre zooplankton y su luminiscencia en la region oriental del Mar Caribe / Artiomkin A.S., Filimonov V.S., Baldina E.P., Greze V.N. // Academia de Ciencias de Cuba Inst. de Oceanologia. Ser. Oceanologica. - 1969. - № 2. - P. 1-11.

1970

82. Возрастная структура популяций черноморских копепод и их продуктивность / Грезе В.Н., Балдина Э.П., Билева О.К. // Биологические процессы в морских и континентальных водоемах : тез. докл. 2-го съезда ВГБО. - Кишинев, 1970. - С. 96-97.

83. Проблема чистого моря / Грезе В.Н. // Океанографические аспекты самоочищения моря от загрязнения : материалы науч. конф. (Севастополь, 26-29 сент. 1968 г.). - Киев, 1970. - С. 5-9.

84. The biomass and production of different trophic levels in the pelagic communities of south seas / Greze V.N. // Marine Food Chains. - Edinburgh, 1970. - P. 458-467.

85. Black Sea pollution alarms USSR / Greze V.N. // World Ecology 2000. - Washington, 1970. - P. 4.

86. Conservation in the Black Sea / Greze V.N. // New Scientist. - 1970. - Vol. 48, no. 724. - P. 180-181.

1971

87. Биологическая структура и продуктивность пелагиали тропической Атлантики / Грезе В.Н. // Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 214-252.

88. Биология массовых видов беспозвоночных / Грезе В.Н. // Проблемы морской биологии / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 77-83.

89. Введение / Грезе В.Н. // Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 3-5.

90. Вторичная продукция морских организмов / Грезе В.Н. // Проблемы морской биологии / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 190-195.

91. Динамика численности и продукции основных компонентов зоопланктона в неритической зоне Черного моря / Грезе В.Н., Балдина Э.П., Билева О.К. // Биология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - Вып. 24. - С. 12-49.

92. Зоопланктон: фаунистика - биология - продуктивность / Грезе В.Н. // Проблемы морской биологии / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 61-66.

93. Зоопланктон Финского залива / Битюков Э.П., Грезе В.Н., Петровская М.В. // Известия ГОСНИОРХ. - 1971. - Т. 76. - С. 46-64.
94. Інституту біології південних морів ім. О.О. Ковалевського-100 років / Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1971. - № 8. - С. 88-92.
95. Исследование биологической продуктивности в тропической Атлантике / Грезе В.Н. // Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии южных морей / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 102-114.
96. Материалы и методика исследований. Основные этапы биологического изучения пелагиали тропической Атлантики / Грезе В.Н. // Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 6-16.
97. Основные этапы биологического изучения пелагиали тропической Атлантики / Грезе В.Н. // Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 10-16.
98. Основные этапы столетних исследований зоопланктона в Институте биологии южных морей / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Вестник зоологии. - 1971. - № 5. - С. 12-17.
99. Продуктивность биологических систем в южных морях / Грезе В.Н. // Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии южных морей / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 5-8.
100. Ресурси Чорного моря та їх охорона / Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1971. - № 11. - С. 40-44.
101. Современные задачи морской биологии / Грезе В.Н. // Проблемы морской биологии / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 33-40.
102. Сто років шукань у глибинах моря / Грезе В.Н. // Наука і суспільство. - 1971. - № 10. - С. 19.
103. Столетие Института биологии южных морей и развитие гидробиологии в СССР / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1971. - Т. 7, № 4. - С. 108-114.
104. Темп воспроизводства кормовой базы планктоноядных рыб Черного моря / Грезе В.Н. // Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии южных морей / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1971. - С. 115-124.
105. Century of the Institute of Biology of Southern Seas at Sevastopol / Grese V.N. // Intern. Rev. Gesamt. Hydrobiol. - 1971. - Vol. 56, no. 5. - P. 811-818.
- 1972**
106. Живое море / Грезе В.Н. // Под знаменем ленинизма. - 1972. - № 5. - С. 62-64.

107. Памяти Владимира Алексеевича Водяницкого / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1972. - Т. 8, № 2. - С. 130-131.

1973

108. Биологическая структура и утилизация энергии в пелагиали тропической Атлантики / Грезе В.Н. // Тропическая зона Мирового океана и связанные с ней глобальные процессы. - Москва, 1973. - С. 280-288.

109. Вторичная продукция в южных морях / Грезе В.Н. // Океанология. - 1973. - Т. 13, вып. 1. - С. 107-113.

110. Вторичная продукция морей и океанов / Грезе В.Н. // Итоги науки и техники / ВИНТИ АН СССР. Сер. Общая экология. Биоценология. Гидробиология. - Москва, 1973. - Т. 1. - С. 102-137.

111. Морские гидробиологические исследования на Украине / Грезе В.Н., Заика В.Е. // Гидробиологический журнал. - 1973. - Т. 9, № 1. - С. 5-10.

112. Общие итоги и перспективы советских исследований в Средиземном и Черном морях / Грезе В.Н. // Материалы Всесоюзного симпозиума по изученности Черного и Средиземного морей, использованию и охране их ресурсов (Севастополь, окт.1973 г.) / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1973. - Ч. 2. - С. 3-14.

113. Продукция основных компонентов кормовой базы планктоноядных рыб Черного моря / Грезе В.Н., Федорина А.И., Чмыр В.Д. // Биология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1973. - Вып. 28. - С. 3-23.

1974

114. Десятирічні підсумки досліджень Чорного і Середземного морів : Всесоюз. симп. у Севастополі / Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1974. - № 6. - С. 93-94.

115. Функциональная характеристика эпипелагической экосистемы южной Атлантики / Грезе В.Н. // Исследование структуры и механизмов функционирования морских экологических систем : материалы Всесоюз. семинара (Севастополь, май 1974 г.). - Киев, 1974. - С. 18.

116. Secondary production of the seas and ocean / Greze V.N. // General Ecology. Biocenology. Hydrobiology. Biol. ser. - Boston, 1974. - Vol. 1. - P. 81-109. - (ITOGI Summar. of Sci. Progress)

1975

117. Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского / Грезе В.Н. // Биология моря. - 1975. - № 1. - С. 78-84.

118. Комплексные гидрофизические и биологические исследования пелагиали Южной Атлантики и Средиземного моря / Грезе В.Н., Ковалев А.В., Хлыстов Н.З. // Экспедиционные исследования в южной Атлантике и Средиземном море / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1975. - Ч. 1. - С. 3-7.

119. Предисловие / Грезе В.Н. // Биологические основы морской аквакультуры / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1975. - Вып. 1. - С. 3-4.

120. Сезонные изменения размерной структуры планктонного биоценоза на черноморском шельфе / Грезе В.Н. // Биология шельфа : тез. докл. Всесоюз. конф. - Владивосток, 1975. - С. 38-39.

121. Эффективность работы орудий лова планктона и оценка реальной численности элементов пелагического биоценоза / Грезе В.Н., Балдина Э.П., Билева О.К., Макарова Н.П. // Гидробиологический журнал. - 1975. - Т. 11, № 4. - С. 108-111.

1976

122. Основные черты структуры и функционирования экосистемы пелагиали южно-атлантического антициклонального круговорота / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Третий съезд Всесоюзного Гидробиологического общества : тез. докл. - Рига, 1976. - Т. 1. - С. 66-67.

123. Предварительные данные в распределении макробентоса на шельфе Средиземного моря / Мурина В.В., Грезе В.Н., Сергеева Н.Г., Третьякова Л.В., Куликова Н.М., Колесникова Е.А. // Экспедиционные исследования в Средиземном море в апреле-июне и в августе-октябре 1974 г. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1976. - С. 6-26.

124. Советские исследования биологической продуктивности морских биологических сообществ / Грезе В.Н., Петипа Т.С. // Биология моря. - 1976. - № 6. - С. 3-12.

1977

125. Введение / Грезе В.Н. // Исследования биологических ресурсов и их охраны в южных морях / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1977. - С. 3-4.

126. Изучение первичной и вторичной продукции пелагиали циркуляционной системы южной Атлантики / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Исследования биологических ресурсов и их охраны в южных морях / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1977. - С. 17-26

127. Море служит человеку / Заика В.Е., Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1977. - № 8. - С. 8-10.

128. Море служить людині / Заика В.Е., Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1977. - № 8. - С. 8-10.

129. Морская гидробиология в СССР и ее современные проблемы / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1977. - Т. 13, № 5. - С. 15-24.

130. [Рецензия] / Грезе В.Н. // Океанология. - 1977. - Т. 17, № 1. - С. 174-175. - Рец. на кн. : Экосистемы пелагиали Тихого океана / под ред. М.Е. Виноградова. - М. : Наука, 1975. - 398 с. - (Труды ИОАН СССР, Т. 102).

1978

131. Академик С.А. Зернов и развитие экологических принципов в гидробиологии / Грезе В.Н. // Биология моря. - 1978. - № 5. - С. 88-90.

132. Биологические исследования в южных морях в девятой пятилетке / Грезе В.Н. // Биология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1978. - Вып. 47. - С. 69-77.

133. Production in animal populations / Grese V.N. // Marine Ecology. - Chichester, 1978. - Vol. 4. - P. 89-114.

1979

134. Биология моря / Грезе В.Н. - Киев : Знание, 1979. - 48 с. - (Сер. 8. В лаборатории ученых, № 7).

135. Биопродукционная система Черного моря и ее функциональные характеристики / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1979. - Т. 15, № 4. - С. 3-9.

136. Вертикальное распределение и миграции (зоопланктон) / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 8. - С. 147-149.

137. Всесоюзное совещание по методам сбора и количественного учета морского планктона / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1979. - Т. 15, № 2. - С. 102.

138. Гидробиология / Грезе В.Н. // История Академии наук Украинской ССР. - Киев, 1979. - С. 445-453.

139. Зоопланктон и его структура в пелагиали Карибского моря / Грезе В.Н., Билева О.К. // Биология моря. - 1979. - № 2. - С. 3-10.

140. Исследование экосистем пелагиали южной Атлантики и морей Средиземноморского бассейна в 30-м рейсе НИС «Михаил Ломоносов» / Грезе В.Н., Ковалев А.В., Латун В.С. // Биология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Вып. 49. - С. 3-9.

141. Основные черты биологии зоопланктона / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 8. - С. 149-157.

142. Основные этапы изучения биологической продуктивности Черного моря / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 1. - С. 5-10.

143. Продукция зоопланктона / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 8. - С. 164-168.

144. Продукция зообентоса / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. II. - С. 239-241.

145. Состав и размерно-весовая характеристика / Грезе В.Н. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 8. Зоопланктон. - С. 143-147.

146. Численность и биомасса зоопланктона / Грезе В.Н., Федорина А.И. // Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1979. - Гл. 8. - С. 157-164.

1980

147. Морская гидробиология в СССР, ее современные проблемы и перспективы / Грезе В.Н. // История исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. - М., 1980. - С. 38-46. - (Биологические ресурсы гидросферы и их использование ; Т. 5).

148. Общие методические проблемы учета морского планктона / Грезе В.Н. // Экология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1980. - Вып. 3. - С. 54-58.

149. Трансформации энергии в экологической системе Черного моря / Грезе В.Н. // Океанология. - 1980. - Т. 20, вып. 1. - С. 123-128

1981

150. Гидробиологические исследования на Черном море / Грезе В.Н. // Труды Всесоюзного Гидробиологического общества АН СССР. - 1981. - Т. 24. - С. 5-16.

151. Итоги работы Института биологии южных морей им. А.О. Ковалевского за 1971-1980 гг. / Грезе В.Н. // Биология моря. - 1981. - № 4. - С. 88-92.

152. Крупномасштабные океанические круговороты как экологические системы / Грезе В.Н., Ковалев А.В., Лебедева М.Н. // 4-й съезд Всесоюзного Гидробиологического общества : тез. докл. - Киев, 1981. - Ч. 1. - С. 15.

153. Морская гидробиология в СССР, ее современные проблемы и перспективы / Грезе В.Н. // История исследований биологических ресурсов гидросферы и их использования. - Москва, 1981. - С. 38-46.

1982

154. А.с. 9022694, СССР. МКИ А 01 К 74/00 А 01 К 61/00. Устройство для сбора планктона / Грезе В.Н, Курбатов Б.В.; АН УССР. ИНБЮМ им. А.О. Ковалевского. - № 2881783/2813. - Заявл. 04.02.80, Опубл. 07.02.82. - Бюл. № 5.

155. Зоопланктон и его количественное распределение в восточном Средиземноморье / Грезе В.Н., Павлова Е.В., Шмелева А.А., Делало Е.П. // Экология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - 1982. - Вып. 8. - С. 37-46.

156. Проблема энергетического баланса в планктоне открытых вод океана / Грезе В.Н. // 2-ой Всесоюзный съезд океанологов : тез. докл. - Севастополь, 1982. - Вып. 5, ч. 1. - С. 104-105.

157. Сравнительная характеристика зоопланктона и его биологической структуры в Ионическом и Сардинском морях / Билева О.К., Грезе В.Н., Ковалев А.В., Морякова В.К., Скрябин В.А. // Экология моря : респ. межвед. сб. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1982. - Вып. 8. - С. 46-55.

158. Экосистема южной Атлантики и проблема энергетического баланса пелагического сообщества океана / Грезе В.Н. // Океанология. - 1982. - Т. 22, вып. 6. - С. 996-1001.

1983

159. Зоопланктонное сообщество в шельфовой экосистеме / Грезе В.Н. // Системный анализ и моделирование процессов на шельфе Черного моря. - Севастополь, 1983. - С. 115-122.

160. Использование пищи на рост и продукцию в популяциях копепод / Грезе В.Н. // Биология моря. - 1983. - № 2. - С. 20-25.

161. Zooplankton in some bank regions of the Mediterranean Sea / Greze V.N., Bileva O.K., Shmeleva A.A. // *Thalassographica*. - 1983. - Vol. 6. - P. 17-25.

1984

162. Биопродукция и трансформация энергии в экологической системе Черного моря / Грезе В.Н. // Комплексные исследования Черного моря. - Севастополь, 1984. - С. 100-106.

163. Общие структурные и функциональные характеристики Южноатлантического антициклонального круговорота как экологической системы / Грезе В.Н., Ковалев А.В., Лебедева М.Н. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 232-245.

164. Особенности тевто- и ихтиофауны эпипелагиали восточной части Карибского моря / Грезе В.Н., Лущина В.Г., Овчаров О.П., Салехова Л.П., Тамойкин М.Ю., Трофимов А.Г. // Океанографические исследования в Центрально-американских морях / АН УССР, Морской гидрофизический институт. - Севастополь, 1984. - С. 136-146.

165. Продукционная характеристика / Грезе В.Н. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 183-194.

166. Размерный состав и трофическая структура / Грезе В.Н., Морякова В.К. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 164-171.

167. Рационы и усвоение пищи / Грезе В.Н. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 171-173.

168. Скорость дыхания / Грезе В.Н., Ивлева И.В. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 173-175.

169. Содержание сухого вещества / Грезе В.Н., Ивлева И.В. // Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1984. - С. 175-178.

170. Структура пелагической экосистемы в районах поднятий океанического дна Атлантики / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Природная среда и биологические ресурсы морей и океанов. - Ленинград, 1984. - С. 83.

171. Utilization of food for growth and production in populations of marine Copepods / Greze V.N. // Soviet Journal of Marine Biology. - 1984. - Vol. 9, no 2. - P. 73-78.

1985

172. Экосистема Черного моря: підсумки і перспективи дослідження / Грезе В.Н. // Вісник АН УРСР. - 1985. - № 4. - С. 24-32.

173. Размерная и трофическая структура зоопланктона в Средиземном море / Грезе В.Н., Билева О.К., Ковалев А.В., Шмелева А.А. // Биология моря. - 1985. - № 6. - С. 12-18.

174. Распределение планктона в районах поднятий океанического дна / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Биологические основы промыслового освоения открытых районов океана. - Москва, 1985. - С. 204-210.

175. Связь количественного распределения атлантического крылоруккого кальмара и летучих рыб с динамикой вод в северо-западной части Тропической Атлантики / Грезе В.Н., Овчаров О.П., Сизов А.А. // Комплексное изучение природы Атлантического океана : тез. докл. 4-ой обл. конф. - Калининград, 1985. - С. 70-72.

176. Zooplankton transfer through the Gibraltar strait and peculiarities of its taxonomic composition and distribution in adjacent areas / Greze V.N., Kovalev A.V., Baldina E.P., Bileva O.K., Shmeleva A.A. // Investigacion Pesquera. - 1985. - Vol. 49, no. 1. - P. 3-13.

1986

177. Продукция зоопланктона Черного и Средиземного морей / Грезе В.Н. // 5-й съезд Всесоюзного Гидробиологического общества : тез. докл. (Тольятти, 15-19 сент. 1986 г.). - Куйбышев, 1986. - Ч. 1. - С. 71-72.

1987

178. Азовское море / Грезе В.Н. // Природа Украинской ССР. Моря и внутренние воды. - Киев, 1987. - С. 30-47.

179. Биологическая структура и продуктивность пелагиали в районах подводных возвышенностей / Грезе В.Н., Ковалев А.В., Финенко З.З. // 3-й съезд советских океанологов : тез. докл. - Ленинград, 1987. - Секция. Биология океана. Ч. 1. - С. 136.

180. Рост пелагических рыб Средиземного моря и продукция их популяций / Грезе В.Н., Салехова Л.П. // Вопросы ихтиологии. - 1987. - Т. 27, вып. 3. - С. 466-477.

181. Экология биогидросферы / Грезе В.Н. // Гидробиологический журнал. - 1987. - Т. 23, № 4. - С. 98-100.

182. Zooplankton production in the Mediterranean Sea / Greze V.N. // Production et relations trophiques dans les ecosystemes marins: deuzieme colloque franco-sovietique (Yalta, 27 Oct.-2 Nov. 1984). - Brest, 1987. - P. 23-34.

1988

183. Мезозоопланктон / Грезе В.Н., Ковалев А.В. // Биоокеанографическая структура вод в районах подводных возвышенностей / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1988. - С. 159-163.

1989

184. Остракоды в планктонном сообществе Южной Атлантики / Друпун И.Е., Грезе В.Н. // Экология моря : респ. межвед. сб. науч. тр. / АН УССР., Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1989. - Вып. 31. - С. 30-35.

185. Пелагиаль Средиземного моря как экологическая система / Грезе В.Н. ; отв. ред. В.Е.Заика ; АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1989. - 198 с.

186. Продукция зоопланктона Средиземного моря / Грезе В.Н. // Экология моря : респ. межвед. сб. науч. тр. / АН УССР, Институт биологии южных морей им. А.О. Ковалевского. - Киев, 1989. - Вып. 33. - С. 2-12.

СТАТЬИ В.Н. ГРЕЗЕ В ГАЗЕТАХ

1. Как улучшить рыболовные угодия Шарыповского района / В.Н. Грезе // Звезда. - 1951. - № 50. - 13 декабря.
2. Рыбопродуктивность озер Туруханского района и как ее лучше использовать / В.Н. Грезе // Северный колхозник. - 1952. - № 24. - 15 мая.
3. Изыскивая участки для подводного лова рыбы / В.Н. Грезе // Красноярский рабочий. - 1953. - 9 мая.
4. Путь исследований подводного мира: к 100-летию Института биологии южных морей АН УССР / В. Н. Грезе // Слава Севастополя. - 1971. - № 175. - 3 сентября.
5. Решая проблемы гидробиологии: Институту биологии южных морей АН УССР - 100 лет / В.Н. Грезе. // Слава Севастополя. - 1971. - 21 сентября.
6. Кровно заинтересованы / В.Н. Грезе // Слава Севастополя. - 1973. - № 115. - 13 июня.
7. Вклад ученых / В.Н. Грезе // Слава Севастополя. - 1976. - № 144. - 23 июля. - С.3.

ПУБЛИКАЦИИ О В. Н. ГРЕЗЕ И ЕГО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Слідопити морів: інтерв'ю із докт. біол. наук заст. дир. Севастоп. ін-ту півд. морів АН УРСР Володимиром Грезе // Знання та праця. - 1966. - № 8. - С. 14-15.
2. В ногу с веком: интервью с директором Института биологии южных морей АН УССР чл.-кор. В.Н. Грезе // Слава Севастополя. - 1968
3. 60-річчя члена-кореспондента АН УРСР В.М. Грезе // Вісник АН УРСР. - 1975. - № 12. - С. 93.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении чл.-кор. АН УССР Грезе В.Н. Орденом Трудового Красного Знамени // Слава Севастополя. - 1975. - 19 декабря.
5. Иоганзен Б.Г. Владимир Николаевич Грезе (к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной и общественной деятельности) / Б.Г. Иоганзен, Я.Я. Цееб // Гидробиологический журнал. - 1976. - Т. 12, № 5. - С. 105-107.
6. Награда ученому // Слава Севастополя. - 1976. - 12 марта.
7. Грезе Владимир Николаевич // История Академии наук Украинской ССР. - Киев, 1979. - С. 754.
8. Владимир Николаевич Грезе // Биология моря. - 1980. - № 6. - С. 87.
9. 70-річчя члена-кореспондента АН УРСР В.М. Грезе // Вісник Академії наук Української РСР. - 1985. - № 11. - С. 99.

10. Указ о награждении члена-корреспондента АН УССР Грезе В.Н. Почетной грамотой Президиума Верховного совета Украинской ССР // Видом. Верхов. Ради УРСР. - 1985. - № 51. - С. 1332 (ст. 1221).
11. Морозова А.Л. Члену-корреспонденту АН УССР В.Н. Грезе-70 лет / А.Л. Морозова, В.Н. Иванов, В.М. Николаев // Гидробиологический журнал. - 1986. - Т. 22, № 3. - С. 110.
12. Гиренко А.Н. Владимир Николаевич Грезе / А.Н. Гиренко, А.М. Рошупкин, Н.В. Багров и др. // Крымская правда. - 1988. - № 24. - 29 января.
13. Владимир Николаевич Грезе // Слава Севастополя. - 1988. - № 20. - 29 января.
14. Петица Т.С. Владимир Николаевич Грезе (1915-1988) / Т.С. Петица, А.В. Ковалев // Биология моря. - 1990. - № 1. - С. 75-76.
15. Ковалев А.В. К 90-летию Владимира Николаевича Грезе / А.В. Ковалев // Морской экологический журнал. - 2006. - Т. 5, № 1. - С. 101-102.
16. Грезе Е.В. К 100-летию со дня рождения В.Н. Грезе : страницы жизни / Е.В. Грезе // Морской биологический журнал. - 2016. - Т. 1, № 1. - С. 76-82.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

1. Биология и распределение планктона южных морей / отв. ред. В.Н. Грезе. - Москва : Наука, 1967. - 190 с. - (АН СССР, Океанографическая комиссия).
2. Экологическая физиология морских планктонных водорослей (в условиях культур) / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1971. - 208 с.
3. Вопросы продукционной, санитарной и технической гидробиологии южных морей / под ред. В.Н. Грезе; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1971. - 196 с.
4. Планктон и биологическая продуктивность тропической Атлантики / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1971. - 279 с.
5. Энергетические аспекты роста и обмена водных животных : материалы симпоз. (Севастополь, 9-11 окт. 1972 г.) / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1972. - 283 с.
6. Лебедева М.Н. Бактериальное население Средиземного и Красного морей / М.Н. Лебедева, Е.М. Маркианович ; отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1972. - 176 с.
7. Биология моря : респ. межвед. сб. Вып. 31 / отв. ред. В.Н. Грезе. - Киев : Наук. думка, 1973. - 178 с.
8. Экспедиционные исследования в Средиземном море в июле-августе 1971 г. 68-й рейс нис «Академик Ковалевский» / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1973. - 68 с.
9. Материалы Всесоюзного симпозиума по изученности Черного и Средиземного морей, использованию и охране их ресурсов. Ч. 1-4 / ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1973.
10. Биологическая продуктивность южных морей / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1974. - 298 с.
11. Биология моря : респ. межвед. сб. Вып. 32-44 / отв. ред. В.Н. Грезе; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1974-1978.
12. Биологические исследования в тропической зоне океана / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 122 с.

13. Биологические основы морской аквакультуры. Вып. 1 / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 74 с.

14. Самоочищение в прибрежной акватории Черного моря / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 142 с.

15. Экспедиционные исследования в Средиземном и Черном морях в ноябре-декабре 1971 г. : 69-й рейс нис «Академик А. Ковалевский» / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 166 с.

16. Определитель паразитов позвоночных Черного и Азовского морей / ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 551 с.

17. Экспедиционные исследования в южной Атлантике и Средиземном море : 27-й рейс нис «Михаил Ломоносов» / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 232 с.

18. Экспедиционные исследования в Средиземном море в июле-сентябре 1973 г. 72-й рейс нис «Академик Ковалевский» / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1975. - 88 с.

19. Экспедиционные исследования в Средиземном море в апреле-июне и августе-октябре 1974 г. 74-й-75-й рейсы нис «Академик Ковалевский» / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1976. - 130 с.

20. Биологические основы морской аквакультуры. Вып. 2 / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1976. - 80 с.

21. Исследования биологических ресурсов и их охраны в южных морях / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1977. - 90 с.

22. Атлас природных условий и естественных ресурсов Украинской ССР / под ред. В.Н. Грезе и др. ; АН УССР ; Мин-во высшего и среднего спец. образования УССР. - Москва : Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1978. - 183 с.

23. Основы биологической продуктивности Черного моря / под общ. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1979. - 392 с.

24. Заика В.Е. Сравнительная продуктивность гидробионтов / В.Е. Заика ; отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1983. - 206 с.

25. Биопродукционная система крупномасштабного океанического круговорота / под ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А.О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1984. - 264 с.
26. Природа Украинской ССР. Моря и внутренние воды / ред. В.Н. Грезе. - Киев : Наук. думка, 1987. - 224 с.
27. Биоокеанографическая структура вод в районах подводных возвышенностей / отв. ред. В.Н. Грезе ; АН УССР, Ин-т биологии юж. морей им. А. О. Ковалевского. - Киев : Наук. думка, 1988. - 208 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Зоологический музей. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова : Беспозвоночные животные : [Фондовая коллекция] [Электронный ресурс]. - Режим доступа : [http://zmmu.msu.ru/musei/fondy/bespozvonochnie-zhivotnie/sostav-fondov /paukoobraznie](http://zmmu.msu.ru/musei/fondy/bespozvonochnie-zhivotnie/sostav-fondov/paukoobraznie)). - Проверено: 22.06.2016.
2. Грезе Н.С. Пауки Донской области // Труды студенческого кружка по изучению родной природы при Московском университете. – Москва, 1909. – Т. 4. - С. 99-111.
3. Щусь О.И. О некоторых вопросах военного строительства на Украине в 1919 (на примере деятельности Киевского военного округа) // Украина в 1917-1921 гг. Некоторые проблемы истории : сборник научных трудов / Академия наук Украинской ССР, Институт истории Украины ; ред. Ю.Ю. Кондуфор. - Киев : Наукова думка, 1991. - С. 204.
4. Долин В.Г., Мамонтова В.А., Крышталь А.Ф. Фаунистика // Развитие биологии на Украине : в 3 т. — Киев, 1984—1985. - Т. 3 : Развитие зоологических и гидробиологических исследований, морской биологии, физиологии и биохимии животных и человека, генетики животных, криобиологии, радиобиологии, молекулярной биологии и вирусологии за годы Советской власти. - С. 28–39.
5. Состояние деревьев, заселяемых усачом / РГАУ-МСХА, Зооинженерный факультет [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.activestudy.info/sostoyanie-derevev-zaselyаемых-usachom/>. - Проверено: 22.06.2016.
6. Прогулки по Харькову: Улица консулов и репрессий [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://kharkov.comments.ua/article/2012/07/14/000512.html>. - Проверено: 22.06.2016.
7. Садчиков А.П., Розанов В.Б. Гидробиологическая станция на Косинских озерах / Биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра гидробиологии [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://hydro.bio.msu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=168&Itemid=58). - Проверено: 22.06.2016.
8. Набережный А.И. Коловратки. Род *Brachionus* [Электронный ресурс] // Набережный А.И. Коловратки водоемов Молдавии. - Кишинев, 1984. - Режим доступа : <https://hydrobiologist.wordpress.com/2009/11/02/brachionus/>. - Проверено: 22.06.2016.
9. Сайт ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://yspu.org/>. - Проверено : 22.06.2016.
10. Садчиков А.П. Першинская биологическая станция МОИП : к 90-летию кафедры гидробиологии МГУ [Электронный ресурс]. - Режим доступа

: <http://kontinentusa.com/pershinskaya-biologicheskaya-stanciya-moip/>. - Проверено: 22.06.2016.

11. Овечкин А.Е. Леонид Андреевич Шкорбатов, 1884-1972 : монография / отв. ред. Л. В. Алексеев; [Рос. акад. наук]. - Москва : Наука, 2005. - 217 с. - (Научно-биографическая литература).

12. *Красноярск : история развития города [Электронный ресурс]*. - Режим доступа : <http://www.admkrsk.ru/city/Pages/history.aspx>. - Проверено: 22.06.2016.

13. Очерки истории рыбохозяйственных исследований Сибири (1908-1968 гг.) / НИИ ЭРВНБ ; ИВМ СО РАН ; под ред. В. Н. Лопатина. – Новосибирск, 1999. – 354 с.

14. *Великие реки России. Река Енисей [Электронный ресурс]*. - Режим доступа : <http://turizm.mirvokrugnas.com/206607284277087146/velikie-reki-rossii-reka-enisej>. - Проверено: 22.06.2016.

15. *Поселок Левинские пески [Электронный ресурс]*. - Режим доступа : <http://my.krskstate.ru/docs/towns/posyelok-levinskie-peski/>. - Проверено: 22.06.2016.

16. *Сельское поселение Караул [Электронный ресурс] // Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район : сайт*. - Режим доступа : <http://www.taimyr24.ru/МО/Караул/>. - Проверено: 22.06.2016.

17. *Маак Р.К. Енисейская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года [Электронный ресурс]*. - Москва : Лань, 2013. - 116 с. - Режим доступа : http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=30663. - Проверено: 22.06.2016.

18. *Дельта реки Горбита (долина нижнего течения) [Электронный ресурс]*. - Режим доступа : <http://www.fesk.ru/wetlands/7.html>. - Проверено: 22.06.2016.

19. Водяницкий В.А. Записки натуралиста. - Москва : Наука, 1975. – 192 с.

20. Мурина В.В. Ираида Ивановна Грезе – известный гидробиолог и замечательный человек // Морской экологический журнал. - 2008. - Т. 7, № 1. - С. 86-88.

21. Грезе Владимир Николаевич (1915-1988) : биобиблиографический указатель / сост.: Г.Ф. Гусева, Ю.А. Загородняя. - Севастополь, 2015. – 39 с. - (Биобиблиография ученых России).

Научно-биографическое издание

Елена Владимировна Грезе
Владимир Николаевич Грезе, 1915–1988 :
Биографический очерк, дневники

Подписано в печать 04.08.2016 г.
Формат 61x86/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура Octava.
Усл. печ. л. 17,46. Тираж 300 экз. Заказ № 0408

Верстка и печать:
ООО «Полиграфический комплекс «КИА»
Россия, г. Севастополь, пр. Героев Сталинграда, 51
тел. (8692) 42 28 78, e-mail: kia01@mail.ru

Об авторе

Грезе Елена Владимировна родилась на берегу Енисея в г. Красноярске в семье научных работников, посвятивших свою жизнь гидробиологии пресных и морских водоёмов. Первые воспоминания детства связаны с атмосферой семейного счастья и величественной сказочной природой Сибири, которая вскоре сменилась солнечной экзотикой юга.

В Севастополе, по окончании школы, Елена поступила на биологический факультет Харьковского государственного университета. После учёбы в течение 20 лет работала по специальности в отделе ихтиологии ИнБЮМ, где ей посчастливилось участвовать в трёх длительных экспедициях на НИС «Профессор Водяницкий» и НИС «Академик Вернадский» в тропическую Атлантику в составе гидробиологического отряда с заходами в порты Европы, Африки и Америки.

С 2002 г., получив психологическое образование и защитив кандидатскую диссертацию, Елена Грезе работает доцентом в Гуманитарно-педагогическом институте Севастопольского государственного университета. Научные интересы связаны с психологией формирования экологического сознания. Имеет более 30 научных публикаций.

Е.В. Грезе унаследовала от родителей большую любовь к Природе в широком смысле, что разнообразно и гармонично проявляется в её жизни.

Е.В. Грезе унаследовала от родителей большую любовь к Природе в широком смысле, что разнообразно и гармонично проявляется в её жизни.

ISBN 978-5-9907362-3-8

9 785990 736238